

НАСТОЯЩАЯ ФАНТАСТИКА

2016

ВАДИМ ПАНОВ • ЛЕО КАГАНОВ • ЯРОСЛАВ ВЕРОВ •
ИГОРЬ МИНАКОВ • ИГОРЬ ВЕРЕСНЕВ • ДМИТРИЙ
ГРАДИНАР • ДМИТРИЙ ВОЛОДИХИН • МАЙК ГЕЛПРИН •
ЮЛИАНА ЛЕБЕДИНСКАЯ • СЕРГЕЙ ЧЕКМАЕВ

Вадим Панов

**Настоящая фантастика
– 2016 (сборник)**

«ЭКСМО»

2016

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Панов В. Ю.

Настоящая фантастика – 2016 (сборник) / В. Ю. Панов —
«Эксмо», 2016

ISBN 978-5-699-88830-6

Немецкие мотоциклисты, ворвавшиеся в село, внезапно окружили Таню Климову, ленинградскую комсомолку, застигнутую войной во время летней практики. Мучительная гибель была неизбежна, но девушке повезло – испытатель хронокапсулы из далекого будущего спас ее. Спустя тысячу лет человечество достигло звезд, терраформировало Марс, построило справедливое общество без насилия и войн. Тане предложили остаться в этом прекрасном мире навсегда, но как остаться, когда по родной земле ползут пятнистые коробки вражеских танков, а нелюди мучают и убивают мирных жителей?.. Загадочный посетитель явился к мудрому китайскому мастеру Ченгу, чтобы выведать у него секрет путешествия во времени. Нетерпеливый и жадный иностранец готов был заплатить любые деньги, сулил мировую славу, грозился смертью, но мудрый мастер стоял на своем – путешествие во времени невозможно... Особенно для таких вот нетерпеливых и жадных... Вадим Панов, Лео Каганов, Ярослав Веров, Игорь Минаков и другие известные писатели-фантасты в традиционном ежегодном сборнике, выпускаемом по итогам Крымского фестиваля фантастики «Созвездие Аю-Даг»!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-699-88830-6

© Панов В. Ю., 2016

© Эксмо, 2016

Содержание

За пределами бессмертия	7
Наталья Духина	8
Глава 1	8
Глава 2	20
Глава 3	31
Глава 4	39
Глава 5	41
Глава 6	48
Эпилог	62
Игорь Вереснев	65
Юлиана Лебединская	76
Сергей Битюцкий	86
Что-то новое во времени	88
Ярослав Веров, Игорь Минаков	89
1	89
Конец ознакомительного фрагмента.	91

**Наталья Духина, Игорь Вереснев,
Юлиана Лебединская, Сергей Битюцкий,
Ярослав Веров, Игорь Минаков,
Михаил Савеличев, Александр Денисов,
Ирина Лазаренко, Алекс Бор, Николай
Немытов, Майк Гелприн, Дмитрий
Лукин, Леонид Каганов, Сергей Чекмаев,
Дмитрий Градинар, Арти Д. Александер,
Алекс Громов, Дмитрий Володихин,
Ника Батхен, Айнур Сибгатуллин,
Виктория Балашова, Вадим Панов,
Григорий Панченко, Саша Кругосветов
Настоящая фантастика – 2016 (сборник)
*сост. Г. Гусаков, И. Минаков***

© Александер А., Балашова В., Батхен Н., Битюцкий С., Бор А., Вереснев И., Веров Я., Володихин Д., Гелприн М., Градинар Д., Громов А., Денисов А., Духина Н., Каганов Л., Кругосветов С., Лазаренко И., Лебединская Ю., Лукин Д., Минаков И., Немытов Н., Панов В., Панченко Г., Савеличев М., Сибгатуллин А., Чекмаев С., 2016

© Состав и оформление. ООО «Издательство «Э», 2016

За пределами бессмертия

(по итогам мастер-класса Дмитрия Скирюка)

Наталья Духина

Я не зомби!

Глава 1

25 июля

Темно. Абсолютная чернота. А глаза-то у тебя открыты, милая?

Похлопала веками – открыты. Так темно или ослепла?

Тело! У меня должно быть тело, помню точно. Сжала кулаки – сжимаются. И ноги – подозрительно странным образом, но шевелятся.

Я разозлилась.

Меня что, в гроб определили? Собралась с духом и изо всех сил ломанулась встать.

Получилось. Значит, не в гробу. Ф-фу, аж сердце зашло – а ну как и вправду похоронили заживо.

Прошлась на ощупь вдоль стенок. Углы по сто двадцать градусов, стороны по два метра – в периметре получается шестиугольник. Никак наш родимый бокс для подопытных? Он самый, вон и вмятинка характерная.

Почему я здесь?

Память ослабла, что ли, ты ж сама восторженно верещала, когда Леха предложил! «Это тебе подарок ко дню рождения!» – сказал. Оригинальный такой подарочек – считать мозг и записать на носитель. Иметь свою копию мало кто может себе позволить: в массовое производство технологию пускать не предполагалось, да и хранение требует особых условий.

Стоп. А если я копия и есть? В обезьяньем, допустим, теле?

Да ну, не может быть. Хотя... показалось или нет, будто пальцы прошли по волосатому покрову вместо гладкой кожи?

Черт-те что мерещится. Отложим версию как маловероятную. И кончаем морочиться, работаем.

В стену должна быть вмонтирована такая ма-аленькая штучка – для персонала, случайно запертого. Сотруднички у нас раззявы те еще, обезопасились втайне от начальства. Ага, нащупала. Нажала строго определенным образом.

И скрючилась от хлынувшего света. Дуреха, глазки-то прикрывать надо! Но разглядеть успела: никакая я не обезьяна. Обычная женщина.

Наверное, что-то пошло не так во время процедуры. Считывание происходит в удобном кресле, в нем же пациент и очухивается. А не в темном боксе. Я спокойна, спокойна. Десятки раз проделывали, ни разу никаких эксцессов. Но то ж с другими. А с тобой, Наталья, всегда чепэ, сколько себя помню... Не распляйся на философию, свыклась со светом – и вперед, наружу!

А снаружи-то – никого... Не ждали, называется.

Если меня изолировали – значит, не стоит афишировать, что я освободилась. Что-то мне все это не нравится... шутка какая-то дурацкая. Ну, погодите...

Заперла бокс с внешней стороны на известный код. В окошке наблюдения, настроенном на инфракрасный режим, подправила картинку: стерла свой выход, скопировала мувик длительностью полчаса, где я безжизненно валяюсь, и поставила циклить. Ха, Леха, это тебе привет от меня, потом вместе поржем.

Стащила халат из закутка бабы Маши, нашей уборщицы, накинула на плечи и в обход камер добралась до своей комнатки.

Да, у меня собственный кабинет. Маленький, но сам факт приятно греет самолюбие. Петрович постарался, мой научный руководитель еще с аспирантуры, и защититься тогда помог, и с работой – взял к себе в группу. Институт у нас престижный, с улицы не попасть. Повезло, одним словом, с шефом, хороший мужик. И сама я хорошая, умная, добрая (хвалить себя, повышая самооценку, рекомендовал штатный институтский психолог).

Запустила комп.

И обалдела.

Кто смел касаться моего сокровища?! Почему фон другой?! Что за новая папка в рабочем разделе, да еще и запароленная, вот гады... Перешли черту, называется. Игривое настроение испарилось.

Ввела поочередно свои секретные пароли, и на третьем – самом интимном, если можно так выразиться – директория открылась. Сердце екнуло. Кроме меня, этот пароль не знал никто – вообще. Рылись в моем мозге? Зачем?!

Число! Какое сегодня число?

Боже ж ты мой, день рождения у меня 22 января, и ложилась на считывание я чуть загодя – двадцатого... А компьютер утверждает – нынче 25 июля! И ведь не врет: за окном – лето, как сразу-то не сообразила, вся из себя умная... Хорошо хоть год один в один.

Господи, а кто и что с Танькой? Перед уходом на процедуру предупредила заведующую, чтобы если что – Таню в круглосуточную группу определили. Неужто до сих пор ребенок в саду? Она же с ума сойдет, пять годиков всего, ребенок без мамы не может!

Погоди гнать волну, думай еще, час на фоне полугода – не время! В содержимое вникай, в содержимое! Панику к черту, все эмоции и думы после!

По прочтении оправила мешковатый халат, для пущей конспирации повязала косынку и, прихватив из угла веник, неспешно побрела в душ, как есть уборщица. Мысли разбегались, словно тараканы при внезапно включенном свете. Женщин у нас мало, дамская половина санитарной зоны обычно пустует. И в этот раз никого. Заперла дверь, скинула одежду. Встала перед большим зеркалом, вперила взгляд в отражение.

Я или не я? Белое, длинное, тощее тело... зачем так грубо, Наталья – не тощее, а стройное. Грудки что надо, пусть маленькие, зато упругие, дольше не обвиснут, как у некоторых. Родинка. Шрам надо лбом, под волосами. Волосенки жидковаты, зато светлые. Виснут сосульками, но это временное явление – помою и распушусь в одуванчик. Все мое и на месте; сомнений нет, передо мной – я. Ф-фу, отлегло.

Но что-то не так. Что?

Ёлы-палы, осязание просело... Трогаю предметы – вроде нормально. Но именно что вроде. Если шарить не глядя – вдвое как минимум упала чувствительность. Спокойно, для паники нет оснований: наверное, сказываются последствия травмы или еще какой гадости, из-за которой я оказалась в боксе.

Согласно моему же отчету из таинственной папки, считывание мозга прошло успешно, и вплоть до момента ИКС я вела обычный образ жизни, исправно ходила на работу.

Работаю я над телепортацией. Не в общем и целом, а в узкой ее части. Ученый из меня так себе, на подпевках, но я стараюсь, вникаю, грызу и в своей области, смею думать, разбираюсь досконально. Мы, работяги, процеживаем горы шлака в поисках зернышка. А находим – его тут же прибирает в свои гребучие лапы начальство. Мы пашем, они стригут. Не заводись, Наталья, испокон веков одни эксплуатировали других, было б с чего расстраиваться.

Момент ИКС случился три недели назад – четвертого июля: я вдруг перестала вести рабочий дневник. Безо всяких на то предпосылок – по крайней мере, они не отражены в предыду-

щем материале. Чтобы я – да не записывала! – со мной такого в принципе произойти не могло, разве что всемирный потоп или апокалипсис.

Одиннадцатого июля, то есть спустя неделю от момента ИКС, следовала странная запись: «Успела! Прости и прощай!»

Чисто в моем стиле: красиво излит вопль души, о чем именно – непонятно. Но веет болью. Такой безумной и сильной, что я – нынешняя – стерла ту запись. Ибо нефиг.

И все, больше в отчете ничего нет. Пусто.

Зато есть мое тело, очнувшееся в боксе для телепортированных, и сознание, помнящее события лишь до момента считывания мозга, случившегося полгода назад. Что это значит? Самая вероятная версия – со мной что-то сделали. Не что-то – смелее рассуждай, Наталья! – а конкретно: телепортировали, раз очнулась в боксе для телепортированных. И после закачали полугодовой давности копию.

Одно радует – выпавшие из памяти полгода я вела нормальный образ жизни, судя по скрупулезным записям дневника, значит, и Таня со мной была. Если она и в круглосуточной группе, то две-три недели, а не полгода. Тоже не фонтан – плачет небось, страдает... Нельзя на эту тему думать, расклеюсь. Без психоза, Натик. Я спокойна, спокойна, спокойна...

К опытам по телепортации животных институт приступил не так давно, если мерить глобальными мерками. Начали с мышей, дошли до собак. Благодаря подвижнической работе рядовых сотрудников (намекаю на нас с Лехой) удалось телепортировать живой объект на метр, потом на два, причем в соседний отсек с бетонными перегородками. Отличные результаты! Премии сыпались одна за другой, институт вышел на первые позиции в мировой научной гонке, газеты обещали скорый революционный прорыв и новую эру для человечества.

Но... Существовало маленькое «но»: перемещенные особи становились какими-то... странными. Будто с ума сходили. Падали и лежали, лапами дрыгали. Спустя какое-то время подымались – и начинался концерт: бегали, словно заведенные, по кругу, а некоторые и на человека бросались. Потому-то меня, наверное, и заперли после процедуры в боксе – вдруг в буйство впаду, покрушу имущество, сильная ведь, не рохля какая. А я, по всему, не пришла в себя, валялась недвижно – и тогда в меня закачали копию...

Телепортированных от нас забирали биологи. Меня передернуло – не хватало оказаться в безжалостных лапах и подвергнуться вивисекции! Из их огороженного здания порой раздаются настолько душераздирающие вопли, что сердце заходится от жалости, а перед глазами всплывает картинка: бедных жертв препарируют без наркоза. Вовремя сбежала!

Что дела не совсем благополучны – поняли мы с Лехой еще по первым экспериментам, когда подопытных забирали не сразу. Потом начальство очухалось, навело секретность. Ты работал – а результатов не видел, плоды труда изымались. Что конкретно происходило с плодами – оставалось лишь гадать. Биологи молчали, будто воды в рот набрали, даже на неформальных встречах в курилке. Лешка жаловался: его друг биолог Женька – и тот словечка по интересной теме не вымолвил.

Теперь понятно, почему работы засекретили: у испытуемых ломалась нервная система. Осязание – оно ведь благодаря нервным волокнам работает. Неприятно: на весь свет раструблили – вплотную, мол, подошли к освоению принципиально нового метода перемещения человека – и вдруг такая подлянка. Кому нужен транспорт, хоть самый распрекрасный, если он калечит пассажира!

И тут предо мной всплыл закономерный вопрос: копию мозга логично снимать непосредственно перед серьезным испытанием, телепортация же – испытание, серьезнее не бывает, и если вдруг в меня загрузили старый, полугодовой давности образец – значит... что? Да что угодно. Я чего-то натворила? Нет, не могла, у меня ж ребенок... Не стала бы Танькой рисковать – железно. Тогда... Мамочки!

Вот именно – мамочки. Я – мать! Где мой ребенок?

Немедленно к Таньке! Танечке моей ненаглядной, крошке розовошкой, пупсику сладкому...

В садик неслась изо всех сил – надо успеть на вечернюю прогулку, пока дети на улице и доступны взгляду. Старалась не думать. Удовольствие от быстроты преодоления пространства – пожалуйста, получай, а вот головой работать – не смей! В мозгу копошились личинки гадких мыслишек, заковать и не выпускать!

Не вышло не выпускать. Одна, самая жуткая, таки пробилла защиту и затопила сознание: а вдруг что ужасно непоправимое с дочей случилось? Вполне ведь возможный сценарий – мать добровольно идет на убийственный эксперимент. Потому что жить без ребенка смысла нет. Одна она у меня. Мужик предал, к другой ушел. Родители тоже предали – взяли и погибли в автокатастрофе. Сейчас я узнаю, что и дочь...

Влезла в крапивные заросли, прилипла к ограде, где гуляли круглосуточники. Полина, Данила, Антон... а Тани нет.

Меня затрясло, словно припадочную.

Кончай истерить, Наталья. Вон малец возле забора отирается... Юркнула к нему ползком.

– Егорка! – окликнула белобрысого пацаненка, сосредоточенно сопевшего над самолетиком. Развинчивал на составляющие – любимое хобби, гены в действии, называется. Отец его – теоретик, академик, выдающаяся личность, входит в руководящий пул нашего института.

– Тетя Наташа?! – воскликнул мальчик.

– Тс-с! Нельзя, чтоб меня видели. Где Таня?

– Ты из психушки сбежала? Папа сказал, ты сумасшедшая и тебе место в психушке.

Вот ведь умник, что твой папашка...

– Ну да, оттуда! – согласилась покорно, лишь бы скорее перейти к главному. – Про Таню скажи, не мучь больную тетю.

– Она ждала тебя! Плакала! Чего ты не шла?

– Когда? – простонала я. – Где?

– Ее папа забрал. А ты иди обратно, убегать нехорошо.

– Какой такой папа? – удивилась.

– Егор, ты что там! А ну, отойди от ограды, быстро! – хлестанул по ушам окрик воспитательницы. Задним ходом я вильнула назад в заросли.

Отпустило, разжалась натянутая струна. Дочь жива, и это главное. А с остальным разберусь. Неспешной рысцой трусила в направлении коттеджной застройки, куда переселился мой бывший, и крутила в голове версии.

Гаденыш взял моего ребенка! Но зачем? Зачем ему Танька? Неужто его нынешняя богатенькая пассия бесплодна, и он решил забрать дочь в новую семью?

Вполне себе версия: чтобы избавиться от настоящей матери, они подкупили шефа, уговорили создать из Натальи Петровой идола – первого на Земле телепортера. Типа космонавта Юрия Гагарина. Потом еще и наживутся на моем имени и славе, какие-никакие, а родственники...

Ха! Придумали – отнять дитя у матери! За свою кровиночку порву любого. Держитесь, гады!

Бывший смотрел на меня во все глаза, будто на мертвеца ожившего. Хотел и не мог выдавить ни слова. Лишь рот открывал, как выкинутая на берег рыбина. Большая, загорелая и накачанная. Холеный, паразит.

– Где спрятал Таньку, спрашиваю в последний раз! – я бешено выпучила глазищи, раскрыла пасть, обнажив клыки. А что, хороший ход подсказал Егорка – косить под сумасшедшую. Тесак прижала острием к его подбородку. Капля крови скатилась по лезвию.

– И-у! – икнул козел.

– Ах, так! – рассвирепела я уже по-настоящему.

– погоди! – услышала вдруг сзади. Плавно повернула голову, сохраняя на месте орудие давления.

Передо мной стояла его новая жена. Лицо белое. Губы трясутся. Волосы растрепаны. Но даже в таком расхлябанном спросонья виде не потеряла стати. Красивая, не мне чета. А главное, глаза б мои не видели – пузатая! Боже ж ты мой, беременная!

Стройная версия сыпалась в прах. Я обессиленно опустила руки. А ведь ни к чему им моя Танька, свою скоро родят.

– Где – мой – ребенок? – прочеканила устало. Заранее зная ответ.

– У нас ее нет, Наташа! – прожурчала Жанна д'Арк и загородила расплывшимся животом мужа, оттеснив его тушу себе за спину. – Правда, нет! Давай проведу тебя по дому, любую дверь открою.

Откроет она... любую...

Губы мои задрожали, в носу защипало. Отвернулась, незаметно смахнула слезу.

– Где она? – повторила с безнадежностью попугая.

– Не знаем мы, не знаем! – ожил вдруг бывший. Осмелел, вишь, когда я ослабла.

– Ну и хрен с вами.

Резюмировала и растворилась в ночи. Столько усилий – и все зря.

Погоди, как Егорка сказал, дословно? «Ее папа забрал!» Почему я решила, что «папа» – мой бывший? Да он ни разу в саду не был, мальчишка его знать не знает! Получается – что? Вот именно, дурашка. И я галопом ринулась напрямую через горы обратно. К академику. В элитный поселок, где проживали институтские бонзы.

26 июля

На полпути тормознула. Светало, день входил в законные права, обнажая темные углы и потайные тропы. Не стоит ломиться с бухты-барахты, без плана. Да и отдохнуть не мешало, поесть-попить. Хоть и не хочется, но надо.

Присмотрела заброшенный домик на окраине садоводческого товарищества. Дверь была ожидаемо заперта. Я и полезла в окно, прихватив железяку. Разбила стекло и... Форточник из меня никудышный: потеряла равновесие и напоролась на осколок, торчащий в раме. А нечего в чужие дома без спроса лазить, Наталья. Поранилась, зараза, и крепко.

Без паники, у дачников всегда есть аптечка!

Но почему не больно? Взглянула на пораненную руку – и соломенные мои волосенки встали дыбом. Чуть сознание не потеряла от испуга. До обмирания. Мясо разодрано, а крови нет!

Ощупала себя, стены, стол... Осязание упало практически до нуля. Утром еще чувствовала, а сейчас... И кровь... Тягучий пластик, а не кровь.

Охреть, я что – превращаюсь в зомби?

Да ну, не может быть. Слеза, вон, недавно выкатилась – а у зомбей слез не бывает! Здесь другое.

Мозг передает мышцам приказ на движение по нервам. Если нервная система терпит крах, то каким образом я вообще двигаюсь? Причем бодренько так, без особых усилий! Запуталась... так работают нервы или нет?

А-а, дошло – работают, но в одну сторону! Мозг командует, тело выполняет – односторонний процесс. А обратная связь порушена. Не чувствую ничего – потому что назад не отдается. Если вообразить – рана болит! – ой, тогда и больно. А не воображать? Не воображать сложно, ежели знаешь, что должно быть больно. Но если не знаешь... С ума сойти, голова кругом. Махнем-ка ножкой... ого, на цельный шпагат, а ведь я отнюдь не гибкая. И руки вращаются – не каждая гимнастка повторит. А подпрыгнуть? Тоже неплохо: выше прежнего. Физические кондиции улучшились. И у зомби тоже... Стоп. Кончай себя пугать.

Аптечку нашла быстро. Особо не вглядываясь в консистенцию, полила рану перекисью, залепила накрепко пластырем.

А ведь зря я к академику намылилась. Если б Таня была у него дома, Егорка так бы и сказал. Не врут дети, не умеют. Нет у них Тани.

Что делать, решу после, на свежую голову. А сейчас – отдыхать. Да, отдыхать – я человек, а не зомби, и должна вздремнуть. Даже если собственно телу все равно – мозг не может работать сутками. Мозг у меня точно живой!

Проспала до вечера. Проснувшись, первым делом подошла к зеркалу, вгляделась. Черты лица обострились, цвет потускнел, проступил землисто-серый оттенок, выглядевший особо отвратительно на фоне нежно-розового закатного буйства.

Вслушалась. Сердце стучит? Не стучит. А заставить? Представила: гладкие мешочки – начинают – медленно – пульсировать...

Вроде что-то зашуршало в груди. Могу завести моторчик, могу. Только что он гнать по венам будет, идиотка, у тебя же кровь свернутая! В носу засвербило, захотелось плакать. Не будет крови – не будет и внешнего вида. Совсем скоро. Где Танька?

И тут на меня снизошло: надо к Лехе! Леха все знает, он мой друг и соратник, работаем рука об руку. План действий оформился сразу и выпукло.

Простите, хозяйева, прихватчу кое-что из ваших запасов. Потом верну сторицей, и за разбитое стекло в том числе. Если оно будет, это «потом».

Понимала ли я, что могу попасть в ловушку? Понимала. Если где и организовывать засаду, не считая собственного жилища, то именно у Лехи. Потому, прежде чем лезть в здание, подготовила путь отхода. Может, зря старалась. Но лучше перестраховаться.

Жара, июль – окна через одно нараспашку, в том числе в умывалку на третьем – Лешкином – этаже с противоположной стороны здания. Когда луну скрыло набежавшей тучкой и воцарилась тьма, я взобралась по трубе и проникла внутрь.

В общежитии коридорная система. Как ни вглядывалась в длинный сумеречный коридор, подсвеченный редкими тусклыми лампочками, ничего подозрительного не уловила. Шла крадучись, тихонько, словно тень.

Дверь в Лехину комнату была не заперта. Она частенько не заперта, общага же, почти коммуна. В абсолютной тишине привидением я скользнула внутрь.

И увидела Леху.

Он сидел в центре комнаты, одетый в белую рубаху с длинными рукавами, ровно такую же практикуют в психушках. Руки крест-накрест привязаны к телу и к спинке стула, рот залеплен пластырем. Его любимый торшер направленно освещал поникшую фигуру хозяина.

Я остолбенела. Что это – засада? Но никого же нет! Или есть?

Тихо, замереть и не двигаться!

Он поднял голову, будто почувал, а ведь ни звука, ни шороха не произвела, воняю уже, что ли? Несколько долгих секунд мы гляделись друг в друга. Он продолжал сидеть неподвижно, ни один мускул на лице не дрогнул. Жили одни лишь глаза. Распахнутые до невозможности. Удивление, радость, испуг... И голова его отчаянно дернулась в сторону окна.

Поняла, не дура. Метнулась стрелой, куда указал Лешик. Возникшие ниоткуда фигуры в черном не успели меня коснуться, я их опередила. В прыжке разбила телом стекло и рухнула вниз, на асфальт.

Тут же вскочила и помчала к кустам, за которыми поднимался лес. Наверное, сломала ногу – бежать быстро не получилось, но больно не было – и ладно.

Гвалт, всполохи света... Опоздали с фонариками, господа преследователи, из тьмы вам меня теперь не выцепить. Нырнула рыбка в заранее вырытую яму, накрылась пленкой и дернула рычаг, обрушив на себя землю. А чего, дышать мне не обязательно. Пусть ищут. От собак тоже обезопасилась: на десятки метров вокруг общежития рассыпала толченый перец из паке-тиков.

Выползла из укрытия-могилы лишь через сутки, на рассвете. Вгляделась – нет дыры в окне. Заделали. Асфальт подмели. Тишь да благодать.

На карачках тихонько отползла подальше.

28 июля

Дачный домик становится моей временной резиденцией. А что, и расположен удобно – лес подходит прямо к забору, и электроника в наличии – есть откуда черпать информацию. Мусорить я не мусорю, аккуратная, вреда хозяевам не нанесу.

Опустила ставни и включила телевизор. Из новостей и узнала. Я, оказывается, – «ночной кошмар», именно так приятной наружности дикторша обозвала мою личность. Монстр и Чикатило в юбке, особо опасная больная, сбежавшая из сумасшедшего дома. За мной гоняются люди с автоматами, чуть не военное положение объявили по округе: «Перехват» и прочие планы. Как у Маршака, «ищут пожарные, ищет милиция»... читала Таньке на днях... в прошлой жизни.

Под льющуюся с экрана музыку, перемежаемую веселыми репликами, чинила коленку. Работала, отрешившись от мысли, что ковыряюсь в собственной ноге. Запретила себе даже думать о боли. Операция и прошла безболезненно. Восстановить на сто процентов не удалось, но проводами-шурупами скрепила треснувшую чашечку, подпаяла – и нормально! Сгибается нога. С натягом, правда. Но ходит уверенно, бегаёт тоже. Главное – не разрушается дальше. Ничего, Леха потом подправит, лучше, чем было, отремонтирует, он у нас не только голова-стый, но и рукастый... Ох, Лешенька, как ты, где? Во что мы с тобой влипли?

Ждать ночи не стала, сразу и потопала, завершившись с лечением. Путь мой лежал к академику, отцу Егорки. Он увел Таньку из сада. Не ниточка даже – канат. Опасно? Да. Сын наверняка рассказал отцу о нашей с ним встрече. С другой стороны, мальчишки обычно подобную ерунду, как беседа с теткой, ни в грош не ставят и дословно не запоминают... Ну, сказал он мне возвращаться в больницу, а где Таня – не знает. Может выгореть? Может. Но если вспомнит свое «папа забрал» – жди ловушки. Потому необходима разведка.

С академиком мы знакомы шапочно: сталкивались в садике по утрам, господин любил лично сопровождать сына до группы. Так и не решилась я не то что поболтать со звездным папашей, но и парой фраз переброситься. Хоть и люблю это дело – посудачить с мамашками. Не воспринимала его за простого родителя, все-таки замдиректора, работодатель... нас много, их единицы. Робела до онемения. Еще и бывший постарался, опустил мое самомнение ниже плинтуса. Говорю, самооценка ни к черту. Была. Да сплыла.

Нынче все поменялось. Силищу ощущаю немереную. И в некотором роде браваду – ни ножи не страшны нам, ни пули. Совсем не устаю. Не задыхаюсь. Вообще могу не дышать! Но дышу, заставляю себя. Потому что иначе нельзя: начнешь думать, что мертвая, мертвой и станешь. А я живая. Живая!

Да, я не чувствую. Но мне больно вспоминать. А зомбям не больно, им все равно, их ничто не колышет. Я не зомби!

В элитный поселок проникла, использовав вновь приобретенные качества – просочилась там, где живые не пройдут. Закопавшись в землю, наблюдала за домом, пока не стемнело. Звонкий голосок Егорки, взывающего к отцу, подтвердил – семейство в сборе.

28 июля, вечер

– Ну здравствуй, Наталья! – сказал академик, когда я возникла перед ним в его собственном кабинете. Будто и не испугался вовсе, железные нервы у мужика. Я ведь теперь... э-э, как бы помягче... выгляжу страшненько. – Я ждал тебя.

Ага, ждал, как же, на голубом глазу верю.

– А чего ж тогда охраны нет?

– Специально усрал. Тебя спугнуть боялся! – произносит этак проникновенно, полупешотом. – Поговорить надо!

– Ну, говорите. Слушаю! – И тесаком верчу-поигрываю...

И понес он какую-то ересь – извинялся, что недоглядели, но теперь они сделают все возможное, чтобы исправить ситуацию. С ног сбились, ищут меня всем миром, потому что хотят помочь.

– А с Громовым Алексеем что?

Он мазнул по мне удивленным взглядом.

– Как! Они тебе не рассказывали?

Что за «они», кто такие?

– Не помню! – говорю честно.

– Что, совсем ничего?

– Совсем! Провал в памяти! – закусив губу, я никну.

И он рассказывает историю. Будто бы некоторое время назад – точнее, четвертого июля – случилось несчастье: наши с Лешей головы попали под облучение. Каким образом? Отключилось электричество во всем корпусе, мы склонились взглянуть на объект – а свет возьми и включись. Головушки наши переместиться – не переместились, ибо в задании сдвига при обесточивании автоматически выставляется ноль. Но, видимо, как-то обновились. Повредились умом, одним словом, сразу и обе.

И увезли нас с Лехой в психиатрическую клинику. Откуда я сбежала через пару дней. Пять дней меня ловили всем составом и поймали, куда ж я денусь. Была я плоха и буйствовала, но, в отличие от шелкового, словно растение, Алексея, проблески мысли у меня проскальзывали.

А потом меня выкрали – и телепортировали. Насильно.

– Погодите, а как же я оказалась в боксе для телепортированных?

– А где ты хотела? Аппарат для телепортации – один-единственный в мире.

– Но... как же... меня же украли... – поперхнулась я.

– Элементарно. Похитителям был выставлен ультиматум: убирайтесь с миром, но оставьте женщину. Вот и...

– А Лешка?

– С ним по-прежнему плохо, лежит в клинике. Уж мы его и на место жительства в общежитие помещали – надеялись, знакомая обстановка даст толчок мозгу на восстановление... да ты его на днях навещала, хоть это-то помнишь?

Я не ответила. Что-то здесь не сходилось...

– Рану открой! – вдруг приказал. Голосом невыносимо уверенным, будто он бог на земле, а остальные – паства. Привык пациентами командовать...

А что, пусть глядит. Может, чего дельного присоветует. В инфаркт не впадет, надеюсь, они ж на собаках насобачились, понавидались всякого.

Аккуратно отлепила на руке пластырь. Рана не заживала, все в том же виде и пребывала. Он вперил внимательный взгляд в мое обнаженное пластилиновое мясо.

– Да-а... – резюмировал. – Этого мы и боялись.

Я вернула пластырь на место.

– Ну и?

– Одно могу сказать точно. Ты должна прямо сейчас пойти со мной в институт. Это надо исследовать. Попробуем тебя перезапустить, вдруг получится оживить. Мозг ведь у тебя живой? Живой. Результат не гарантирую, но обещаю попробовать.

– Перспективный вердикт, – усмехнулась.

– А что ты хотела?! – вскинулся он.

Что я хотела? Что я хотела...

– Где Таня? – спросила в упор о главном. Пока лапшой мозг не завесил.

Он дернулся. Дернулся! И в сердце у меня бухнуло. Что с моим ребенком?!

– В надежном месте.

– Где именно? – сменила жесткий тон на мягкий, просительный.

– К тебе ее приведут, когда сдашься.

Издавается. Определенно, издавается. Шантажирует ребенком!

Ну, погоди, ты первый начал.

– Егорка! – прокричала, приоткрыв двери. – Иди сюда, папа зовет!

Академик изменился в лице, самодовольство как ветром сдуло.

– Ты! Что ты... не-ет... не посмеешь! – просипел. Голос пропал, ага.

– Еще как посмею! – ухмыльнулась. – Говори, собака, где Таня?

Ну, он и сказал, что не знает, где моя дочь. И никто не знает. Мол, в тот же день, четвертого июля, когда случилось несчастье и маму увезли в клинику, он забрал ребенка из садика и определил в «Теплый дом» – известный в городе приют для попавших в сложную жизненную ситуацию детей. А вскоре – через несколько дней – она оттуда исчезла.

Я печенкой почувствовала – не врет. Потому что за дверью стоял и стучался Егор, войти рвался. Единственный, поздний, долгожданный и желанный ребенок. Папаша аж посинел.

Я не монстр. И не Чикатило. Покинула их по-английски.

Ночь на 29 июля

Раскинув руки, валялась на травке, в лесу на полянке, глядела на звездное небо и думала. А что, если все так и есть, как сказал академик? На правду похоже... про психушку Егорка ведь тоже упоминал.

Но тут вспомнила взгляд Лехи. Не был он сумасшедшим, хоть режь. И тем более шелковым растением. Больные глаза замученного человека ясно кричали: «Беги!» Соврал академик про Леху. И словам его нет веры. Мужик умный, что хошь на раз-два придумает. Явилась неожиданная, но желанная гостья – он и насочинял. Проверить бы. Но как?

И про нулевой сдвиг подозрительно... нуль – он и есть нуль. Хотя...

Что такое телепортация, в сущности: пропало в одном месте, родилось в другом. Набор перешел в набор. А душа? У меня же перешла?! Не обнадеживайся, вряд ли перешла, раз копию закачали. Но ведь тогда... елы-палы... Неужели телепортация – эффективный метод превращения человека в зомби?! Да еще с возможностью закачать любые мозги?! Это ж Клондайк... Вот почему гоняются за мной не полицейские, а люди в камуфляже не пойми какого рода войск... Военные? Спецслужбы? Обалдеть! Спокойно, Наташка. Промокашка. Промокнись и думай!

Какую информацию – факты, а не сказочку от дядюшки-академика – узнала я в результате визита?

Два дня меня держали в психушке – раз. И пять дней за мной бегали – два.

И тут я подскочила, будто пружиной подброшенная. Два плюс пять равно семи! А ведь именно на седьмой день после момента ИКС выпадала та запись из компьютера: «Успела! Прости и прощай!» Ведь это я себе писала! Я! СЕБЕ! Зная, что вот-вот схватят!

Что я могла «успеть»? Да Таньку спрятать! Не баклуши ведь я была пять дней на свободе, наверняка сосредоточилась на главном. В старой ли, в обновленной, но главная мысль в обеих моих головушках все равно одна-единственная – про дочь.

Ура-а-а!!! Это я спрятала Таньку!

Пустилась в пляс.

Господи, пусть именно так и будет!

Отсюда, кстати, следует, что и про несчастный случай академик соврал. Не сходили мы с ума... по крайней мере, четвертого июля – точно не сходили. И Леха в плену, а не в сумасшедшем доме. А меня ищут совсем не для того, чтобы помочь. Что-то мы с напарником отчебучили выдающегося... или собирались отчебучить. В какой такой области – очевидно. Двое блаженных вопреки генеральной линии института решились донести до общества правду про новый оригинальный вид транспорта – заходят люди, выходят зомби. Или еще чище, чего мелочиться, – разоблачить планы военных на нового универсального солдата, фильм такой старый был, помню, с Ван Даммом в главной роли. Недаром главные наши спонсоры – военные. Делов-то – телепнул какого-нибудь отморозенного заключенного, закачал новый мозг – и получи на выходе преданного идеального бойца-зомби, которому ни пули, ни радиация нипочем!

А ведь я теперь – тоже Ван Дамм. И поддам. Ну-у... собираюсь поддать, если получится. Но прежде найду дочь.

Раздухарилась, ишь, целую теорию заговора выстроила... А ведь толком не знаешь, одни догадки, может, туфта все это, из пальца высосанная...

Туфта? А моя кровь свернувшаяся – тоже туфта?

Может, навестить шефа, он точно знает... Нет! Оставь шефа в покое, там стопроцентно ловушка, второй раз уйти не дадут, ребятки тоже не болванчики, ошибок не повторяют. Мозгуй лучше, куда Таньку дела!

Но сколько ни мучила мозг, ничего не вымучила. Ни одного безопасного места не вспомнила. Ну не знаю! Не знаю! Куда могла «успеть» спрятать?

И я вновь углубилась в думы, уже без хаотичного надрыва, размеренно проворачивала в голове слова последней записи.

«Прощай» – ясно, прощалась. Со мной нынешней. То есть знала, что я заменю ее. В смысле, себя. Предположение шаткое, но согласуется с «успела». Хочу верить – так оно и было. И буду верить – по крайней мере до тех пор, пока не получу доказательства обратного.

Покая не давало «прости». За что прощения просила? Она (я бывшая) сделала все возможное и невозможное, не сомневаюсь. Это мне у нее прощения просить. А сантименты разводить – не в нашем стиле.

Не заметила, как отключилась. Да, спать мне необходимо. Хотя бы изредка. Потому что я человек, а не зомби.

«Прости» я раскусила во сне: увидела родителей... Они укоризненно качали головами. Вот именно – укоризненно! Вскинулась, сон как рукой сняло. По жизни я, может, и застенчивая, но никак не сентиментальная, скорее, жесткая, просить прощения – у себя! – могла только из-за них. Потревожила небось их прах. Это ж просто, как дважды два, – надо идти на могилу и искать знак.

Сразу и потащилась, благо недалеко и время подходящее – глубокая ночь. Наверняка меня там ждут, обложить родные места – классика жанра. Обходить засаду лучше, когда наблюдающие клюют носами. По счастью, кладбище – не квартира в городе, где со мной легко справиться. Кладбище – моя теперь вотчина. Сыграем на равных. В игру вступает хромая зо... – нет-нет, не зомби! – Баба Яга. Ха!

Авто засекала сразу. Непреступно закрытое. Сидят, поди, перед экранами, с воткнутыми в уши наушниками, ждут, когда сигнализация сработает. Правильно делают: у могилы в кустах лежать холодно и сыро. А приборчики я найду, с приборчиками не один пуд соли съела, работа у меня такая.

Вижу в темноте неплохо, хоть какой плюс от нового состояния. Ползла и всматривалась. Система детекторов плотно перекрывала зону. «И это все?» – усмехнулась. Недооценивают...

Змей и прочих гадов я теперь не боюсь. Швырнула на могильную плиту змею, прости, отец. Тварь извивалась, того и гляди уползет. Странно – ноль эффекта. Почему тишина?

И тут как включились прожекторы, подвешенные на деревьях, как завывла сирена... Вдобавок сверху упала металлическая колючая сетка, накрыв большую площадь. Меня краем задело, едва ногу выдернула, сдирая кожу. Сетку-то я и не предусмотрела... так что не они, а я недооценила. Чуть не попалась.

Народу набежало, ох... Змею чуть не под микроскопом разглядывали. Матюги стояли – аж воздух загустел, топор вешать можно.

Сетку заново устанавливать не стали, отложили на утро, а мне того и надо. С лучиками сигнализации, снующими туда-сюда, худо-бедно справлюсь...

Занимался рассвет. Тьма сменилась серой полумглой, тишина била в уши. Можно начинать! Перво-наперво влезла на дерево и чуток отвернула камеру. И лишь после пробралась к родителям, старательно обходя препятствия.

Оранжевый блин солнышка, восходящий из-за горизонта, одарил лучиком, продравшимся сквозь густые ветви. Будто знак ниспослали сверху – мол, мы за тебя, Наталья! Я улыбнулась ответно солнышку и продолжила поиски.

И нашла.

На отцовом постаменте, мелко, в самом низу и сзади увидела знак: «ZNP1298785». Наш с Петровичем опознавательный шифр, еще с аспирантских времен. Никому, кроме нас двоих, не известный.

Вот это да! Получается, шеф на моей стороне?!

Настроение не просто повысилось – до небес скакнуло. Шеф помог и вывез Таню в безопасное место!

В эйфории лежала у могильной плиты и дергала сердцем и легкими, а желудок сам булькал в кадрили. А руками-ногами – ни-ни: сигнализация!

На радостях чуть не забыла стереть послание – но природа напомнила, накрыв оранжевый блин тучкой. Первую букву я все же стирать не стала – знак Петровичу, что прочла и осознала, пусть ждет и готовится.

Доберусь до резиденции – и в спокойной обстановке расшифрую код. А пока повторяла его и повторяла, вбивала в мозг намертво.

Ночь на 30 июля

Код расшифровала. По всему, это координаты. Осталось найти на карте. И где мне ее взять? Хозяин дачи сей предмет в доме не держит.

Первой мыслью было – посмотреть в Интернете. Но с Интернетом сложно: наверняка активирован режим слежения, когда любой, работающий в Сети, сканируется с целью идентификации. Опасно. Ну его, Интернет. Лучше по старинке. Большой географический атлас который год украшает собой витрину книжного магазина...

Когда наплывшие тучи сгустили тьму, а город перешел к просмотру своего десятого сна, я серой тенью прошелестела к известному дому, разбила стекло витрины, вытащила атлас – и деру. Свидетелей никого, полиция приедет не скоро, элементарно, Ватсон, а всплывшую было мыслишку о низости свершаемого поступка – на генном уровне ведь вбито, что красть нехорошо! – откинула как вредную в моем конкретном положении загнанного зайца. Собаки, заразы, увязались преследовать зайца, пришлось рулить в лес, туда стае бежать не резон – не их вотчина.

Углубилась в чашу. До резиденции не дотерпела: как только в тучах образовалось окошко и лунный свет озарил пространство – на первом же поваленном дереве разложила уворованный атлас. И отыскала на карте ту самую точку, где пребывает роза души моей – ненаглядная Танька.

Погрустнела: больно далеко. Сотни километров суши и воды.

Подозреваю, что и Петрович там. Или нет? Идеальным вариантом было бы, если б он Лешину маму привлек, Нину Васильевну. Когда она приезжала навестить любимого единственного сыночка, то останавливалась у нас с Таней, не в мужской же общаге жить – неудобно; и всю свою нерастрченную нежность на девочку изливала, на Леху не больно-то изольешь. И Танька ей радовалась, как родной бабушке.

Таня, Танечка...

Я опрокинулась на спину. Облака черными ключьями рвали серебристое лунное небо. Так и меня... рвут... темные непонятные силы. Ничего, вон на востоке забрезжило. День идет. И для меня придет, верю.

Добираться придется своими силами, людской транспорт недоступен. Борода, усы, развевающиеся белые волосы, просторная хламида, посох в руке – чем не вариант? И побреду я, аки странник. И поплыву, аки рыбина. Заманчивая перспектива, н-да. Но я дойду, не сомневаюсь.

Хорошо, дойдешь. А дальше?

Представила: возникаю, счастливая, перед Таней, тяну к ней руки и...

И ребенок становится заикой. Ясно?! А то и с ума сходит, что более вероятно. Увидеть страшилище – куда ни шло, пережить можно. Но когда ходячий труп вдобавок отдаленно напоминает родную мать – реально повредиться рассудком. Как ребенку, так и взрослому.

И меня – затопило. Ужасом понимания.

Я – не смогу – предстать – перед дочерью! Не смогу... Не посмею.

Больно, до чего больно...

В глазах защипало.

Утерлась тыльной стороной ладони. Задумчиво повертела рукой в лунном свете, задавая разные углы отражения. Ну да – блестит, отсвечивает неверным светом влага.

Натаалья, а ведь слезы – это тоже знак. Тебе, несчастной. Может, не врал академик, и меня в самом деле возможно... э-э... возродить? Перезапустить? Разве зомби плачут, скажите мне – плачут?

Пойти и сдать, что ли? Ради Таньки. Вдруг они меня и вправду оживят, я же не полная зо...

Очнись, милая! Вспомни Лешкин взгляд. Затравленный, отчаянный.

Нет, сдаваться нельзя. А что тогда можно?

Ну, это же очевидно, как дважды два. Ты знаешь что.

Я подхватила – хватит валяться! – и побрела к себе в «резиденцию».

На повестку дня выносятся задача номер один – освободить Леху. Все остальное – после. И прочь, сомнения и сантименты. Я – сильная. Ловкая. И вообще, я – универсальный солдат. В смысле, солдатка. Только так – и никак иначе.

Глава 2

Ежегодно в последний рабочий день перед Восьмым марта отдел собирался в конференц-зале. Нынешний год не стал исключением: поздравительные речи, улыбки, цветы, женщины ароматно благоухают, расцветивая яркими редкими мазками общее серое колыхающееся полотно, – обычная предпраздничная картина.

– Всем внимание! Прошу не расходиться, ожидается еще одно мероприятие! – огоршил собравшихся начальник отдела Антон Петрович. Изготовившиеся было на выход сотрудники недовольно загомонили: в лабораториях поджидали разнообразные вкусоности, подпольно пронесенные вопреки запретам. Как ни старалась дирекция блюсти дисциплину, но в части несанкционированных сабантуев проигрывала: желание праздника в народе неистребимо.

Из задних рядов поднялись трое и подошли к Петровичу. Двое – крепкие ребята в военной форме, третий же телосложения хлипкого и в гражданском.

– Хочу представить наших дорогих коллег! – торжественно провозгласил шеф, описывая рукой полукруг в сторону подошедших. – Они будут инспектировать наш отдел. Выявить неполадки и ускорить работу – наша общая цель.

И повел «коллег» по залу – знакомить тет-а-тет с персоналом.

Вытерпев лобызание ручки и льстивые комплименты своей якобы неземной красоте, Наталья раздраженно пробормотала вслед процессии:

– Удружил шеф. Хорош подарочек к празднику!

– Что, недовольна? А я думал, женщинам Тарзаны нравятся... в самом соку парни... – усмехнулся Алексей, коренастый брюнет роста чуть выше среднего.

Самолюбие его было уязвлено. Казалось бы – с чего? Всего и делов – пожали руки, представились. Но он словил на себе характерный пренебрежительный взгляд, присущий уверенным в своем превосходстве бойцам. Мазнули по нему, как по пустому месту. И ведь имеют основание зазнаваться: сквозь легкие серые рубахи угадывались мощные торсы. Он регулярно ходил в качалку, но никогда ему не накачаться до состояния этих двоих...

– Ф-фу, какой ты... Давай пари: щуплый в этой тройке – главный, а качки – его охрана.

– Ты хочешь сказать, эти двое совсем не...

– Именно. Они тупые «шестерки», а ботаник гений.

– Да ну?

– Пари!

– Заладила, пари да пари... Не хочу.

– Леш, а не по нашу ли они душу? – едва слышно молвила она.

– Возможно.

– Усиливаем конспирацию?

– Не смехи. Только усугубишь. Может, наоборот, навести на след? Пан или пропал.

– Класс! Ты гений, Леха! Еще гениальнее, чем Ботаник!

– Во-от, так бы сразу. А то...

Распахнулись двери, и вошла делегация, состоящая в большинстве своем из офицеров.

Их-то Петрович и ждал. Взошел на кафедру и постучал молоточком, что означало – прекратить разговоры и внимать.

– Для ввода в курс дела вновь прибывших – а товарищи будут работать бок о бок с нами, перенимать, так сказать, опыт – предлагаю собранию прослушать небольшую вводную лекцию.

Захаров, вы куда? Или вы полагаете, что знаете материал? Тогда милости прошу на мое место! С удовольствием послушаем вас.

– Что вы, Антон Петрович, как можно... просто дислокацию меняю... – проямлил Захаров, молодой и шустрый. Исчезнуть не удалось, придется слушать прописные истины.

– Телепортация, как известно, – это такое перемещение объекта, при котором движение нельзя проследить во времени, – полился красивый баритон Петровича, – или, в математических терминах, траекторию объекта нельзя описать непрерывной функцией времени. Вплоть до недавнего времени в академических кругах считалось, что материю и энергию телепортировать нельзя, а все паранормальные перемещения, описанные в неких околонуточных источниках, суть выдумка, фокус, подделка. Успешные же опыты начала двадцать первого века по телепортации фотонов и других мельчайших частиц подразумевали несколько иное явление, существенно более узкое, а именно – квантовую телепортацию. – «Квантовую» шеф выделил голосом. Для лучшей усвояемости повторил: – Квантовую! Квантовая телепортация обеспечивает лишь копирование свойств одной частицы на точно такую же другую. И эту другую еще надо организовать. Существуют и некоторые иные интерпретации явления: дырочная телепортация, нуль-пространство, прокол, ячейки Чекмасова. Транспортный луч и вовсе предполагает разложение объекта на атомы, перенос информации в заданную точку и ее восстановление с помощью некоей машины, которая знает, как именно восстанавливать. Неизвестно, соберешь ли и что именно соберешь, но вот уничтожишь объект стопроцентно. Или, к примеру, если взять дырочную...

– А нельзя сразу к сути? – перебил шефа тщедушный Ботаник. И поправил очки.

Петрович заметно напрягся. С одной стороны, замечательно, что военные знают тему. С другой, перебивать – не комильфо, особенно когда к тебе со всем пиететом... и своего начальства не постеснялся, шельмец. А директор предупреждал!

– К сути так к сути. Институт пошел по принципиально иному пути: никакого разбиения на частицы, объект воспринимается целиком, – ускорил он темп изложения. – При этом переноса материи как таковой не происходит, и копированием информации наши опыты не назовешь. «Что тогда?» – спросите вы. Отвечаю. Возьмем микромир. Известно явление квантовой запутанности. Квантовые состояния частиц в запутанной паре взаимозависимы, и если поменять, например, спин первой, то автоматически вторая закрутится в обратном направлении. Располагаться при этом частицы могут сколь угодно далеко друг от друга. Собственно, аналогично и в макромире. Представьте образование в виде гантели – два воздушных шарика и тончайшую трубу между ними. Это и есть наша «запутанная» пара. Сжав первый из шаров, мы тем самым надует второй, не прикасаясь к нему, и наоборот. Аналогия грубая, сами понимаете, природа сил иная. Дематериализуем объект в одном месте и «рождаем» в другом. Важно в этом «другом» заранее подготовить плацдарм и связать обе области в «гантель» – запутанную пару. Подготовить плацдарм несложно: достаточно насытить принимаемое пространство энергией. «Гантель» же сотворить можно, если определенным образом облучить объект. А вот что касается гравитации...

– А можно подробнее – как именно облучить? – снова встрял Ботаник, не дав шефу блеснуть познаниями в астрофизике. – Принципиальную схему конструкции на пальцах, если можно.

– Собственно, эта самая схема и есть ноу-хау института, наше, так сказать, достояние. Если на пальцах, то пушка облучает объект Т-лучами, тем самым порождая запутанную пару. Облучает не абы как, а через Т-линзу, которая, собственно, и формирует параметры будущей пары. Оператору всего и надо – задать место прибытия, навести дуло на объект и нажать на клавишу «ПУСК». Вот, собственно, и все, если на пальцах. Теперь о гравитации...

– А кто обеспечивает плацдарм? – бесцеремонно поинтересовался Ботаник.

– Вижу, до гравитации нам сегодня не добраться. Может, и правильно – таки праздник, время неподходящее. Отвечаю на ваш вопрос, Александр Давидович. В нулевом режиме заботиться о подготовке плацдарма может кто угодно, это не наша головная боль. Например, всегда можно выстрелить в Солнце, объект гарантированно будет доставлен, энергии на плацдарме – бери не хочу. Зря усмехаетесь, господа. Знали бы, сколько живности отправилось туда, прежде чем... Собственно, продолжаю. В более сложном режиме задействуется энергомет, призванный насыщать энергией область «приземления», или плацдарм, в наших терминах. Подчеркиваю жирной чертой: энергомет должен располагаться в непосредственной близости от плацдарма, барьер между ними недопустим. Выстрелы Т-пушки и энергомета должны быть синхронизированы, мы стараемся сблизить их во времени, поскольку сложно держать неизменным столб высокой энергии, наш предел пока – доли секунды, но это дело наживное. Чем длиннее «гантель», тем сложнее организовать синхронизацию. О путешествии к звездам с такой схемой думать пока, как вы понимаете, не приходится. Не сомневаюсь, в будущем человечество придумает, чем заменить синхронизацию, и научится наращивать мощность пушки, от которой тоже зависит дальность.

Но уже сегодня вполне реально организовать перемещение в любую точку Земли, на астероиды или планеты Солнечной системы, космические корабли и в прочие места – туда, куда возможно заранее доставить энергомет и обеспечить его связь с оператором, производящим выстрел. Приглашаю к макету, где покажу наглядно... а после пройдем в святая святых – опытный зал, полюбуемся вживую на наш ТЭП! – широким жестом Петрович указал на дверь.

Делегация военных в полном составе и часть сотрудников двинулись вслед за шефом.

Наталья и Алексей переглянулись.

– Твой Ботаник и вправду не дурак, да еще и упертый, опасная смесь, – сквозь зубы процедил Леша. – Приступаем немедленно, все прочее в сторону.

– Слушаюсь, командир! – отбарбанила шепотом Наталья. И засеменила вслед за напарником, обмахиваясь, словно веером, букетом роз. Щеки неконтролируемо горели.

Проверяющие добрались до них через две недели.

– Здравствуйте! Будьте любезны показать документацию! – входя в кабинет к начлабу, в приказном тоне попросил Ботаник. Качки следовали за ним, ни на секунду не оставляя командира одного.

– Конечно, располагайтесь! – вскочил Иван Иванович. Невысокий, сухопарый, носатый, он походил на грифа – такой же собранный и опасный. – Сюда, за мой стол, он большой, вам будет удобно. Верочка, чаек организуй, пожалуйста!

– Не надо чая, Верочка. Сразу к делу. Иван Иванович, ваша лаборатория разрабатывает узел № 14, я правильно понимаю?

– Так точно. Железо, софт – с чего начнем?

– С бумаг. Отчеты, программы, чертежи – давайте все.

Несколько дней Ботаник корпел над документами. Время от времени вставал, закидывал руки за затылок и расхаживал с отсутствующим видом по лабораториям, боксам, кабинетам, макетному цеху. Бесцеремонно заходил за спину работающих и молча наблюдал. После задавал вопросы, въедливо и нудно докапываясь до сути, не пренебрегал и разговорами «за жизнь». Через неделю он знал об узле не меньше любого из сотрудников. Или думал, что знал.

Лаборатория Иван Ивановича отвечала за Т-линзу. Если линзу выстроить с ошибкой, так что она пошлет объект не в насыщенную энергией платформу, координаты которой оператор занес в ТЭП, а мимо и в пустоту, то нарушится принцип образования «гантели» – и перемещения не произойдет. Неприятно, но допустимо, объект не пострадает. Последствия принимают куда более удручающий оборот, если попадание в «платформу» происходит с достаточной точностью (более 90 %), но не стопроцентной. Тогда объект исчезает, а его телепортированная

копия принимает причудливый образ, чаще всего нежизнеспособный. Коли стреляешь – стреляй точно. То есть имей совершенное оружие.

Ботаник без стука зашел в кабинет Натальи. Подсел рядом на стул, куда обычно усаживался Леха, и устался на женщину. Словно кобра на жертву.

Помолчали. Наталья не могла вымолвить ни слова – внутри у нее будто оборвалось. Он наблюдал с непроницаемой маской на лице. Маленький, на голову ниже, лопухий, большие очки с толстыми стеклами... кобра и есть.

– Ну так что, Петрова, сознаваться будем? Добровольное признание смягчит вашу участь, – вымолвил наконец.

– Ка... какое признание... – прохрипела. Откашлялась. И более уверенно продолжила: – Не понимаю, о чем вы.

– О вашей неправомерной деятельности. Алексей уже сознался, так что смелее. Может, водички? Вы побледнели...

Мысли у Натальи пошли вскачь. На самом деле знает или блефует?

– Побледнеешь... вообще концы отдашь, такие сюрпризы. Да, воды, будьте добры.

Графин стоял рядом с женщиной, тому не составило труда налить и галантно подать.

Она отчаянно тянула время, цедя воду мелкими глоточками. Но как себя вести – так и не сообразила.

– Слушаю, – доверительно произнес он, когда стакан опустел. И придвинулся до неприличия близко.

Она отпрянула, откинувшись на спинку кресла. В нос шибало едким запахом мужского пота. Накатило отвращение – кобра еще и вонючая.

– Хорошо! Но только в присутствии Алексея.

– Он что, ваш... м-м...

– Он мой напарник. И отвечать по работе без него я отказываюсь.

– Лады! – неожиданно легко согласился Ботаник. Поднес к лицу трубку и попросил привести Алексея. И, пока его вели, продолжил допрос: – Итак, лично вы занимаетесь линзой...

– Не совсем. Лишь ее малой частью.

– А кто – большой?

– Иван Иванович, конечно. Он начальник лаборатории, ему по статусу положено.

– Он даже докторскую выстроил на этом материале, верно?

– Да! – насупилась она.

– На материале, созданном группой. И вами в том числе. Так?

– Так. Мой модуль тоже в его докторской.

– И модуль Алексея...

Наталья не ответила, уставилась в пол. Не модуль – целиком программа. Но если она уточнит...

– Который фактически и есть программа, – закончил мысль Ботаник, пристально наблюдая за ее реакцией.

Она кивнула. И поникла. Вот и все. Если он не дурак – а он явно не дурак, – то их с Лехой махинации раскрыты. И хорошо. Невозможно терпеть и дальше дикое напряжение последних дней.

Массив входной информации (первый шар «гантели») заполнялся автоматически после облучения объекта, выходной (второй шар, или «плацдарм») – задавался оператором. По этим двум массивам зашитая в ТЭП программа рассчитывала – какой формы должна быть линза, чтобы осуществить преобразование вход-выход. Рассчитанные параметры уходили к электронному роботу, и он подстраивал линзу, придавая ей нужную форму. По времени операция занимала секунды. И все – готова волшебная палочка, загорелась кнопка. Нажимаешь – выстрел, –

и объект переносится на «плацдарм». Взмахнул – и в дамки. Есть чем гордиться. Больше всех гордился начлаб, купавшийся в почестях и славе.

– А я вам говори-ил, Алексей! – пожурил Ботаник вошедшего парня. В голосе его явственно звучало торжество. – Ваша напарница нам все сказала.

Он развел ее, словно маленькую девочку, сообразила Наталья.

– Ничего я не... это вы... сказали!

– Ребятки, кончайте со мной играть. Я серьезно. Слушаю вас. Только не врете. Чревато, предупреждаю...

– Мы установили то программное обеспечение, которое сказал установить Иван Иванович! – отчеканил Леша.

– То есть подменили свое, работающее, на его, фиговое?

– Мы поставили именно тот блок, который разработал начальник! – упрямо гнул Алексей.

– И сняли свой. Так?

– Так.

– Но у вас есть работающий экземпляр программы? – спикировала кобра, разразившись главным вопросом.

– М-м... как бы точнее сформулировать... Программа в разработке. Мы теперь наученные. Свои идеи больше дарить не собираемся. Доведем до ума, оформим патент, приоритет, все, как положено. И только после...

– И вам не жалко стопорить работу целого института? Столько народу работает, а результат нулевой?

– А мы не работаем? Днюем и ночуем, и не один год... нас не жалко? – взвилась Наталья. Долго сдерживаемые эмоции вырвались наружу, пошли крушить стену недоговоренности. – Воруют, понимаешь... тупые ворюги. Выдают наши идеи за свои, чистой воды воровство, пусть теперь отвечают, хоть что-то сами родят... А мы свое будем делать под своими именами. Вот! И вообще – в штате вон сколько народу числится, берите у них, чего все к нам! Нашли дураков...

Лицо ее покраснелось – распалилась женщина не на шутку.

– Да... что обида с людьми делает! – ухмыльнулся Ботаник. Довольный донельзя: нашел, откуда росли ноги застоя, то есть качественно исполнил свою работу. Будет о чем доложить.

По результатам инспекции дирекция приняла меры: Ивана Ивановича перевели на должность консультанта, а начальником лаборатории назначили Алексея. Удивлению Натальи не было предела.

– Ну надо же! Обалдеть! Никогда бы не подумала! – отреагировала, узнав. – Поздравляю, ха! – целомудренно поцеловала напарника. И обняла, прижавшись к его широкой груди. Ростом они были почти вровень.

– Да ладно тебе! – смутился Алексей. – Вообще-то мы подставили начальника, так это зовется.

– Ха, и пусть подставили, не будет воровать, коз-зел!

Соломенная грива ее развеялась на легком сквозняке, щеки ало пунцовели, и вся она – высокая, тонкая – казалась воздушной... Леша зажмурился, унимая бухавшее набатом сердце. Вот прямо сейчас взять – и ответно расцеловать...

Опоздал. Газель ускакала к компьютеру.

Кроме возросшей ответственности, новая должность принесла и новые возможности. Алексей получил доступ к информации, прежде для него закрытой. Узнал, как используют биологи его первый по-настоящему удачный вариант Т-линзы, способный перемещать объекты массой до ста граммов на расстояние до метра. С помощью рожденного в творческих муках и непосильном труде детища они – что? Они клепали из мышей мутантов! Очень просто кле-

пали: всего и делов – сделать так, чтобы место прибытия и плацдарм совпадали друг с другом с точностью от 90 до 99,999 процента. Технически организовать сдвиг можно разными способами и без особых проблем. Важное исследование, в принципе: возможные девиации знать необходимо. Но отчего-то на душе стало мутно. Оттого, наверное, что решение задачи требовало гораздо меньшего количества мышей. Мутантов создавали ради мутантов?! Зачем?

И совсем поплохело – до тошноты, когда он увидел новый объект. Это был человек. Грязный, дурно пахнущий, иссохший... Бомж или зэк. Но человек.

От Натальи скрыть причину своего плохого настроения не смог. Рассказал. Она схватилась за сердце.

– Леш... Лешка... Чего делать-то, а?

– Не знаю.

– Мы ж не готовы!

– Мы-то как раз готовы. Сто кэга переместим, теория позволяет, пушка заряжена. И энергет, слышал, на подходе.

– Да, но...

– Не триви душу.

– Переместим одного – дадут еще сотню. Очевидно. Как с мышами! – твердо закончила мысль Наталья. – И вообще. Гориллу бы какую прежде, нельзя же так сразу. Скачок по массе, возможны неожиданные эффекты, как они не понимают!

– Горилла дорого стоит.

– Ой, мамочки-и, ну и дела-а...

– Кстати, чуть не забыл! Мама приезжает, вчера звонила. Клубнику везет. Сказала, посидит с Таней до осени, чтобы ты оформляла на нее отпуск в садике.

– Здорово! Вот она молодец! Лето, а бедный ребенок в четырех стенах. Может, и нам в отпуск, гори все синим пламенем? Без нас не рискнут телепать.

– Еще как рискнут. Иван Иванович злющий... шпионит. Заменит с радостью.

– И что... проглотим, Леш? Будем стрелять в людей? Не зная, что там, на выходе? Нет! Пусть сначала познакомят с результатами! Почему скрывают, а? Гаврилу помнишь?

Гаврила был первой собакой, которая выжила. До телепортации ластился к персоналу, предобреешее существо. А после – впился в горло сотруднику, первым вошедшему в бокс к любимому питомцу. Насмерть. Загрыз – и вырвался в коридор. Страху навел... Хорошо, дежурившие военные сравнительно быстро преодолели растерянность, уложили взбесившего зверя выстрелом усыпляющего. Биологи тут же унесли обездвиженного пса к себе, и что с ним стало – неизвестно. Слух ходил – сбежал-таки песик, не сумели обуздать. Несомненно одно – именно он сподвигнул начальство выстроить приемный вольер, откуда и динозавр не сбежит.

– Кто ж не помнит Гаврилу, не к ночи будь помянут. Кстати, Гаврилу телепортировали тоже шестого июля. Но три года назад.

– Не поняла связи... почему «тоже шестого»?

– На шестое июля назначен запуск первого человека, Наташ.

– Господи, через десять дней! Лешенька... Зачем они гонят коней...

– Идея! Позвоню-ка я Жеке...

Алексей набрал номер старого приятеля и пригласил в ресторан – обмоем, мол, новую должность, былое вспомним. Тот с радостью согласился: жена уехала отдыхать на море, а ему в отпуске отказали, и на данный момент он скучал в одиночестве.

Поначалу, когда только устроились на предприятие, молодые специалисты дружили: в общежитии их комнаты располагались друг напротив друга – тут подружишься, даже если не особо стремишься. Хотя по работе они не пересекались: биологи занимали отдельное здание, куда вход физикам да математикам был заказан. Впоследствии пути молодых людей разо-

шлись: Евгений женился, переехал к супруге, и как-то сами собой отношения сошли до уровня кивков при случайных встречах. Да и о чем говорить? Давила вездесущая секретность: ляпнешь, потом замучаешься расхлебывать, прецеденты были. Нынче же вопрос снимался: Алексей вошел в круг избранных, со дня на день получит высшую форму секретности, можно без опасения поплакаться ему в жилетку. А плакаться было о чем: осадок за время работы скопился у Жеки до критического уровня восприимчивости.

В итоге успешно проведенного мероприятия оба набрались так, что утром не смогли встать. Проспали. И мало что помнили. Но предусмотрительный Алексей после первой рюмки скрытно включил диктофон. Явившись к обеду в лабораторию, передал запись Наталье. Сам слушать не мог – голова раскалывалась.

Из диктофона и узнали, что скрывали от общественности биологи: телепортированные особи теряли память. Настолько, что мозг «забывал» о своем предназначении – руководить телом. И начинал – если начинал – управлять как бог на душу положит. В реестре числились экземпляры с самыми чудесными способностями. В то же время, если указать мозгу – куда рулить, то он и рулил в соответствии с заложенной схемой. Но мыши и собаки реагировали сильно по-разному. Биологам не терпелось узнать, как среагирует человек. Результатами заинтересовалось самое высокое начальство. Уже и контингент подготовили. Для опытов. Знал ли о предстоящей миссии контингент? Нет, конечно. Зачем? На то он и контингент.

– Давай в газету напишем! – вместо обычного «здрасьте» встретила следующим утром напарника Наталья. – И в Сеть выложим. Пусть общество знает.

– Не выйдет! – подумав, отверг предложение Алексей. Чувствовал он себя несколько воздушно, сказывалась недавняя попойка. – Объявят фейком и сотрут. В порошок. Доказательств-то нет.

– Как нет? А диктофон?

– Не смеси, скажут – пьяные бредни.

– Но что-то делать надо, Леш!

– Есть у меня идея.

– Ну?

– Сообщим конкурентам соседнего ведомства.

– А потом конкуренты задавят наших вояк и продолжат те же опыты, еще и похлеще! – скривилась Наталья. – Тогда уж в администрацию президента. О нарушении прав человека.

– А что, неплохо в принципе... Молодец. Но там срок рассмотрения – месяц. Не успеют, осталась всего неделя.

– Ну-у, Лех... мы ж можем того... линзу попортить. Без нас они ее вовек не восстановят, не то что месяц – годы уйдут.

– В кого ты такая экстремалка? – сглотнул Леха. – Того она линзу... о дочери подумала?

– Обезопасимся. Кино смотришь вообще? Стандарт же, классика жанра! Сообщаем плохим дядям – если вы нам бобо, то имеется некое письмо, которое сразу будет разослано. В прокуратуру, президенту и главе мировой мафии. Ёлы-палы, можно ведь денег стребовать! Ну, чистый рэкет типа, а?! Для отвода глаз. Вы нам деньги, мы вам линзу... и время тянуть. Три недели всего и продержаться. А Таню и твою маму спрячем. Когда она, говоришь, приезжает?

– Четвертого поздно вечером.

– Как раз успеем. Организуем транспорт и отправим. Туда, где ни одна собака не найдет.

– Это куда же? По принципу – куда глаза глядят?

– А сам подумай. Где у бабушки с ребенком не спрашивают документов и дают спокойно жить?

– И где же? – заинтересованно глянул на нее Алексей.

– Где-где. Не знаю. А ты тоже давай, напряги извилины, не одной мне идеи рожать.

Четвертого июля с утра по институту будто вихрь пронесся – объявили, что телепортация переносится на сегодня пополудни: энергомет готов, тянуть ни к чему.

– Информацию принял, в одиннадцать нуль-нуль прибыть для тестирования узла номер четырнадцать! – подтвердил в трубку Алексей. – Буду лично!

Тут же вызвал Наталью. Услышав новость, она схватила за голову: план летел к черту.

– Проклятье! Чтоб они все... Гады!

– Спокойно! – Хладнокровие не покинуло новоиспеченного начлаба, лишь глаза сузил. – Итак. Что мы имеем? Первое. Донос президенту отправлен двадцать девятого июня. Исполнено. Второе. Подменить программу не успели. Но подмена – вот она. – Он показал ей размером с полмизинца черную флэшку. – И сегодня на тестировании я осуществляю этот пункт. В-третьих. В 12.10 они поймут, что телепортация сорвалась. И почему – тоже поймут. Что можно успеть до этого времени? Соображай!

– Сбежать. Всем вместе. Таньку забрать, маме твоей позвонить, с поезда пусть слезет на каком-нибудь полустанке, там подхватим.

– А что, может и сработать... Но начинать надо прямо сейчас. Выйдешь за территорию – дуй в садик, по дороге звони матери... Заполняю талон на выход... подписываю... Держи.

– Что... и все?

– Давай линяй уже, Таня и мама на тебе. Остальное позже, по факту.

– Леш, как-то оно неожиданно...

– Если мы делаем, то делаем. Сразу и без проволочек. – Он встал из-за стола и подошел к ней. – Да? – заглянул в глаза.

– Да, Лешик... – провела пальчиком по его небритой физиономии. – Колючий...

– Слушай внимательно, – встряхнул ее за плечи. В кои веки предмет любви удостоил внимания – и поди ж ты, приходится прерывать. Достал из кармана желтую флэшку, протянул ей на раскрытой ладони. – Здесь наша действующая программа. Спрячь.

– Зачем? – мазнула непонимающим взглядом.

– Пусть будет, сохранить надо обязательно! – твердо сказал он. – Все прочие копии я уничтожу, прямо сейчас и начну.

Рассеянно засовывая флэшку в лифчик, вся из себя собранная и нацеленная на исполнение миссии, она не заметила, как приоткрылась грудь, невозможно белая на зеленом фоне блузки. Алексей отвел глаза, стусевался. И тут же разозлился – реагирует, словно подросток, стыдобища...

– Иди уже, времени в обрез! – изрек сурово.

Она попятилась к двери, не отрывая от него взгляда. Кивнула на прощание, подбородок предательски подрагивал. И тихо прикрыла за собой дверь.

Алексей вытер взмокший лоб и протяжно вздохнул. Ушла. Когда она в безопасности, у него развязаны руки и дышится легче. За дело! Убрать последнюю версию программы со всех носителей, заменить на старую!

Но далеко она не ушла.

– Петрова! Наталья! – воскликнул Ботаник, дружески распахнув объятия. Окруженный неизменными качками, он шел по коридору ей навстречу и довольно лыбился. – Вы-то мне и нужны!

– Александр Давидович?! – ответила строго, не поддержав развязно-игривого тона. Отстранилась от объятий. Неприлично, когда голова мужика упирается прямо в грудь. – Чего вы такой радостный?

– Скажу по секрету, Наташенька: сегодня мы запускаем человека.

– Да вы что! Правда? – с трудом изобразила удивленную восторженность.

– Приглашаю в вип-ложу. Согласны?

– К сожалению, не могу. Дела.

– Какие могут быть дела в такой день! Освобождаю от всех дел. Вы переходите в мое личное подчинение, с вашим шефом я договорился. Это приказ!

– Вот те раз! – растерялась она. – Как это?

– Будете стоять рядом и улыбаться вашей загадочной влекущей улыбкой, то есть сопровождать, мне по статусу положено. Я как раз иду к вам, чтобы забрать мою сопровождающую. Не пугайтесь, лишь на один день! – Он таки приобнял ее и повлек следом. С другого боку под локоток ее подхватил, словно клешнями, верзила. – Пойдемте ко мне в кабинет, расскажу, как себя вести, что кому говорить, тут, знаете ли, целая наука, будут важные лица...

Сцепив зубы, она последовала за ним. Удалось надеть на лицо приятственное выражение. « Попрошусь в туалет – и в окно! – билась в голове мысль. – Дура! Нельзя, пока Леха программу не подменит! В 11.10, не раньше! Таня, я успею, клянусь!»

Туалет оказался персональным, внутри кабинета. Без окон. И что? Расстраиваться себе запретила. Сунула в рот жвачку, активно заработала челюстями. Забравшись с ногами на унитаз, открыла крышку на баке с водой и, вытянувшись во весь свой неслабый рост, в самом дальнем углу прилепила на жвачку к стенке бака желтую флэшку. Аккуратно вернула крышку на место. Фантик порвала на мелкие кусочки и спустила в унитаз. Умылась, подмазалась помадой. Подышала, набираясь мужества, и пошла к Ботанику.

В 11.50 Алексей был на проходной. Но его не выпустили. Оказывается, уже час как вступил в силу режим «ЧС», запрещающий вход-выход сотрудников низшего и среднего звена. Не удалось уйти, жалко... Но не критично: все равно ничего они не получают. Гипнотизер, без сомнения, взлетит в его мозг, но желаемой информации не выудит: не знает рыбка, где флэшка. Ну, визнают, допустим, что она у Натальи, но ведь куда та ее денет – он без понятия, договориться не успели. Вот за ней и начнут охоту... что он наделал, идиот?! Спокойно, Наталья умная, сильная, все хорошо, она всех переиграет. Вложит в какое-нибудь письмо, в соответствии с ее «классикой жанра»... на крайняк, уничтожит желтую прелесть, уговаривал себя. А заново воссоздать программу – тут, извините, ни гипноз, ни прочие насильственные воздействия не помогут: творить возможно лишь по доброй воле. В принципе, он согласен сотрудничать, месяц точно протянет, восстанавливая утраченное... Что и требуется – продержаться месяц. Дело за Натальей. Они не должны найти флэшку. Зря дал? Силен задним умом... не поднялась рука бесследно уничтожить плоды многолетней работы.

Матери бы позвонить, сошла ли с поезда, и вообще – подбодрить... Но на территории предприятия сигналы глушат, с мобильного не позвонить. Со стационарного тем более нельзя – записывают и прослушивают. Да и симку мать уже, наверное, выбросила, по настоянию Натальи.

Смешно: он ошивается у проходной, круги накручивает в толпе обозленных сотрудников, не выпущенных на обед. Ждет, словно баран, когда схватят. Не лучше ли пойти к себе в кабинет, погибать – так с достоинством? Раскис... А что, если изобразить свихнувшегося одиночку? Ответит от Натальи подозрения! Ненадолго, до гипнотизера, но, по крайней мере, несколько часов ей да подарит. Отличная мысль! Алексей потрусил рысцой на свое рабочее место.

Напарники так и не увиделись в тот день. Когда в кабинет начлаба, взломав замки, ворвались охранники, Алексей тупо играл в стрелялку на компьютере. И думать не подозревал, что Наталью в этот момент точно так же окружали военные, был уверен – она на свободе. И продолжал наивно не знать до самого конца.

– Да, это я подменил программу! – гордо признался он руководителям проекта, перед чьи очи был грубо препровожден. – Почему? Да потому! У вас лицензия есть – производить опыты над гомо сапиенс? Нету. И программы больше нету, можете не искать. Лишь здесь! – согнутым пальцем постучал себе по лбу.

Его отвели в здание биологов, в лабораторию психотроники. Стремясь обезопаситься со всех сторон, прежде чем проводить любые насильственные процедуры над ценнейшей головой, начальство приказало снять копию с его мозга. И лишь после подвергнуть саботажника дознанию гипнозом, после которого человек становился недееспособным в течение нескольких дней. Даже если бы он не отказывался отвечать, а признал вину и все честно рассказал, процедуру бы не отменили: мало ли чего наплетет свихнувшийся. К гипнотизеру он бы попал в любом случае.

Наталья стоически вымучивала улыбку важным гостям. Но искренне расцвела лишь в момент, когда бомж – после торжественной команды «Поехали!», с чувством произнесенной генералом с лампасами, – не дематериализовался, и туманного облачка вместо него не образовалось. Так и продолжил стоять, как стоял: «прямо, руки по швам, ноги вместе» – в позиции, заказанной энергометчиками, сгусток равномерно распределенной энергии в виде столба организовать им оказалось проще, нежели любую другую фигуру. Оператор, посеревший от волнения, жал и жал кнопку – а объект, привязанный к столбу и опутанный сверху донизу веревками, не исчезал.

Осознав, что люди вокруг растеряны, а непонятная и оттого страшная до потери пульса процедура сорвалась, бомж приободрился. Помытый, постриженный, приодетый, он совсем не походил на того деклассированного отщепенца, каким его описывал Лешка, – до тех пор, пока не заговорил. На окружающих полился нецензурный словесный поток. Выражался бомж до того изошренно, что Наталья покраснела. Но матюги, к удивлению, не вызвали в ней отвращения, показались оригинальным острым фольклором. А что уши вяли и щеки горели – так от лука тоже текут слезы: непреложный атрибут явления.

Леши не было видно, и оттого в душе разливалась приятная теплота. Успел, значит, уйти! Отлично! Позвонит матери и узнает, что Наталья на связь не выходила, сразу поймет – что-то случилось – и заберет Таньку. И все будет хорошо.

А у самой Натальи – алиби, надежнее не придумаешь: все катастрофические стирания программы Алексей произвел уже после того, как она попала в объятия Ботаника, с которым после ни на минуту не расставалась. Любые действия над файлами операционная система заносит в реестр, недоступный пользователю, системщик с легкостью установит время, когда была уничтожена программа. Но алиби будет работать исключительно до момента дознания, проведенного с помощью психотропных или гипноза. Которое к ней точно применят. Если она хочет бежать, то надо срочно начинать действовать, пока народ застыл в растерянности.

Бочком, бочком... Нет, не успела. Окружили военные. Она не испугалась – совсем. Потому что вдохновенно творила актерскую игру.

– Я тут при чем, почему? – возмутилась как можно более жалостливо. Чувствовала: Ботаник на нее «запал», и если решится помочь – то поможет, он – ее шанс. А ничего не предпринимал, лишь глядел исподлобья, потому что не в его правилах глупо лезть на рожон. Но видок имел тот еще: будто у кобры уводили из-под носа еду. Надо бы углубить... она заломила руки и зашлась в плаче. Кротко рыдала, интеллигентно. А потом еще и споткнулась от легкого толчка, упала. Тут же в две руки была вздернута на ноги.

– Александр Давидович, миленький, спасите! – крикнула на пороге, воздев к нему руки в наручниках. Из горла рвалось добавить «невиноватая я», но удержалась: нутром осознала – то будет перебор.

Итак, стараниями Алексея с Натальей первая попытка телепортации человека, произведенная четвертого июля, прошла вхолостую. Все системы сработали штатно, без нареканий. Все, кроме одной. Т-линза оказалась запрограммирована старой версией, рассчитанной на массу до 30 кг. Новая же, позволяющая перемещать объекты весом вплоть до 100 кг (что уверенно демонстрировала на стенде ранее), исчезла. Простым увеличением памяти и аппроксимацией предыдущей версии перейти на следующую невозможно, как показал отрицательный опыт Иван Ивановича. Требовалось иное качество – изменение программы на уровне прежде всего формул. Но в какую сторону менять формулы, этого никто не знал. Под каждую последующую версию Алексей придумывал нечто своеобразное, исходя из собственного мироощущения, зачастую не совпадающего с классическими постулатами физики.

Ивана Ивановича срочным приказом восстановили в должности начальника лаборатории, в помощь ему откомандировали лучших физиков и программистов института. Первый зам взялся лично курировать слабое звено.

К ночи четвертого же июля дирекции доложили результаты дознания Алексея Громова, проведенного с помощью гипноза. Суть состояла в следующем: новая версия программы уничтожена не до конца, копия ее сохранена на желтой флэшке, переданной Петровой. Что будут делать с флэшкой, саботажники не обсуждали.

– Подвергните и ее гипнозу, срочно! – потребовал директор.

– Не можем. Гипнотизер устал, как минимум сутки требуются для восстановления, – возразил зам по безопасности.

– У нас что, всего один гипнотизер?

– Такой квалификации – да, один. Но если прикажете позвать менее сильного...

– Не прикажу, пусть отдыхает. Приведите ко мне даму. Используем дедовские методы! – нехорошо усмехнулся директор. Глаза его плотоядно блеснули.

И даму повели к директору. Но не довели. Она умудрилась бежать. В наручниках. Вырубив двух отлично обученных опытных конвоиров.

Директор, услышав новость, впал в ярость.

– Как такое могло... в принципе? – орал он. – Приведите сюда этих дебилов! Нет, не надо вести, я сам к ним... – Поспешая к лифту, уже более спокойным тоном поинтересовался: – Входы-выходы перекрыли?

– Так точно! Мышь не проскочит. С территории она не выходила, господин директор. И не выйдет.

А в это время Александр Давидович платочком промокал щеки Натальи. Слезы капали натурально сами собой – уже из благодарности к этому лопоухому. Жалко обманывать хорошего человека.

Она и понять не успела – откуда свалилась помощь... Р-раз – и охранники валяются у ее ног, поверх качки восседают, а Ботаник, приосанившись, стоит перед ней, словно старик Хоттабыч. Хватает за наручники и тянет куда-то. Лестница, коридоры...

– Слушай сюда! – говорит. Взъерошенный, возбужденный, интеллигентности как не бывало – растворилась в азарте игрока. – Сиди здесь как мышка, вода-еда в пакете. Через сутки-двое заберу. Лады?

– А что... куда...

– Вопросы отставить! – недовольно блеснул стеклами очков. Но смягчился, увидев, как она вздрогнула. – Сделаю так, что они будут думать, что ты вышла за территорию. Когда поуляжется, снимут шмон в проходной – тогда и пойдешь.

– Гениально! – выдохнула Наталья. И улыбнулась.

Он судорожно сглотнул. И ушел, заперев дверь на ключ.

Шестого июля рано утром Ботаник вернулся. Вручил беглянке подложный пропуск.
– В обед пойдешь, самая толпа.
– А видеокамеры? – поинтересовалась она озабоченно.
– Прорвемся! – Он вынул из-за пазухи небольшой сверток. – Здесь грим, зеркальце... не густо, но сойдет. Постарайся добиться сходства с оригиналом, – кивнул на пропуск.
– Умыться бы, а? – попросила она, забирая пакет.
– Перебьешься! – ответил строго. – Одежду бы тоже поменять, но где добыть женскую – ума не приложу. Не посоветуешь?
Наталья задумалась. Она уйдет, а флэшка останется... И пусть. Место надежное. Одежда, одежда...
– В женском душе футболка висела, забыл кто-то. Может, ее? И ножницы захватите – сделаю из брюк бриджи.
– Лады! К обеду будь готова.
И он снова запер ее на ключ.

До последнего момента не верила... да и сейчас не осознает в полной мере. Чтобы Ботаник – и помогал бежать? Просто так Александр Давидович ничего не делает, наверняка следует хитрому плану. А может, и нет никакого плана, мужик банально влюбился, потерял голову?

Вряд ли. Она льстит себе, план есть! Лучше настраиваться на худшее, легче будет преодолеть. Итак. Ботаник собирается ее использовать. «Ха! Посмотрим, кто кого переиспользует!» – хищно улыбнулась Наталья. Видел бы ее сейчас Лешик, всю такую предусмотрительную, собранную, волевою... одобрил бы. «Скоро встретимся, я иду к тебе!» – послала мысленно весточку напарнику.

Глава 3

Наобнимавшись со встречающими, новоприбывшие пассажиры разошлись. Нина Васильевна тоскливо взирала на опустевший перрон. И телефон, как назло, разряженный. Ночь, а никто не встретил. Быть такого не может, ведь сын обещал... Она специально предупредила – у нее тяжелые сумки. Варенья трехлитровая банка и две такие же с клубникой, протертой с сахаром. Плюс по мелочи – лучок-чесночок, бидон с земляникой, итого килограммов двенадцать одних лишь даров природы. А если еще учесть игрушки и книжки для Тани – все пятнадцать будут. Неподъемный для ее спины груз.

«Встречу, не сомневайся», – сказал сын. И где?

Придется самой. Неприятно, но не смертельно: груз помещен в большую хозяйственную сумку, притороченную к тележке на колесиках. Но по лестницам с их крутыми ступеньками да в отсутствии съездов... Она тяжело вздохнула. Ничего, как-нибудь справится. Хуже другое: сын не мог просто взять – и забыть. Что-то случилось? Справедливое возмущение постепенно, но уверенно сменялось беспокойством.

– Вам помочь? – подошел к ней грузчик. Десятый по счету, не меньше.

– Спасибо, молодой человек, сама как-нибудь.

Впряглась в тележку и потащилась к камерам хранения. Вещи сдаст, переночует в зале ожидания, а утром налегке пойдет к детям.

А как же земляника? Она же испортится, ягода нежная! Хотела ведь сахаром пересыпать, ан нет, решила – свеженькая получше будет... Да и не высидеть ей целую ночь, скрючившись на лавке. А не пойти ли к Наталье? К Алексею нельзя, вахтерша ночью не пропустит, в общежитии с этим строго. Проблема не в каких-то несчастных темных глухих километрах, дойдет как-нибудь, на ноги пока не жалуется. Спина – да, беспокоит, но если не мучить тяжестями –

терпимо. Проблема в том, что неудобно беспокоить людей, все-таки формально они чужие... А ведь Наташка обидится, коли узнает про «чужих»... Надо идти. Долой сомнения, и вперед!

«Чай, не старуха, шестидесяти не исполнилось, женщина в самом соку!» – подбадривала себя, бодро вышагивая вдоль дороги. Шаги гулко отдавались эхом. В наплечном небольшом рюкзаке – личные вещи, стандартный набор, в руке – бидон, крышка для надежности залеплена скотчем. А подарки оставила в камере. Не до подарков.

Знакомые угловые окна второго этажа не светились. И нормально, и правильно, нечего переживать: почти весь дом стоит темный, времени – час ночи.

На звонок никто не ответил. По-всякому нажимала, и короткий – два длинных, их опознавательный код, и вразнобой. Если б Наташка была дома – открыла бы, в этом Нина Васильевна не сомневалась: матери, у которых дети маленькие, спят чутко.

Ноги сделались ватными. Хотелось осесть на пол и завывать, и сидеть под дверью на коврик до утра... Едва переборола приступ отчаяния. Совсем она тряпка, что ли? На детской площадке стоит домик, в нем и прикорнет до рассвета. Ночи теплые. Все лучше, чем здесь или на вокзале.

Так и сделала. Устроилась на лавочке в детской избушке, рюкзак под щеку, ветровкой накрылась. Перед глазами стояли дети – Леша и Наталья. Пара, если она правильно понимала их отношения. По крайней мере, со стороны сына понимала точно. Наталья же кочевряжилась, хвостом вертела. Опасается девка семейных уз, первый муж постарался. Ничего, рассосется, уляжется... будет у деток совместное будущее, у нее на это дело чуйка.

Заснуть Нине Васильевне не дали.

Внезапно к подъезду подъехала кавалькада машин. Выскочили мужчины в балаклавах и с автоматами в руках, ринулись в подъезд, из которого она недавно вышла. Нина Васильевна оторопело смотрела в щелочку, дыхание сперло.

В Наташкиной квартире вспыхнул свет!

Женщина она образованная, закончила академию физкультуры по детскому спорту, психологию изучала на должном уровне. Хватило ума сообразить, что в данных обстоятельствах не стоит себя обнаруживать и тем более о чем-то у кого-то допытываться. Притаилась, замерла.

– Нет ее здесь! – доложил боец начальству, высунувшись из открытого окна.

– Оставайтесь там! – приказал командир. Сел в машину, и кавалькада уехала.

Свет в окнах погас. Тишина окутала ночной город. А в квартире осталась сидеть засада – на Наташку, Лешкину зазнобу. Нина Васильевна лежала ни жива ни мертва и грызла кулак, сдерживая рвущиеся наружу междометия и стоны.

Ранним утром покинула гостеприимный домик – не хватало, чтоб ее тут увидели – и неспешно побрела в сторону рынка. А куда еще, в шесть часов? Сделает вид, что продает землянику.

Пристроилась к теткам, сбывавшим дары с огородов-дач, открытый бидончик в руках держала. И слушала, ушки на макушке, никакого интернета-радио не надо, мировые и городские новости сами лились из ноосферы через уста товаров. Главное, о чем перетирала – градообразующее предприятие вчера учудило: сотрудников на обед не выпустило и потом до ночи по одному на выходе процеживало. Что-то у них произошло, толком неизвестно, но точно нехорошее – начальство словно с цепи сорвалось.

«А Таня где, если мать задержана?» – пронзила мысль. Как же она раньше не сообразила!

Как была, с открытым бидоном, позабыв на земле крышку, она ринулась к садику. Сад круглосуточный, ребенка не бросят – уговаривала себя. Подкараулит воспитательницу на остановке и сделает вид, будто случайно встретились, а пока до сада дойдут – выпросит. С персоналом она в хороших отношениях. Всякий раз, когда приезжала с визитом к сыну, почитала за приятную обязанность водить ребенка в сад. И не только. Еще много гулять, попутно в игро-

вой форме обучать азам своего спорта. Брала на себя ребенка, пусть мама отдохнет, не желала быть нахлебницей в приютившем доме.

– Нина Васильевна! – удивилась воспитательница, строгая молодая женщина. Только сошла с автобуса – и нос к носу столкнулась с родительницей... – Вы что здесь?

– Да вот, со своими разминулась, – произнесла заготовленную фразу. – Не пойму, куда теперь...

– А что, мама уже забрала Танечку?

– Ну... – невнятно проямлила Нина Васильевна. Вопрос поставил ее в тупик: почему забрала, когда утром, наоборот, детей отдают? – Тут такое дело... Землянику хотите?

– Землянику? – заглянула та в бидон. – Ух, до чего ароматная...

– Берите, угощаю.

– Что вы, как можно! – засмушалась воспитательница. – Разве что попробовать... Правда, можно?

– Да не стесняйтесь, придем в группу, отсыплю. – Они двинулись по аллее по направлению к саду. – Так что там с Татьяной?

– Ее вчера перевели в «Теплый дом», сказали, мать в командировку услали.

– А чего не в круглосуточную группу?

– Вот и я не поняла. Девчонка расстроилась. А нам приказали молчать, а если что – сразу докладывать...

Нина Васильевна остановилась.

– Знаете, чего мы будем рассусоливать стаканами, берите весь! – вручила опешившей воспитательнице бидон. – Я еще наберу. Вам самим небось некогда по лесам за ягодой, говорю, берите! И бывайте здоровы!

– Спасибо! – крикнула молодая женщина вслед бабушке, бодро почесавшей в обратную сторону. – Странная... но добрая! – пробормотала. Поднесла к лицу бидончик и с наслаждением вдохнула чудный земляничный аромат. Не будет она ничего никому докладывать, бабушка даже до сада не дошла.

Помня о засаде в квартире девочек, к сыну в общежитие мать шла с осторожностью. А если и там поджидают? Дети вместе работают, вдруг неприятности – от работы? Нет, внутрь не пойдет. Как бы узнать про Лешу? Идея!

На вахте раздался звонок.

– Будьте любезны, позовите Алексея Громова из тридцать восьмой! – раздалось в трубке.

– А кто его спрашивает? – лениво поинтересовалась вахтерша. Так прямо и побежала звать, нашли девочку.

– Из налоговой. Неверно декларацию составил.

– Из налоговой, говорите... Посмотрим. Ключ висит, нет его дома.

– Ушел уже? Ох, начальство плешь проест, не успела застать, скажут...

– Не переживайте, этот ключик и ночью висел. Наверное, уехал куда.

– Ну спасибо, успокоили. И вам тоже спокойствия – спокойного дежурства!

Нина Васильевна отошла от будки городского телефона и села на лавочку. Почему-то не удивилась: чувствовала – нет сына в общежитии.

Почему засада у Натальи в квартире? Натворила, видать, делов... Лешка, понятное дело, любовь свою не бросит, раз ее ищут – его тем более.

И что теперь? Голова пуста до звона. Единственное, что приходит на ум – зарядить мобильный и позвонить. На предприятие звонок не проходит, но кто сказал, что ребята там?

А если где-нибудь в другом месте, в той же командировке, то шанс дозвониться имеется. Может, они ей сто раз уже звонили, а она, клуша, не отвечала! А ведь точно! Небось линию оборвали звонками... Клуша и есть!

И она принялась натужно соображать, где зарядить мобилу в чужом городе. И как узнать, что такое «Теплый дом» и где он располагается.

Зарядку с собой Нина Васильевна не возила – зачем, у детей этих штуковин целая коробка. В отсутствие же необходимого причиндала ей лучше идти в какой-нибудь ремонт сотовых. Как раз на рынке видела подобную будку! Заодно и про «Теплый дом» расспросит.

Ребятки оказались не жадными, за две сотни и телефон зарядили, и зарядное устройство – не новое, правда, – отдали. А за то, что вывели на экран компьютера схему города и позволили ей без спешки поизучать, она вдобавок их яблоками одарила.

– Приходите еще! – пробасил паренек на прощание. Молоденький, совсем мальчишка, подрабатывает летом, наверное. Так и хотелось огладить непослушные вихры. У сына такие же были, пока не остригся.

– Обязательно! – ласково улыбнулась ему. Вот и Лешенька ее тоже где-то мыкается, такой же неприкаянный, самостоятельный...

Отойдя подальше от будки, воровато оглянулась – никто не подслушивает? – и включила телефон. Удивительно, но в графе «непринятые звонки» – нуль. И новых сообщений – тоже нуль. Расстроилась, столько надежд возлагала...

Внезапно заливисто затренькало, аж вздрогнула от неожиданности. Номер на экране высветился до боли родной.

– Леша, ты? – выдохнула в трубку.

– Нина Васильевна, мама Алексея? – вежливо поинтересовался незнакомый мужской голос приятного бархатного тембра.

– Да, она самая. Что случилось? Что с моим сыном? – прохрипела внезапно осевшим голосом.

– Стойте где стоите! Сейчас к вам подъедем и все расскажем! – скомандовал голос.

Подъедут... даже не спросили, где она. Потому что отслеживают, очевидно. Серьезные структуры... мафия или полиция?

Набрала номер Натальи.

– Нина Васильевна, не переживайте, пять минут – и мы у вас! – ответил тот же самый баритон. Тут же представилась размытая в воздухе насмешливая чеширская ухмылка обладателя баритона... Закашлялась.

– Жду, конечно! – выдавила, преодолевая кашель.

Как же, станет она ждать неизвестно кого! Нина Васильевна подхватила и в темпе зашагала прочь с рынка, не забыв прежде отключить телефон. Сдаться – дело нехитрое, но сначала она найдет Таню.

Наукоград – на то и наукоград, чтобы не уступать столице в части модных инициатив. В кои веки – радовалась Нина Васильевна – мода свершила благое дело: заставила народ бегать. Полезное, доступное, действенное в части поддержания здоровья средство. Однако, сколько она ни агитировала подруг в пользу бега – нуль эффекта, а моде удалось на раз-два. Чтобы в дни ее юности увидеть женщину, трусящую рысцей по улице – да ни в жизнь: засмеют, устанет отбрехиваться от пошлых шуток. А нынче воспринимают сугубо положительно. А главное, равнодушно.

Переодетая в тренировочные лосины и обтягивающую футболку, в надвинутой на лоб кепке Нина Васильевна бежала трусцой по району. Наметанным глазом производила рекогносцировку местности, центром которой служил «Теплый дом». Смотрелась при этом профессиональной спортсменкой на тренировке. Она и была таковой – мастером спорта по ориентированию. Навыки не исчезают с возрастом, особенно если работаешь детским тренером и, хочешь не хочешь, ежедневно бегаешь кроссы с воспитанниками. Не всматриваясь в лицо, скрытое

тенью от козырька, за бабушку принять ее невозможно, тетка и тетка, стройная, сухопарая, легконогая. Специально вырядилась: уж где-где, а среди молодых бабульку искать не будут. Отчего-то казалось, что вся полиция города поднята на ее поиски: слух про облаву на рынке достиг и ее ушей. «Дети в беде!» – утвердилась в мысли. Лучшее, что могла для них сделать – это забрать Таню и исчезнуть, раствориться на просторах родины. Вопреки воле неизвестных ловцов.

В «Теплом доме» по расписанию числилась прогулка. Среди гуляющих детей самого разного возраста – от двухлетнего малыша до старшеклассников – Татьяна гляделась забитой и несчастной, как села на лавочку под навесом, так и сидела, не вставая. Хорошо, Нина Васильевна заметила ее, бредущую нога за ногу, когда цепочка детей тянулась на участок, а так бы, сидящую, и не распознала. Девчонка-то – огонь, в нормальном состоянии носится живчиком, на месте и минуты не высидит.

Засекла и охранников – двух внутри и трех снаружи. Наружные хоть и одеты в штатское, но характерная поза, безупречная осанка, каменное выражение на равнодушных лицах выдали их причастность к силовым структурам. Она не сразу про них сообразила, лишь на третьем круге, а когда дошло – клацнуло стылым холодом по столбу позвоночника. Едкий пот застил глаза. «Не от страха, от нагрузки и жары!» – уговаривала себя. Раз-два-три, раз-два-три, держать ритм, не сбиваться!

Одной ей не справиться – факт, не подлежащий сомнению.

Следующее включение мобильного Нина Васильевна произвела в супермаркете в шесть вечера, когда народу – не протолкнись. Из непринятых звонков высветился лишь один Лешкин номер. По которому ее жаждал заполучить баритон. «Черт!» – воскликнула мысленно, выключила телефон и убралась из магазина. Вовремя – мигая проблесковыми маячками, игнорируя красный свет светофора, мимо нее промчались военные джипы. Она презрительно усмехнулась, но на душе скребли кошки. Словно воробышек хорохорится, а кошка-то уже на изготовке... Столько сил тратить на поиски бабки – зачем? ЗАЧЕМ? В любом случае оповещен – значит, вооружен. Хотят играть? Игру получают. А выходить «в эфир», то есть включать мобильник, она продолжит – иного способа связаться с детьми не просматривалось. Наверняка они тоже в бегах – иначе зачем ловушка на квартире Натальи? Когда-нибудь, да выйдут на связь.

Ночь провела в лесу. Натянула на себя немногочисленную одежду из рюкзака, чтобы от комаров укрыться. Ночевка на природе для ориентировщиков – дело привычное. Кружка, ложка-нож, зажигалка, нехитрая аптечка, кроссовки и сменный треник всегда при ней, по должности положено, да и привыкла. Вот и опять, в который раз, выручили. Допила горяченького. Вместо отсутствующей пенки настелила веток – не столь мягко, но терпимо. Засыпая, представляла, как завтра, шестого июля, утречком вновь включит телефон... и снова на рынке, чтобы солдатики не расслаблялись. «Бессистемность рулит», – сказал бы Сидоров, ее ученик, на редкость способный спортсмен, но балабол, каких свет не видывал.

Наутро люди в форме наводнили город. Стояли на каждом перекрестке, документы у всех подряд спрашивали. Пришлось Нине Васильевне вновь облачиться в спортивный прикид и бежать: к бегущим относились лояльнее, паспортов не спрашивали.

И она таки включила мобильник на рынке, как задумывала, и, считав отрицательный ответ, тут же дала деру, не хуже Сидорова... А в обед повторила трюк на автовокзале.

И дождалась!

«Пункт 5» – высветилась эсэмэс с незнакомого номера.

«Наташка!» – обрадовалась Нина Васильевна.

В эти длинные зимние праздники дети предложили приехать к ним и посидеть с ребенком: они работают, а сад закрыт. Она согласилась. Но просто сидеть в квартире не умела. Распечатала схему района – и вперед, обучать Татьяну ходить по карте, заодно воздухом свежим надышатся да бегать потренируются. Для закрепления навыков последний день объ-

явила соревновательным, расставила пункты – все как положено на настоящем соревновании. Танюшка все нашла, кроме номера пять. Расстроилась. Но подсказку принять не захотела, «Я сама!» – заявила. «Характер!» – обрадовалась Нина Васильевна. Сама так сама. «Маме покажи, как искать надо!» – хитростью убедила девочку идти на поиски не одной, в пять лет одной – рано. Уже стемнело, когда мама вернулась со своей сумасшедшей работы, но они все-таки пошли, прихватив фонарь. И нашли. И гордо доложились Нине Васильевне. И она вручила обеим по мороженому – за старание и волю к победе. В соседском дворе под детской горкой – вот где прятался пятый пункт.

Снова оделась бегуньей, но уже на пояс накинула ветровку – типа чайница. А другой одежды и нет, цивильную, в которой приехала, надевать нельзя, больно приметная. Пристроилась к пожилому дядечке, выгуливавшему собаку, видела его не раз возле дома. Так и дошли до места, беседуя о собаках, патрули не остановили. Распрощавшись с собачником, удачно просочилась в соседний подъезд, вслед за мамашей с коляской. И целый час всматривалась во двор, глядя в окошко с лестницы между этажами. Уж темнеть стало, а так никого не высмотрела. Где Наталья? Однако встречаться рядом с домом, где поджидала засада, – верх глупости!

«Может, ее тут и нет, она просто заранее знак оставила?» – дошло, наконец.

И правда, под днищем горки – ровно в том месте, где зимой скотчем был примотан пятый пункт – красовался нарисованный фломастером дельфин.

«Дельфин» – название детского бассейна, куда мать с дочерью частенько хаживали на сеансы «родители с детьми». И располагался он уже в нормальном месте – в парке.

В ночь на седьмое они встретились – Нина Васильевна и Наталья. Устремленные к единой цели – похитить Татьяну, они сочинили план. Авантюрный лишь на первый взгляд. В основу заложили принцип отвлекающего маневра. Время и место – утренняя прогулка воспитанников «Теплого дома».

Прежде всего, нужно было отвести наблюдателя, караулившего с задней стороны сада. Дело нехитрое: Нина Васильевна включила мобильник – и охранник, согласно приказу собственного же начальства, ринулся на поиски наглой бабки, поскольку звонок шел откуда-то совсем от него неподалеку.

Как только поле деятельности очистилось, Наталья выскочила из кустов и со всех ног понеслась к забору. Рюкзак, взятый у Нины Васильевны, протолкнула сквозь прутья. Сама же перемахнула через преграду, не то чтоб играючи, но и без особого напряжения – опиралась на поперечные перекладины, смонтированные для усиления жесткости конструкции. Подобрала с земли рюкзак, подозрительно шевелящийся...

И на участках вдруг появились ужи. Сначала на соседних площадках, потом на Танькиной. Ужей этих женщины все утро отлавливали, самый утомительный пункт в плане. Визг, переполох... В этот самый момент мама и забрала дочь – украла, воспользовавшись паникой.

Наблюдения снаружи по-прежнему не было. Строптивый телефон, на этот раз не отключенный и брошенный в кузов грузовика, уводил команду преследователей в противоположную сторону.

Наталья подсадила дочь на забор. Пока девочка, вцепившись в опору, послушно висела, взобралась наверх сама и – развернула ребенка на сто восемьдесят. Дальше оставалось спуститься и принять на руки дорогой груз. Всего и ушло две минуты на преодоление препятствия. А там и Нина Васильевна из кустов проявилась, замахала руками, чтобы к ней бежали...

Случайные сторонние свидетели, возможно, и обратили внимание на странные акробатические этюды, но вмешиваться сочли неблагоприятным.

Удивительно, но авантюра сработала на все сто. «Новичкам везет!» – прокомментировал бы профессионал. И укоризненно покачал головой.

Представительницы трех поколений женщин сидели на бревнах в лесу вокруг костра, уминали кашу, сваренную на сгущенке и сдобренную изюмом, и, не жалея лестных эпитетов в адрес друг друга, захлеб делились впечатлениями об операции. Окрестности то и дело сотрясались от хохота, залиvistый колокольчик сменялся ухающим ржанием. «Блестящая идея, и не менее блестящее исполнение», – дружно сошлись в оценке мероприятия. Вновь и вновь возвращались к особо ярким моментам, всплывающим в памяти деталям.

– Мужик на змею, а она у него из-под ног, воспиталка визжит, девчонки визжат...

– А я смотрю, не в ту сторону побежал, пришлось еще разочек звонить...

– Ой, а Давидыч рассказывал, они там все бесятся просто! От вашего телефона, ха! Придумали же, Нина Васильевна! Гениально!

Нина Васильевна шутливо отбила поклон – за «гениально». Но вдруг нахмурилась.

– Ты точно уверена, что твой Ботаник за нас?

– А хрен его знает! Помог сбежать, дал деньги, телефон, про вас предупредил – как это называть? За нас?

– За нас! Так выпьем же за твоего Давидыча!

Чокнулись кружками с чаем. С кашей уже завершились – оприходовали до последней капли.

– Танюха, молодец какая, сидела и сидела, не побежала, когда все побежали, прямо умница! – похвалила Нина Васильевна. – У нас как раз на этом план строился, самое тонкое место, ты прям ведунья!

– Я так решила – буду сидеть, пока мама не придет. И сидела! – приосанилась девочка. Важно повела плечами, носик-кнопку вздернула. Тот момент она надолго запомнит: все вокруг словно с ума сошли, она смотрела на них, будто издалека, и ей было все равно, чего они носятся, кричат... И вдруг рядом возникает мама... Врут, будто волшебства не бывает, она теперь точно знает – бывает. Если сильно хотеть – оно происходит на самом деле. Мамка схватила ее на руки и побежала. В сторону от всех – за навес, к ограде. Высоченный забор перелетели в момент! И помчались, держась за руки – с такой скоростью мчались, что Нина Васильевна похвалила, сказала – как настоящая спортсменка бежала, получше многих ее учеников. Вот. А спать они сегодня будут в настоящем лесном шалаше!

Переполненная впечатлениями, девочка долго не могла уснуть. Лежала по центру, то маму обнимет, то бабушку. Замучила обеих вопросами, почему да почему.

– Почемучка моя! – поцеловала ее мама. – Все тебе рассказали, а ты опять – почему!

– Ну мама, я так и не поняла, почему...

– Опять?! А коза забодает? Коза не любит думать, коза любит травку щипать. От так, щип-щип, щип да пощип...

Танька завизжала, уворачиваясь от щекотки.

– Соседи! Бабушки спать хотят! Хватит уже, а! – пробурчала Нина Васильевна, пряча улыбку. Впрочем, спрятать не удалось: луна изливалась на полную мощность, пронизывала шалаш причудливыми полутонами, серебряными бликами.

– Да, тетя Нина, простите. Уже сплю. Спокойной ночи!

«Вежливость рулит!» – сказал бы Сидоров», – улыбнулась женщина, в очередной раз подивившись на хорошее воспитание ребенка – при таком-то вечно занятом образе жизни матери.

– Неужто уснула? – вздохнула Наталья спустя пять минут. – Да, спит... чудо мое, солнышко...

– Умаялась, понятно, – поддакнула Нина Васильевна.

Эйфория ушла. Взамен надвигались другие чувства, и все – неприглядные. Будущее начинало забирать бразды правления в свои жесткие скрепы.

– Почему Леха вам не позвонил и не встретил, вот в чем вопрос... И вообще – где он?

– Да, вопрос... На козе не объедешь.

Обе чувствовали, почему и где, но вслух произнести опасались. Чтобы не накликать.

– Наташ, я тут подумала... Девочку же прятать будем, ведь да? Так вот. Можешь на меня рассчитывать, я с вами.

– Спасибо! – с чувством произнесла Наталья. И всхлипнула. – Ое-еоой, делов натворили мы с Лешкой... два дурня...

– Может, расскажешь все-таки?

– Нет! – выпалила Наталья твердо. Танька повернулась во сне, и мать сбавила тон: – Не потому, что не доверяю, наоборот! Просто у них методы... просканируют – и все. От вас ничего не зависит. Лучше не знать, в наших общих интересах.

– Не знать так не знать. Я не обиделась, не думай. Просто грустно. – Сон ушел. Отчего-то на душе стало тревожно. – Давай договоримся на крайний случай. Ну... вдруг потеряемся?! Где тогда встретимся?

– Давайте! Идея супер. Но я лично так сразу не соображу... ничего на ум не идет.

– А у меня на примете есть местечко, – продолжила гнуть свою мысль Нина Васильевна, она об этом уже думала. – Надежное. Мы там неподалеку на соревнованиях были.

– Хм-м, на соревнованиях... а ну как просчитают?

– Не просчитают. А начнут считать – больше тысячи насчитают, сто лет проверять будут, там же не точно, а рядом... Ну так вот, координаты. Лучше всего запоминать на пальцах. Смотри, широта – вот так, точка, так. Долгота – хоп, и-и – марш! – Она помахивала туда-сюда поднятыми вверх руками со сложенными на пальцах комбинациями. – Смешно, да? А главное, не забудешь.

Наталья повторила жесты.

– Почему координаты? Обычно же названия... город, деревня... ну, там река, озеро... – спросила, широко зевнув, молодая женщина.

– А я тебе расскажу почему. Но история длинная. В не такие уж и давние времена, лет триста всего назад, жили-были...

– Ой, Ниночка Васильевна, давайте историю завтра, ладно? Чего-то я засыпаю, свежий воздух шибает, уно-осит...

– Хорошо, завтра так завтра, – нахохлилась, немного обидевшись, Нина Васильевна. Подумала немного, собираясь с мыслями, и продолжила: – Но все-таки, пока не уснула, ответь – ведь мы все вместе поедem, да?

Но Наташа уже спала, сладко посапывая. «Молодежь, все нипочем...» – с завистью пробурчала Нина Васильевна. И принялась считать слонов.

Наталья проснулась от характерных мерных щелчков потрескивающих в огне дров. Тянуло дымком.

«Нина Васильевна завтрак готовит!» – подумала. Сладко потянулась. Приоткрыла глаза – взглянуть, не раскрылась ли во сне дочь.

Таня была накрыта. А рядом с ней спала Нина Васильевна. «Откуда тогда костер?» – удивилась. Сон испарился, сменившись острой тревогой.

Полезла наружу, стараясь лишний раз не задеть дочь.

На бревне восседал Ботаник и подсовывал хворост в огонь.

– Выспалась? – улыбнулся приветливо. С видом самым невинным. Будто тоже из их компании.

Качки столбами стояли поодаль на стреме, каждый отвечал за свой участок.

– Вы? – только и смогло вытолкнуть пересохшее горло.

Ну конечно – «жучок». В футболке? Или в пропуске, до сих пор в кармане лежит. Он слышал все ее разговоры. А она-то, дура, губу раскатала...

Сперло дыхание. Судорожно рванула ворот, раздирая проклятую футболку по шву. Крупная дрожь сотрясла тело.

– Замерзла? – вскочил сублильный мужик, снял куртку и заботливо накинул ей на плечи. Галантно подвел к бревну, усадил.

– Сейчас чайку попьем, согреешься.

– Угу, – поблагодарила, прикрыв глаза. Ее же чаем! Век бы не видеть.

– Не думай, я не из них! Я из других! – попытался неуклюже ее утешить.

– Очень информативно! – скривила подрагивающие губы в усмешку.

Долго не торговалась – чего тянуть козу за хвост, когда все прозрачно. Она добровольно пойдет с ним и будет выполнять все его приказы. За это он отпустит бабушку с девочкой на все четыре стороны. Честно, без дураков, отпустит. Вот проснутся, покушают – и телохранитель сопровождает их до шоссе, дальше пусть двигают куда хотят. Еще и выдаст на дорожку много денег и фальшивые документы. Но проститься с ними, извини, не разрешит. Телохранитель вместо нее простится. Скажет, у мамы дела срочные, любит-целует и просит прощения за неожиданный отъезд.

Гарантией для него послужит ее голова. Которая останется в его распоряжении. Если она откажется подчиниться добровольно – визнает и про желтую флэшку, и про таинственные координаты. Независимо от ее согласия и желания извлечет информацию, методов – уйма.

– А ты? Гарантию, что их отпустишь? – перешла на «ты», настолько обозлилась. В угол загнала, да по собственной дурости. Его же это «ты» обрадовало.

– Обещаю. Слово даю.

– Ха, а наврешь?

– Не навру. Мне воевать со старыми и малыми – запаadlo.

Медленно так сказал, вставляя. Желтоватые от рассветного солнца глаза его при этом сузились. Кобра успешно отохотилась и сыто шурилась. Наталья поверила, впечатленная выражением, с которым он произнес «запаadlo». И согласилась. Еще б не согласиться, когда дуло у виска, не ее виска, на себя плевать, – Танькиного.

Глава 4

В усадьбе, куда ее привезли, было невозможно тихо. Слышно, как лес шумит. И – запах хвои: сосны вплотную примыкали к дому. Наталья подергала решетку на окнах. Бесплезно, сделано на века.

В голове крутились фразы, объясняющие про флэшку, уверяющие в лояльности режиму... увы, внимать было некому. Так никто и не навестил за весь день. В окно заглянула луна – и женщина вдруг осознала, что никому не интересны ее измышления, доводы, переживания... Зачем? Влезут в мозг и считают напрямую. С ней и не собираются разговаривать!

Навалилась тоска. Эх, Александр Давидович... зря на тебя надеялась.

Как он вчера ей сказал, когда шли по лесу, у нее аж скулы свело от жуткого содержания.

– Если чего сделаешь с флэшкой – обещаю, ребенка больше не увидишь. Сдашь меня директору – тоже не увидишь. Ведомства между собой как-нибудь да договорятся, а жизнь ты себе сломаешь.

– А как же твои слова, что со старыми-малыми воевать запаadlo? – вскинулась она запальчиво.

– А где здесь старые-малые? Ты? Я? То-то же. И потом, ребенку без тебя, может, и лучше будет. А бабушку определим в дом престарелых.

– Ты... ты... – заперхала. – Часу не прошло, пластинку сменил?! Коз-з-зел!

Хотела броситься на него и – в морду, в морду... Но качок, шедший справа, предупредительно ухватил ее за плечо.

Так что пока она не поймет, как обезопасить ребенка, флэшку уничтожить нельзя. А что можно? Наталья валялась на кровати и перебирала мысли.

Несомненно, она все скажет, ничего не скроет – если дочь попадет к ним. Но лучше об этом не думать, не думать. Не думать. Нина Васильевна – человек надежный, умелый. Спрячет.

Допустим, ребенок спрятан. И проклятая флэшка уничтожена. Но координаты местонахождения дочери с бабушкой из памяти не выкинешь, как ни старайся, гипнотизер на раз два вычислит. И конец. Как сделать так, чтобы вычистить из себя координаты? Она не знает. Потому что никак.

Куда ни кинь – всюду клин. Проиграла.

Что бы она ни говорила Ботанику – не поверит. А поверит – лишь гипнотизеру. И будет прав, между прочим.

Девятого июля с утра ее повезли в институт. Александра Давидовича в джипе не было, надежда уговорить его таяла с каждой минутой. Качки сидели по бокам с равнодушными непробиваемыми лицами, словно не люди вовсе. Полное ощущение – везли на казнь.

«И как меня через проходную протянут, интересно? – лениво подумала. – Сдадут? Не сдадут?»

Ее нагнули, накрыли пледом. Наталья воспрянула духом – не сдали, тайно провезли! Выше нос, надежда умирает последней!

Но радовалась недолго. Провели ее напрямиком к биологам в психотронный кабинет, усадили в знакомое кресло. Она в нем сидела уже – в январе. «Неужто копию мозга снимают? Пипец! Жалко, что не Женькина бригада, хоть бы одно знакомое лицо...» – подумала, отключаясь. Ребята работали споро, на разговоры не отвлекались.

Спустя час очнулась. Голова трещала, будто гребнем мозга прочистили. В принципе, так оно и было. Наблюдала сквозь смеженные веки, как оператор подписывает бумажку на стальном коробе: «Петрова Наталья, 9 июля».

Что теперь? Гипнотизер? Он, проклятый. Кого привлекут, интересно? Лысому колдуну – директорскому выкормышу и представителю конкурирующей организации – Ботаник вряд ли доверится.

«Наверное, отвезут обратно в усадьбу, дознавать там будут», – обреченно подумала. Но ошиблась – пределы института джип не покинул. А доставил к родному корпусу.

Александр Давидович восседал в кресле и насмешливо наблюдал, как она заходит в кабинет. Потерянно шагает к столу. И снопом валится в радушно предложенное кресло.

– Что ж вы меня прошлый раз не в машине вывезли? Через проходную заставили... а если б схватили? Из-за пропуска? «Жучок» в нем, да? – вместо «здрасте» излила на него претензию. Ярость бурлила, того и гляди польет через край. И ладно, если одной лишь патокой его обрабатывать – заподозрит подвох. Толика горечи, сдобренная справедливой злостью, не помешает. – И следили потом! Фу, как низко!

Он заржал.

– Ну и выкинула бы пропуск, в чем проблема? Наталья, может, снова вернемся на «ты»?

– Давай! – выдавила улыбку. «Мягче, мягче! – стучало в мозг. – Мужик еще пригодится!»

Две копии мозга за полгода, анекдот... Зря тогда Леха в январе кучу денег выбросил, зная бы – не делали б. Две! Копии! За полгода! Неудачники – так во всем.

Стоп! В измученном мозгу забрезжила идея. Пока толком не сформированная, но уже такая пузатенькая... перспективная! Наталья приосанилась и стрельнула глазами в сторону кобры. Мол, не забывай, с кем имеешь дело – с красивой женщиной.

– А у меня к вам предложение...

– Как! Уже? И кольца купила? – схохмил он.

Наталья фыркнула и не нашлась, что ответить. Покраснела.

А идея-то – супер. Теперь главное – грамотно ее воплотить. Не испортить.

– Вы... ты! Ты все равно ведь мне не поверишь, что ни скажу, верно? Ну так вот – я предлагаю конкретное дело. Дай мне три дня – и я восстановлю программу. И телепортирую в доказательство кого скажешь. Но только не спрашивай, как я это сделаю, и про флэшку мне мозг не парь! – подняла руку и подвигала указательным пальчиком влево-вправо, предупреждая вопрос собеседника.

– А... как же...

– Алексей почему не знал? – предвосхитила очередной вопрос. – А потому что ваш Гипночереп – козел. Не справился, увидел далеко не все. Алексей тоже имеет сильный мозг и закрылся. Насколько смог.

– Э-э... вообще, если ты предлагаешь... конкретно... э-э, дело. В смысле, телепортацию. То это... Это интересно.

– Вот именно. Телепну натурально. Вам нужен работающий прибор?

– Нужен.

– Тогда к черту гипнотизера – и работаем?

– Почему бы и не попробовать. Ничего не теряем... вроде... – протянул он, все еще не решаясь.

– После вашего коновала-гипнотизера я, может, месяц в отключке пробуду. Леха, вон, до сих пор... А я – тебе – предлагаю – ТРИ ДНЯ! – вбила очередной гвоздь Наталья, повысив голос на последних словах.

– Лады! – отбросил последние сомнения Ботаник. – Излагай.

– Ну слушай. Мне потребуется...

И она подробно описала, чего ей потребуется. Александр Давидович выглядел растерянным, будто чуял, что его обманывают, но не мог понять – в чем, собственно, тот самый цимес...

Наталья мысленно возликовала – клюнул!

Глава 5

Тот день Евгений запомнит надолго. Неожиданно дату телепортации сдвинули – и ладно бы на позднее число – так нет: событие перенесли с шестого июля на четвертое. Начальство озверело, будто телепнутое, гоняло подчиненных беспорядочно и бездумно. Евгений сжался в своем углу, стремясь сделаться незаметным. Роль ему отводилась настолько мизерная, что всеобщий шухер доставлял злорадное удовольствие, по принципу «вам надо – вы и дергайтесь».

Они и дергались. Нервничали, словно девочки на первом свидании. Самое смешное, что свидания как такового и не состоялось. Напряжение вылилось в пшик – сорвалось грандиозное мероприятие.

К вечеру заявился мировая знаменитость – лысый гипнотизер Шухов. И тут же к нему в кабинет провели Лешку, закованного в наручники. Жека проводил друга широко раскрытыми глазами.

Отойдя от столбнячного онемения, подошел к общительной Ирине Петровне, пребывающей в курсе текущих событий, а также нюхом улавливающей возможные последствия.

– Запуск сорвался, виноват саботажник Громов! Подлая выскочка, пригрел институт змею на своей шее!

«Саботажник? Змей?» – не сразу врубился Женя. А врубившись, струхнул не на шутку: ну как прознают про их дружбу? В последнее время виделись редко, но все же... До кучи и копия та январская... Зачем он поддался на уговоры, согласился сделать несанкционированную копию мозга?! Тогда казалось – безобидное баловство, оригинальный подарок на день рождения гордой женщине от влюбленного мужчины... Не «казалось», так оно и было – но поди докажи, в свете последних событий... Инструкция нарушена, безусловно, если узнают – жди последствий. Начлаб маниакально требует абсолютного подчинения. Хорошо, если просто уволит. Нет, «просто» отсюда не увольняют – секретность... Желудок скрутило, отдалось тошнотой, липким потом. «Пульс нитевидный, покровы бледные», – отметил на автомате мозг. И сделать ничего нельзя – поздно, остается лишь ждать. Сидел в лаборатории ни жив ни мертв, за стеной колдовал гипнотизер... страшный мужик, его боялись все, как есть колдун. Шел уже пятый час...

Наконец двери распахнулись.

– До чего вязкий мозг! – пожаловался эскулап, стаскивая белый халат. – Еле продрался!

– Иначе говоря, вас можно поздравить? – шагнул навстречу замгенерального. Не у себя в вип-кабинете ожидал результата, а у них в лаборатории, нервирова своим присутствием персонал. Что придавало происходящему оттенок необычайной значимости.

– Можно. Результат здесь! – довольно погладил себя по лысому черепу Шухов.

Алексея, недвижимого и бледного, увезли на каталке. Еще бы, после стольких часов... не скоро теперь очухается.

Евгению слова никто не сказал – ни сразу, ни после. Пронесло?

Напряжение потихоньку спадало. Видимо, упор в дознании сделали на летние месяцы, до зимних не добрались. И замечательно. Но от январской копии лучше избавиться. А если прознают? Нет, лучше не усугублять, подтирая следы, – не будет уничтожать. Пусть идет как идет.

– Я первая пойду, а то испугается, нервная система слабая, – предупредила Наталья. Все в том же джипе ее эскортировали ставшие почти родными качки.

– Хорошо, – мотнул головой с переднего сиденья Александр Давидович.

Вечером десятого июля, уютно восседавая в кресле перед телевизором, Евгений дремал. Пронервничав несколько тревожных дней, душа его, наконец, успокоилась, расслабилась. Он почти уверился – неприятности обошли стороной.

Очнулся от легкого дуновения ветра. Открыл глаза – а перед ним стоит Наталья, руки в боки, всклокоченные волосы розовеют от алого в пол-окна заката. Фурия! Ее чуть не с собаками ищут по городу, а она – у него в квартире собственной персоной, и как вошла, интересно? Отмычка? Или в распахнутое окно? Он похолодел.

– Привет, Жека!

Опешивший, глядел на нее, здоровую и веселую. Что за дела? «Определенно, мадам не одна. За ней кто-то стоит, и серьезный», – подумалось. Данная мысль плотно оккупировала мозг, вытеснив прочие версии.

– Э-э... Привет. Ну ты даешь.

– Не дрейфь, маэстро. Как твоя музыка – все сочиняешь?

– Слышь, кончай тут... про музыку. Давай сразу – чего надо? В темпе престо.

– Боишься? Не бойся, не кусаюсь. Но и сам не дергайся, в коридоре мои люди.

– Твои... э-э... кто?

– Мы пришли сделать тебе предложение.

– Мне... чего?

– Кончай тупить, Жень. Если выгорит – сможешь докторскую потом наваять, материал ожидается уникальный.

– Да что ты говоришь?! – В его голосе просквозила нотка заинтересованности, пусть и слабая на фоне преобладающего сарказма, но Наталья ее уловила.

– А-а, зацепило? Но учти – просто не будет.

Она разжала кулак, поднесла к его глазам мятую записку: «Обложили! Соглашайся! Закачай в меня СТАРУЮ копию, новую спрячь!» «Старую» выделено крупными буквами и обведено в кружочек.

Евгений сморгнул и непонимающе перевел взгляд с записки на женщину. Что за новую-старую? В хранилище лишь январская!

Вошел Ботаник.

Наталья не растерялась, вобрала записку в кулак и тонким длинным пальцем поочередно ткнула в присутствующих.

– Раз, два, три. Мы будем командой. Александр Давидович – командир.

– Помогите нам – и мы поможем вам, – подключился Ботаник и нацелился на жертву немигающим взглядом кобры.

– И в чем будет заключаться... м-м... моя... помощь?

– Не сегодня завтра в обход начальника отдела, без санкции дирекции, мы негласно телепортируем человека. В отсутствие посторонних и гостей. Вы будете принимающим от биологов. – Отстраненно сказал, без выражения, как об обыденной надоевшей ерунде.

Евгений оторопел. Если б ЭТО произнесла Наталья – сто процентов бы не поверил. Но Александр Давидович, перед которым сам директор тушует... Неужто правда? А ведь точно, не шутит... стоит, ждет ответа.

Глаза у Жени засияли. Да за такую возможность он... да что угодно! Еще и приплатил бы!

– Согласен! – выдохнул, голос просел от волнения.

Ботаник с легким пренебрежением наблюдал за изменениями в лице биолога. Дался Наталье этот нарциссоподобный хлыщ! Но выбирать не приходилось, слишком высока ставка, ее желание – пока – для него закон.

– Отлично. Завтра к десяти вечера подходите к запасному выходу в наш корпус. Вас встретят и проведут. Постарайтесь не светиться. – И уже на выходе, пропустив вперед себя женщину, он обернулся и процедил: – Рот на замке держи, иначе...

Переход от вежливой формы речи к угрожающей произошел столь неожиданно и разительно, что Евгений вздрогнул.

Вот и пришло оно – 11 июля. Решающий день. Наталья с закрытыми глазами и заведенными за голову руками отрешенно полулежала в кресле за компом.

Завладеть желтым достоянием не составило проблемы, она ж тут жила, в кабинете Ботаника, туалет с запрятанной в бачке флэшкой находился в полном ее распоряжении. Сложнее было организовать перенос сюда своего компа, но это уже не ее проблема. Организовали как миленькие, уж не знает под каким предлогом. И обещали, что как только – так сразу возвернут комп на место.

Ботаник всем своим видом выражал сомнение и подозрение, хоть и старался в меру сил изображать доверие. Часами висел за спиной Натальи. Пришлось «сознаться», чтобы хоть как-то оздоровить обстановку: партнеру она не то чтобы не доверяла, но подстраховывалась, где-то в мае разбила текст на фрагменты и разнесла по разным файлам. На всякий пожарный: станешь осторожной, когда кругом воруют. Целиком содержать информацию в одном массиве, а тем более экзешником, глупо: выявить – раз плюнуть. Но теперь, коли приспичило, воссоединит. Однако, кроме стандартной сборки целого из кусков, требуется подкорректировать текст – внести небольшую правку, разработанную Лехой уже после и пока не учтенную. Просит не

мешать, не хватало где-нибудь напортчить. Решающую отладку совместит с тестированием на ТЭПе, перекинув управление на стенд – обычная практика. Новую версию программы копирует специально для него на его же флэшку, будет чем отчитаться. Советует сгонять в магазин и прикупить желтенькую, для пушего эффекта, чем под ногами мешаться. А после она самолично телепнет объект, дает слово. Прочие настройки не менялись, ТЭП законсервирован, дунуть в его сторону боялись, никого близко не подпускали, что заговорщикам очень даже на руку.

Александр Давидович прослушал доводы внимательнейшим образом и, скрипя фибрами сомневающейся души, согласился и подчинился. Цимес продолжал прятаться; куда, хитрец, подевался – по-прежнему оставалось неясным.

Три дня – с 9 по 11 июля – она имитировала бурную мозговую деятельность. Хотя почему – имитировала? На самом деле работала. Не совсем над той задачей, которой от нее ждали, но постороннему не отличить, программирование и есть программирование, то же редактирование непонятных значков, скрипты, компиляция, отладка – обычный рабочий процесс. Текст программы, естественно, скопировала с желтой флэшки, а совсем не изымала частями со своего компьютера. Свой комп ей нужен для другой цели.

Леха предусмотрительно заложил в программу опцию самоуничтожения, о существовании которой и не подумал извещать работодателя. Активировать опасную опцию можно вводом специальной комбинации цифр в строго определенный момент. Р-раз – и завел. А последствия неутешительны: после свершения акта телепортации программа выпустит вирус, который ее же и пожрет, а вместе с ней и все доступные файлы.

Наталья вставила в меню еще одну необходимую функцию – дистанционного управления, списанную по образцу предыдущей секретной команды. Теперь «пуск» срабатывал и с пульта дистанционки. Программно реализуется просто, сложность в том, что нельзя ошибиться: если с первого раза не выйдет – второй попытки ей любезно не предоставят. Сто раз перепроверила текст, прежде чем создала экзешник.

И – думать. Предусмотреть надобно многое.

Не сошла ли она с ума, что встала на сторону бомжей и деклассированных? Наверное, сошла... Точно, сбрендил. Но. Но не хочет своими руками-мозгами помогать клепать монстров. Она должна быть уверена в чистоте замысла. А то пропадет человек как вид. Изменить природу легко, вернуться в исходное состояние – невозможно. Да, она не желает быть причастной к гадости. Решила – и точка, и больше не собирается страдать по поводу. Хватит с нее и остальной горы непечатых проблем, упустишь какую мелочь – потом надорвешься исправлять, телепортатор из нее тот еще, ха! Да, ха-ха! Когда смеешься, жуть рассеивается. Не до конца, но все же... Ишь, захотели ее голову... Фиг они получают без маслица, а не координаты дочери!

Опрокинуть поднос с едой вышло вполне естественно. Споткнулась, задела, и – здравствуй, лужа. Пускай слезу жалостливее, актриса, а то саму убирать заставят, за бок держись – ударилась, сгибаться больно!

Молодца, отличное исполнение: послали за уборщицей. А дежурит нынче баба Маша. Мария Ивановна – бабушка активная и разумная, обязательно обратит внимание на залитую супом конфету, невесть откуда затесавшуюся среди обеденных блюд, обязательно вскрыет и обнаружит записку, скрученную в сплющенное колечко. Обязательно! Кроме как верить, больше ничего не остается. И пусть они не увидят друг друга (на время уборки пленницу выведут из кабинета) – поймет баба Маша, все поймет... Исполнит просьбу, Наталья верит. Истово. Потому что не чужие они друг другу. Беда пришла в оба дома, похороны совпали во времени, рыдали тогда вместе... и могилки неподалеку друг от друга. Просьба как раз с кладбищем и связана, исполнить ее Марии Ивановне будет несложно. Только бы она вскрыла конфету не сразу, в кабинете под камерой, а где-нибудь в тихом месте!

День на исходе. Так вышло у нее с бабой Машей или нет? Ботаник хоть и недовольный, но спокойный. Умеет ли кобра притворяться? Вряд ли, слишком самонадеянна. Не засек! Стало быть, прокатило. И подготовка в целом завершена. Осталась малость, но это уже – перед самым полетом. Да, полетом, как еще называть перемещение, пусть и в соседний блок, расстояние не имеет значения, важен принцип.

Ничего не забыла?

Текстовые файлы на компе еще утром подменила старыми, от предыдущей версии. Из новых остался лишь экзешник.

Желтая флэшка с обеими версиями программы и всеми текстами возвращена на свое место в бачке туалета. Не поднялась рука, равно как и у Лехи, уничтожить достояние. В конце концов, глупо резать курицу, несущую золотые яйца; вовсе не курица виновата, что ее яйцами хотят воспользоваться плохие люди. Лаборатория Касаткина, разрабатывающая энергомет, или Горского – пушку, честно отдали свои плоды во всеобщее пользование. И лишь узел номер четырнадцать подкачал, вздумал, вишь, бороться за чистоту рода хомо сапиенс...

«Очнись, философ!» – одернула себя.

Пора... Зашла в свой комп и оставила запись, тщательнейшим образом продуманную. Потом, когда придет время, Ботаник ее со всех сторон обгрызет. Дай бог, не уничтожит... не посмеет, иначе ему же аукнется, проверку устроят серьезную. А насчет погрызть – вперед, Александр Давидович, зубки не сломайте!

Он поднял голову от бумаг и уставился на нее, будто услышал мысленный призыв.

– Флэшку давайте, программу спишу! – сказала.

– Держи! – он вынул из кармана небольшой флэш-накопитель и вручил женщине.

– Желтенькая! Не могу, ой! – прыснула она в кулак. – И рыбку съест, и эт-та, как его...

– Пусть будет «не подавиться».

– Во-во. Ну, Александр Давидович, вы и... не знаю даже, как назвать.

– Еврей. Старый, битый еврей.

– Какой же старый, зачем врать. В самом соку. Карлсон! – Непроизвольное гыгыкание усилилось. Ей было стыдно, но она ничего не могла поделать, оно само извергалось. Опустила голову на руки и сотрясалась в конвульсиях: кобра нацепила моторчик Карлсона!

Ботаник невозмутимо держал паузу, пережидая приступ смешливости.

– Это нервное, не переживай! – посочувствовал. И погладил ее по распущенным волосам, словно маленькую девочку. Хорошо, она сидела, а то бы не дотянулся. Маленький добренький гномик... Однако цепким взглядом по экрану шарил – не доверял. Но пальцы ее порхали быстрее ветра – непрофессионалу уследить невозможно.

– Готово, скопировала! – проинформировала, вновь став серьезной.

На самом деле – переместила, с уничтожением образца на компе, но Ботаник нюанса не углядел, сосредоточившись на изучении содержимого флэшки. Как бы не перекинулся назад на комп... увидит – стерто – и заподозрит, а лишние подозрения ни к чему, и так на соплях висит... Отвлечь! И она встала во весь рост, оттолкнув кресло.

Тут же к ней подскочил качок.

– Слышь, мальчик, зачем мешаешь общаться, а? – обратила к нему недовольный взгляд Наталья и вновь переключилась на Ботаника. – Держите! – торжественно вручила ему флэшку. Не вздумал бы сделать копию по дороге... Взяла мужчину под руку. – Пойдем уже, что ли?

Александр Давидович что-то тихо сказал в трубу и церемонно повел даму к выходу.

«Скомандовал «штурм», – догадалась. И отлично. Одной бы ей ни за что не пробраться в зал к ТЭПу, охраняют не хуже золотого запаса страны. А так – нате пожалуйста, еще и препроводят с почестями.

Собралась, Наталья, время «чэ» приближается!

Народу на историческое событие прибыло – кот заплакал. Она, Александр Давидович с двумя телохранителями, Евгений с объемным медицинским чемоданчиком и бомж в сопровождении охранника. Вояки числом не менее пяти десятков – из тех, которых углядела лично, – остались снаружи.

Время близилось к ночи, люминесцентные фонари выбеливали пространство за окном, выдавливая ночь за забор института.

Наталья сощурилась, потеряла лицо ладонями: глаза резало от жесткого безжизненного освещения, разлитого в зале.

– Сначала тестирую! – сказала громко, пусть все слышат.

– Запомни, делаешь – все – медленно! – приказал Ботаник. – Прежде чем куда-то нажать – комментируешь. Ясно? Учти, я с десятков телепортаций наблюдал, не профан, и только попробуй мне тут... чтоб без фокусов!

– Так точно! – дурашливо отдала честь, поднеся к виску ладонь.

«Наблюдал он, ха... – хохотнула мысленно. – Подумаешь, присутствовал на нескольких перемещениях, так то звери были, человеческий вариант – совсем иное: программа с секретами».

– Не левую надо к голове, а правую! – нравоучительно заметил он. – С кем дело иметь приходится, даже честь толком отдать не умеют...

– Черт! Простите! – повинулась она. И зашла в кабинку оператора. Ощущала себя здесь как дома – еще бы, столько часов провела, отлаживая и запуская, запуская и отлаживая... – Давайте вашу флэшку. Смотрите, Александр Давидович, вставляю. Читается нормально. Вот эту новую версию с флэшки буду устанавливать поверх старой на ТЭПе. Хоп, установка запущена. Следите? Ждем, сейчас файлы заменятся... Готово. Заметьте, программа на вашей флэшке осталась, никуда я ее не дела.

– Дай мне флэшку!

– Рано! После теста отдам, вдруг чего не так, копия должна быть на подхвате! – возразила уверенно.

– Хорошо! – пожал он плечами. – Продолжай.

– Врубаю вот этот рычажок – разогрев аппаратуры. Пушка и бог знает еще чего, не особо в курсе, не моя епархия. Замигали огоньки, каждый отвечает за свой блок.

– Вижу.

– Теперь плацдарм. Координаты вбиты, не собираюсь даже прикасаться, с прошлого раза ничего не поменялось. Далекое не пошлем, приземление в нашем боксе. За бетонной перегородкой, между прочим, это вам не хухры-мухры. Имеются еще площадки, смотрите, вот и вот, а пятая так вообще в Африке...

– Эй, а ну верни первую!

– Конечно. Телепортироваться в Африку неразумно, в июле там дикая жара... Вот она, наша первая. Хоп, жму... Принято, видите, мигнуло?!

– Мигнуло, вижу...

– Подключаю энергомет. Разогревается долго, минут десять. Когда будет готов – зажжется вот эта лампочка.

Соврала: совсем не эта. И разогревается гораздо быстрее.

– Да.

– Потом автоматом подключится синхронизация – и прибор готов. О готовности сообщит большая клавиша «пуск» – ярко засветится.

Опять врала. В режиме «дистанционки» клавиша «пуск» не загорится – специально ее отключила.

– Да, видел, один раз даже доверили нажать.

– Нажмете и в этот раз, вы ж командир.

– Хорошо. Что теперь?

– Теперь тест. Надо проверить – стопроцентна ли совместимость. Как раз успеем, пока энергомет заряжается, тесту энергомет не нужен.

– Да. Выставлять объект?

– Нет, что вы! Рано! Помешает!

– Как это – помешает? А что тогда пушка будет облучать при тесте, если не объект?

– Ну это просто. Надо встать на площадку и нажать рычажок, тем самым мы активируем тестовый столб, чтобы зря Т-лучи не расходовать. Делаю?

– Давай.

Ее счастье, что на показе демонстрировали именно этот трудоемкий, зато надежный режим тестирования.

– Следите внимательно. Подхожу. Встаю. Нащупываю рычаг...

Она вытянулась в струночку, замерла. И нажала – на кнопку пульта дистанционки, лежащего скрытно в кармане.

Ее тело вмиг просканировали обычные лучи, параметры ушли во входной массив, выходной уже сформирован. Секунды робот подстраивает линзу... Господи, помоги, Т-пушка сейчас стрельнет! Поехали!!!

Она улыбнулась.

Пшик – и исчезла. Оставив вместо себя туманное мерцание.

Александр Давидович выматерился и ринулся в облако.

Но ее там не было.

Метнулся назад, в будку оператора. Прибор будто взбесился, лампочки гасли одна за другой, верный признак вируса. Ботаник яростно выдернул свою флэшку из гнезда прибора. Матерясь, рвал и рвал из гнезд провода, пока утробное чавканье не затихло.

Стерва перехитрила его? Удрала в Африку?

Не может быть, координаты плацдарма он наизусть помнит, и «единичка» была введена железно, отвечает.

Она в боксе?

Он поднял слезящиеся глаза на бетонную стену. И тяжелой поступью пошагал к стальным дверям.

Ввел код и вошел.

Бездыханная, она лежала на обитом упругой резиной полу.

Он облегченно выдохнул. Отлегло.

– Евгений, сюда, быстро! – крикнул оторопевшему биологу.

Тот, хоть и растерянный, но дело знал. Произвел стандартные манипуляции.

– Мозг в нуле! – сообщил.

Что значит – в нуле, Ботанику объяснять не надо: пациент ничего не знает и не помнит, чисто младенец, извлеченный в новое измерение, – вот что.

– Задышала, помогло искусственное! – продолжал комментировать Евгений. – А еще мы ее так и так. Вздумала умереть? А шиш! Оживим!

«Вот где он скрывался, цимес! – дернул себя за редкие вихры Александр Давидович. – Она сама себя телепортировала! Зачем? Зачем... Не затем ли, чтобы стереть информацию из головы? Чтоб ему нечем стало ее шантажировать?! Стерва! Но до чего желанная стерва! Лежала у его ног, вся целиком в его власти, доступная кукла... Тело».

Нет, он не проиграл. У него имеется копия ее мозга. И флэшка – если не гикнулась. А Громова – дура.

– Когда лучше восстанавливать мозг – сразу или погодя? – спросил у биолога.

– Сразу. Иначе могут разыграть глубинные силы.

– И что тогда?

– Природа сил неизвестна. Животные одни дохли, другие с ума сходили, третьи перерождались. А человек... не знаю.

– Н-да... краем уха слышал, но нас, технарей, от биоинформации отсекали. Что посоветуешь делать?

– Немедленно ставить копию, иначе помрет. Да, банально помрет, все к тому идет.

– Понял. Носилки сюда! – вскричал Александр Давидович, высунувшись из бокса.

Копии мозга – одноразового использования: переписать их можно лишь единожды.

Сомневался ли Евгений, производя подлог, меняя новую копию на старую – полугодовой давности? Нет. Страх ушел. На его место пришел азарт. Друзья начали сложную игру, и он – на их стороне. Она попросила – он выполнит. И гори огнем трусость, мелочность и подлость! Красиво загнул... на самом деле высокопарный слог, выпренные фразы – для зрителей. А для него – двойная выгода: и друзья останутся друзьями, и остальной мир в обиде не будет. Что копий две на одну голову, никто ведь не знает. Соответственно, и о подлоге не узнают. Ну выпал у испытуемой кусок памяти длительностью с полгода, велика беда, с этими телепортированными ожидать можно чего угодно, посмотрелся на примере собак.

Более того. А что, если усугубить хаос?..

Глава 6

30 июля

Развалившись в обшарпанном кресле своей «резиденции», я размышляла. Обстановка располагала. Уютный прохладный полумрак: ставни не пропускали лучи шпарящего от души светила. И тихо: у людей рабочий день.

Как освободить Лешу? Пойти внаглую на бордаж – бессмысленно и глупо. Хитрее надо, хитрее...

У меня две ниточки: Женька-биолог и Петрович.

Женя делал ту самую копию, которая во мне, и есть вероятность – что-то, да знает. Может, он сам и закачивал ее обратно! Академик разговаривал со мной, будто я разумная и в теме – факт. То есть не знал академик о той копии. Почему не знал? А потому что Жека скрыл, другого объяснения нет. Не известил Женек начальство... И правильно: не в его интересах, должностную инструкцию-то нарушил, я б на его месте тоже скрыла. По крайней мере, у меня есть чем его шантажировать, если пойдет в отказ. Перспективный кандидат? Перспективный. Про Таньку он вряд ли знает, но с дочерью я и без него разберусь.

Петрович же вообще кандидатура идеальная. Мало того, что по должности информирован – начальник отдела обыкновенно в курсе планов дирекции. Но и как человек проявил себя с наилучшей стороны: помог дочу спрятать. Отсюда и страшно: нельзя мужика под монастырь подводить, а то начнут дознавать – и про Таню дознают.

Так с кого начинать – с Жени? Петровича? Хоть монетку кидай!

Глупая, про собак забыла. Я для них – возбуждающий фактор: лают, остервенело бросаются... чуют, гады, чужака. В городе однозначно не дадут спрятаться и вести наблюдение потихому. А в элитном дачном поселке собаки по улицам не бродят...

Решено – начинаю с Петровича. Подловлю, когда на дачу приедет.

2 августа

Два дня безотрывно следила, никаких тебе полчищ вояк, запрятанных в подвале или сеновале, не углядела. Спокойно и тихо.

Дождалась – поздно вечером в ночь на второе шеф приехал. Один. Как всегда – деловой, импозантный, одет с иголочки – это на даче-то!

Я проникла в дом и предстала пред ним, бесшумно преодолев незапертые двери.

А он мне обрадовался... словно дочь родную встретил. Не испугался, не напрягся, наоборот – обнять не побрезговал, при моей-то внешности.

– Я ждал тебя... Правильно в квартиру не сунулась, там засада! – бархатно прошелестел своим красивым баритоном и глянул на меня этак лукаво.

– Ученая... – смутилась я, не привыкшая к комплиментам от начальства, пусть и в столь завуалированной форме.

И расслабилась, потекла. На болтовню потянуло. И то, все одна да одна, по общению с людьми соскучилась. Про состояние свое трепалась, плакалась. Шеф жалел, подбадривал, обнадеживал, весь из себя уверенный, собранный, веселый. Живой. Про Татьяну успокоил – в полной безопасности и надежном укрытии, сказал, Нина Васильевна за ней присматривает. Нутро мое издало довольное урчание, похожее на кошачье, когда котикам пузо чешут, – правильно, значит, разгадала головоломку с той загадочной записью – Петрович помог, спрятал наших с Лехой самых дорогих людей.

Слово за слово, подошли к главной теме: что делать?

Думала, он тоже, подобно академику, скажет сдаваться. И ошиблась! Наоборот, он призвал к неповиновению и свободе, я даже оторопела от неожиданности.

– Хочу Леху освободить! – поспешила ковать железо, раз такое дело.

– Отличная мысль! – Он аж лицом просветлел, до того с энтузиазмом воспринял. И сразу выдал несколько разумных идей.

В результате конструктивного обсуждения и родился у нас план.

Согласно плану, я должна была:

1) проникнуть внутрь института – этот пункт он брал на себя, на машине ввезет, личный транспорт начальства проверяют вскользь, формально;

2) отвлечь на себя, увести стражу, пока его люди освобождают Леху;

3) спрятаться в убежище, которое он организует;

4) туда же, в убежище, приведут освобожденного Леху;

5) после, когда утихнет, шеф нас вывезет, опять же на машине.

Хороший план? Хороший, на мой вкус.

С утра и приступили к его исполнению: на территорию въезжать безопаснее всего в потоке машин сотрудников, спешащих занять рабочее место к началу рабочего дня, дисциплина у нас на уровне. А припозднишься – на проверку нарвешься. Так что без вариантов. Поспать удалось часа три всего – мне нормально, а шеф выглядел невыспавшимся, всклокоченным и нервным.

Первые три пункта проскочили на ура.

А потом в мой бетонный просторный подвал без окон вошли трое в гражданском. Мирно-любовно улыбаясь, приблизились – и вдруг как накинутся! Хотели обездвигить и связать! Не далась, замолотила ручонками – они и выскочили ошпаренными овцами.

Прождав целую кучу времени и не дождавшись не то что Лехи – никого! – я дотумкала: план провален. На шефа поначалу не грешила, думала – сорвалось, чего-то пошло не так, Петрович сам попался.

И тут возник голос. Неторопливый бархатный баритон – шефа, не спутаешь! – вещал откуда-то сверху:

– Наталья, ты запуталась. Прости, но я вынужден был пойти на обман – ради твоего же блага. Тебя осмотрят врачи. Все будет хорошо. Алексею побег не нужен – он в полном порядке. «Ловушка! Шеф – ловец и предатель!» – осенило меня. Словно лопатой по голове огрело. Ошарашенная, я поникла. Прибило подлое предательство.

– Петрович, как ты мог! – горестно просипела в ответ.

Наверху помолчали, а через какое-то время прожурчали доверительным шепотком:

– Наталья, мы поможем тебе! Спокойно, спокойно...

И вот эта фраза стала повторяться с периодом в минуту. Уговаривать, убеждать неразумную...

– Заладили... Давайте идите уже, помогайте, я спокойна, спокойна... – не сдержавшись, пошутила в ответ. Да, собралась с силами – и пошутила. Сглотнув слезы.

Но они не отреагировали на мой искрометный юмор, продолжили тупое вещание.

«Запись крутят!» – догадалась. А не гипнотизируют ли меня? усыпляют? Распылить или подмешивать в еду снотворное в моем случае бесполезно – вот и решили воздействовать через слуховой аппарат?!

Разозлилась. Чем дольше меня «гипнотизировали», тем в большую ярость я впадала – на себя: надо быть полной дурой, чтобы собственными ножонками смиренной овечкой закатиться в этот гребаный подвал!

А Танька моя где? «А ведь в плену у шефа!» – сверкнула молнией мысль. Будто плеткой хлестнула по тупому доверчивому мозгу.

И меня переключило, бешенство застило глаза. Лишь громадным усилием воли взяла себя в руки и продолжила сиднем сидеть на полу. Тянуло орать и метаться, но сумела погасить бездумный и вредный выплеск. Одной силой с противником не сладить, из клетки не выбраться. Они обманом – и я должна подключать обман, если хочу спасти дочь.

А если притвориться спящей? Этому гаду шефу наболтала на даче, что регулярно ем и сплю, несмотря на отсутствие надобности, так что поверит. Сколько я тут, в подвале? Не знаю, время остановилось. Но больше суток – точно. Пришла мне пора устать.

Не завидую тем, кто войдет в камеру первым, я ж не связанная, мускулы сильные, тело легкое, послушное.

Мозг работает как часы: давит эмоции, отслеживает ситуацию. Я сплю, сплю... Натурально кемарю. Налитая злобной силой.

5 августа

Они вошли, когда я и правда закемарила. Лишь одной половиной мозга, вторая бодрствовала начеку, но откуда им знать...

Приблизились. Я не реагировала, хотела точно убедиться. Ну меня и бросили лицом в пол, руки взад заломили, наручниками зазвенели.

Тогда только и вспорхнула силушкой. Раскидала мужичков с легкостью. От души. Сама от себя не ждала, правду говорю. Оказывается, вырубить орангутанга несложно – достаточно кулаком ему в морду. Никогда никого по лицу не била, мысли не возникало, а даже если б и возникло – не смогла бы, вплоть до физического отвращения. А оказалось – могу. Причем запросто. Тело само!

Сфокусировалась на камере – единственном заметном глазу выступе на гладкой бетонной стене, расположенном высоко над дверью. Метнулась со всей мочи. Скорость набрала такую, что по стене пронеслась прямо до стыка с потолком. Лягнула изо всех сил проклятую и громыхнулась на пол. Вращательного момента от толчка хватило, чтобы приземлиться на ноги,

проделав в воздухе переворот. Стояла, глядела на дело ног своих – камера всмятку. И тишина – звук тоже вырубился... Мамочки! А ведь я – ловкая, сильная! настолько, насколько сама захочу! Универсальный йог и солдат! А сами виноваты...

С дежурным, стоящим на посту снаружи, проблем не было – забрала ключи, втокнула к коллегам и заперла. Отдыхайте, голубчики.

Куда теперь?

К Лехе!

Он должен быть где-то рядом. Но где именно, казематов здесь, в царстве пыток биологического материала – тьма и на любой вкус. У кого бы спросить поточнее? Да у дежурного же! Спокойнее, Наталья, без суеты! Сначала думай, потом делай. Отворила только что запертую дверь.

Мужики валялись в отключке. И мой клиент тоже, хоть и легонько его толкнула. Потрясла – очнулся. Меня увидел – и снова, блин, отвалился. Вот непруха...

Растерянно стояла над ними. Ребята крепкие, не какие-нибудь салаги. В головенке мыслишки крутились странные. Я что – монстр? Наверное, да... Но не зомби!

Принялась снова тормошить дежурного, по щекам хлопать.

В этот раз он очнулся на подольше.

– Где Громов Алексей? – спросила. – Скажи, и я уйду, ничего тебе не сделаю.

Он посинел, трясущейся рукой на ключ с номером 33 указал – связка у меня на шее висела, словно баранки.

– В пэ-э... пэ-а... адва...

– Здесь, в подвале? – деловито уточнила я. И улыбнулась. А он, поганец, в ответ на мою улыбку опять вырубился. Ну и мужики пошли!

Надо быстрее. Эйфория прошла, навалилась усталость. Попить бы... и на солнце хочу. Организм словно требует, кричит – дай подпитку! Скоро, мой сладкий, скоро, потерпи чуток, Леху освобожу – и подпитаю. Прежде, на свободе, настолько быстро не уставала... Придет время – разберусь, чем, собственно, питается мой организм.

Побокую лишние мысли, вперед, к Лехе!

Леха чуть не упал, когда меня увидал, – так обрадовался. Бросился ко мне, обниматься полез, тормошил со всех сторон, обстукивал, оглаживал...

– Наташенька, солнце мое! – бормотал он, всхлипывая. – Я знал – ты придешь... в общаге, помнишь, смотрю – ты... с тех пор жду... до ужаса надоело тут, достало играть идиота!

Чего с мужиком сделали, а! Довели! Самоуверенный, жесткий – слезинки от него не видала – и разводит слякотное болото. Стойкий невозмутимый молчун – и столько эмоций наружу вывалил. Ох, гады... Припомню.

– С Таней чего, не знаешь? – задала жгущий душу вопрос.

– В безопасности. С Ниной Васильевной. Железно спрятаны, не боись! – расцвел он до ушей.

– Как это? – не поняла. – Ведь шеф – предатель!

– И что? При чем тут шеф!

– Ну... он же на кладбище знак оставил.

– Он? Окстись! Баба Маша!

Словно гора с плеч. И выросли крылья.

– Пойдем, пора выбираться! – воодушевленная, взяла его за руку и повлекла за собой.

В коридоре валялась обесточенная охрана. Он бочком протиснулся мимо тел.

– Это все ты? – спросил.

– А кто ж еще! – усмехнулась.

– Обалдеть... У тебя план есть?

– Какой, на фиг, план... – Меня аж перекосило при слове «план», вспомнился шефский. – Пру танком, ты за мной. Знаешь, Леш, силы во мне – ужас.

– Ужас... – эхом откликнулся он. – Ужас – это хорошо... погоди. Напролом, наверное, не стоит. Может, захватим машину, хорошо бы с хозяином, спрячемся на заднем сиденье и выедем потихоньку?

– Точно! Лех, ну ты голова, гением быть не перестал! – похвалила. Хвалить самое время – что-то он как-то старается, на мой вкус. – Давай за мной, не отставай!

Но тут впереди по коридору откуда-то из прохода вынырнули трое и встали, расставив ноги, преграждая пространство. Шкет-маломерка в окружении двух бравых ребят.

– Мамочки! – совсем уж как-то неприлично всхлипнул Леха, телепавший сзади. – Стой! Я тормознула. Чтобы Леха – да «мамочки»? Не ослышалась, случаем?

Обернулась, глянула на него внимательно. Он сомнабулически продолжал тарашиться вперед. И прятаться за меня.

– Кто такие? – процедила вполголоса.

– Ботаник с качками, – прохрипел, – очень опасные, Натик, будь внимательна, прошу... тело не повреди!

– Ка-акое тело? – продолжала буравить его взглядом. Как-то не взволновала меня эта троица, больше обеспокоило Лехино странное поведение. Я ж его как облупленного выучила, вместе столько лет...

Зрачки у Лехи расширились, челюсть отвисла – парень явно испугался. Посмотрела, куда он уставился – чего еще?

Ребята наставили на меня пушки.

Я чуть не заржала в голос: пули мне не страшны, я же зо... Зря фанфаронствую: стволы едва заметно переместились и в голову целят. А голова-то у меня – не совсем зо...

Медленно поднимаю вверх руки.

– Сдаюсь, вяжите! – тяну тоненько, на лице испуганная девичья смиренность.

Тщедушный очкарик удовлетворенно хрюкает. Ну-ну...

Дождалась момента, когда дула пушек приспустились – и метнула кулаки в ударе, такой в боксе вроде хуком зовется. В челюсть. Одному справа, другому слева. Мгновение – и оба лежат.

А хлипкий стоит вопросительным знаком, тарашится очками, что твоя кобра перед броском.

– Зачем, Наталья? – спрашивает. – Мы ж одна команда, работаем вместе!

– Ничего не вместе! Ведем его к джипу, у него джип отличный, на нем поедem! – заверещал воспрянувший духом Леша.

Я пожала плечами.

– Пошел, куда сказано! – приказала хлипкому. – Да не вздумай шалить, а то...

– Я у-уже ше-е-елковый! – проблеял пленник.

Он что, еще и выделяется? Шутник, однако.

Ладно, разберемся. Но сначала покинем институт с наименьшими рисками. Легонько подтолкнула его вперед, и мы потрусили по коридору к лестнице.

Но опоздали. Сквозь громадное, во всю стену затененное окно холла увидели колонну военной техники,двигающуюся по направлению к нам. Освещенная восходящим рассветным солнцем, гляделась она нереально, будто из параллельного мира.

– Бэтээры! – определил очкарик. – Парковку блокируют, нет смысла туда идти.

– И что теперь? – растерянно спросил Леха.

– В другой конец здания?! – предложил тщедушный.

– Точно, в той стороне бараки – длинные щупальца, выходов до фига! – оживился Леха. – Но проводника бы, там черт ногу сломит...

– Проводник не проблема, по дороге будет камера с вашим биологом...

– Женя? Он что, арестован?

– Не то чтобы арестован... Изолирован как особо ценный кадр, на работу под конвоем выводят. Идем?

И наша группа рысцой двинула в обратную сторону. Снова протиснулись мимо тел, ребята уже ворочаться стали. Хотела очкарика вырубить до кучи – зачем он нам, коли джип отменяется? Но мужчина, уловив мое намерение, завопил:

– Я с вами! Перехожу на вашу сторону! – А на мой саркастический смешок присовокупил: – Обеспечу передвижение за территорией, могу и вертолет, или вы пешком собрались?

А что, верно глаголет: транспорт и правда нужен.

– Ладно, живи. Гоним, ребята, гоним!

Камера, где держали Евгения, оказалась неплохим гостиничным номером. Разметавшись по широченной кровати, «заключенный» спал. А когда проснулся – обрадовался, словно любовнице после долгого воздержания – конкретно мне обрадовался! Приятно, однако... уж не случилось ли чего между нами за последние полгода, столь бурная реакция так просто не рождается... А Леха смотрел и язвительно кривился... ревнует?

Жаль, но пришлось оборвать поток сладких комплиментов. Вытянули Женька в коридор, он едва брюки успел натянуть и белый халат накинуть.

Вот ведь, молодец я, смолчала у шефа на даче про копию, в меня закачанную, исполнителя подставлять не стала – и получила ответную благодарность. Пусть и словесную, тоже греет.

Чем дальше, тем коридоры извилистее. Спутники тащатся, словно задохлики, красные, потные... А у меня – сил не впрокорот, аж не вмоготу. Я дернулась и описала круг: по стене на потолок и по другой стене на пол, словно мотоциклист в цирке по вертикальной петле. Прокрутилась таким макаром несколько раз. Ощущения классные: впечатление, будто гравитация надо мной не властна! А ведь неделю назад хромала, а теперь – хоть бы что!

Попутчики остановились, пораженные. Обернулась к ним.

– Чего встали, вперед! – призывно кликнула. – Контора пишет!

К чему пристегнула бессмертную цитату, откуда ассоциация – понятия не имею. Само вырвалось, на энтузиазме от испуганного восхищения, плескавшегося в их глазах.

Занимался день. На землю опускалась жара, но нам она не страшна: спрятались в подземном стильном коллекторе, отстоящем от здания биологов метров на двести. Едва успели: здание окружила цепь военных. Микрофоны орали, чтобы мы выходили. Но штурм не начинался.

– А собак спустят? – обеспокоилась я. – Меня учуять – раз плюнуть.

– Здесь такое амбрэ, что чуйки отвалятся, не переживай! – успокоил Евгений.

Воняет, что ли? А я и не знаю, запаха же не воспринимаю... Только подумала – и в носшибануло перегаром! Однако... Что значит – обратная связь, работает как часы. Представила поле ландышей – и голова чуть не закружилась от резкого цветочного благоволия. Не-ет, ни к чему мне все эти запахи, куда лучше кольцо Мебиуса, бутылка Кляйна... математика – она не пахнет. Зараза, бутылка оказалась с вином...

Ребята всю обсуждали извечный вопрос – что делать? Подключилась, и запахи сами собой выветрились из моей головушки.

Совместным мозговым усилием группа пришла к мнению, что нам тоже следует организовать штурм – только, в отличие от противника, покорять будем другую высоту – забор института. Когда? Одновременно с официальным штурмом: менее заметно. Ну, или когда стемнеет,

если они протянут до ночи. Я уверила коллег, что забраться на высоченной, опутанный колючкой забор и скинуть оттуда веревку мне по силам. А веревку скрутим из одежды, сразу и начнем плести.

И тут Леха вылез невпопад с вопросом, выпадая из общего боевого настроения:

– А какое сегодня число?

– С утра было пятое. Августа, – вежливо ответил очкарик. Очки его при этом блеснули. –

А что?

– Пятое... бэтээры... – прогундосил в раздумчивости Леха. И неожиданно вскинулся: – Слушайте, а ведь это правительственные войска пришли нам на помощь!

– Да ну! – усмехнулась я.

– Ну да, конечно... мечтать не вредно! – поддержал меня очкарик. – То-то три дня назад нас собрали и сказали – переходим в подчинение дирекции. Дирекция и командует операцией. Телятся. Наши бы сразу...

– Быть не может! Не может, нет! – покачал головой Леха. Губы его задрожали – вот-вот зарыдает.

– Леш, ты вообще – в себе? Что с тобой сделали? – провела рукой по родному лицу. Колючий.

А он всхлипнул со свистом и носом захлюпал, прости господи!

– Ничего особенного с ним не сделали! – встрял Евгений. Снисходительно так проронил, свысока. – С ним поработал один из сильнейших в мире гипнотизеров, вырубил, скотина, в аут. Да так вырубил, что пришлось закачивать копию – подтолкнуть, так сказать, сознание, само не справлялось. Восстанавливать линзу надо ж кому-то.

Неожиданно для окружающих Леха схватил биолога за грудки, приподнял.

– А ведь это ты, гад, меня сюда... признавайся – ты?

Не очень поняла, но поддержала напарника:

– Отвечай, коли спрашивают!

Женька позеленел.

– Ну, я... Я! А что – плохо?! Всем хорошо!

– Всем? А про Лешку забыл? Ты ж его, сволочь, убил! – крикнул Лешка, срывая голос на визг.

Я совсем перестала понимать. И не я одна – наш хлипкий друг тоже вытаращился подслеповатыми глазками, кажущимися неестественно большими в полутьме.

– Ничего не убил, чушь не пори! – прохрипел Женька.

Силы у Лехи, видимо, кончились, отпустил жертву, и биолог грузно осел на пол.

– Стараешься для них... а они... Неблагодарные! – донеслось снизу.

Едва успела перехватить Леху – он собирался пнуть поверженного Женьку.

– А ну, прекратите! И толком сказали, а то щас обоих, мать вашу, лбами столкну... – процедила угрожающе.

Евгений вскочил на ноги. Выглядел он неуверенно, я бы даже сказала – жалко.

– Ну да... я это. Я! Подменил. Чтобы начальство запутать, гипнотизер же снова в мозгу его рыл и ничего не нарыл, а почему? Благодаря мне там полная каша, вот почему! – начав в спокойных тонах, завершил Евгений на повышенных. Да еще и обиженных.

В башке у меня забурлило. И не только у меня.

– Рассказывай! – придвинулась к нему угрожающе. – И чтобы отдельно и внятно!

Оказывается, этот недоделанный кандидат биологических наук, возомнив себя великим стратегом, подменил копии! Улучив момент, уединился в тиши хранилища и переклеил бумажку. Таким образом, копия Петровой Натальи от 9 июля (к тому моменту безымянная – в меня ж закачали январскую) стала значиться как «Громов Алексей, 4 июля». А Лешкина – сделалась безымянной, и великий стратег запрятал ее далеко в глубь хранилища! Еще и радо-

вался – получите, мол, враги, гранату! Теперь лишь он разберется в подноготной процессов, а конкуренты пойдут лесом. К тому же, пока Леха блуждал в отключке, игру вела Наталья, ей и доигрывать – решил он за нас. И хитро задуманное копирование очень скоро осуществилось, причем руками другой бригады. Линзу и правда нужно было восстанавливать, а ждать, пока Леха самостоятельно выйдет из комы, дирекции надоело.

А что убил одного за ради другого, запальчиво объяснил нам Евгений, так это полная чушь. Опытная база набрана достаточно обширной, чтобы с высокой степенью вероятности утверждать: если живому человеку закачать чужую копию, личность сменится лишь поначалу, потом нейроны мозга восстановят статус-кво. Наносной слепок со временем истончится и исчезнет. Ни одного случая не наблюдалось, чтобы привнесенная личность осталась в теле, сколь бы сильной ни была – факт. Ну, побудет Алексей немного Натальей, еще спасибо потом скажет за возможность проникнуть в нутро будущей супруги.

Вот с телепортированными бы поэкспериментировать – это да... Закачать копию на девственно чистую поляну – мечта биологов; но поди получи ту поляну... все попытки перевести человека в нуль оканчивались безрезультатно – не желал обнуляться мозг, как над ним ни изгалялись. Лишь труп соответствовал требованиям – но кому нужен труп... С моим же появлением открывается золотое дно. Непаханое поле непознанного. Вопросов – тьма. Насколько долго будет держаться копия, внесенная в нуль-мозг? А если потом другую копию насадить поверх – произойдет ли последующее отторжение, как обычно с живыми людьми, или?.. Руки чешутся исследовать. Здесь не только докторскую – в академики можно... если стать первым и снять сливки.

– Иди ты со своими экспериментами, академик хренов! – ощерилась я на него. Отодвинулась подальше от чокнутого карьериста. – Дно золотое, как же... а ящик Пандоры – не хочешь? Дебил!

– А кто же тогда... оно? – ткнул очкарик в мою сторону пальцем. Очнулся!

– Не твое дело! – в унисон ответили мы с Лехой. В смысле, мы со мной. Кошмар, меня стало двое!

Боже мой, а как же теперь Леша?

– Алексей, – обратился Женя к Лехе, словно услышав мой вопрос, – скрыт внутри тебя. В твоих силах его выпустить. Надо снять блок, я научу.

– Конечно, научишь, – процедила, – и начнешь немедленно.

Он понял правильно. Отвел Леху в уголок и начал негромко ему втирать.

А очкарика она хорошо придумала называть Ботаником, мне понравилось. Тоже буду его так звать.

Мы с очкариком-Ботаником тоже не без дела сидели – плели веревку, раскроив на полосы его кожанку, белый халат биолога да черную робу Лехи. Мужчины добровольно разделись – и правильно, не женщину же разоблачать... еще в обморок свалятся от вида моего обнаженного в ранах тела. Исподволь кидала на них быстрые взоры – и посмеивалась про себя. Мой Лешенька – крепенький мускулистый боровичок, очкарик – упругий сморчок, а Женя... опенок? Нет, скорее лисичка – стройный, невысокий, весь из себя гармоничный и пластилиновый (без мускулов, в смысле), так и прет оранжевой нежностью.

Видать, мои неприличные мысли как-то расцветили мимику лица, Ботаник смотрел на меня, приподняв брови. С удивленным любопытством. Будто я насекомое, которое он собирается нанизать на булавку и поместить в свою коллекцию.

– Настоящая любовь – это когда одно сердце бьется как два, – изрек он со значением, кивнув в сторону другой пары.

«Перефразировал известный афоризм, что ли?» – сообразила.

– Не беси! – отрезала. – Философ нашелся.

Помолчали.

- Ты меня – вообще – знаешь? – не выдержал он.
 - Впервые сегодня увидела! – честно призналась.
- Он поник. И пусть никнет, не буду ему ничего объяснять, у самой шарики за ролики.

Достучаться до Леша удалось лишь к вечеру. Женька отер взмокший лоб и устало, но удовлетворенно обратился ко мне:

- С Алексеем говорить желаешь?

Я шустро переместилась к ним. Леха глядел в пространство широко раскрытыми глазами.

- Леш, это правда ты?

- Наташка... Привет! – сказал он. И ноль эмоций на лице.

Я оторопела, напрягла эта безучастная маска.

– Она в транс, сама у себя вызвала, быстрее говори, долго не протянет! – подтолкнул меня Жека.

– Леш, ты слышишь, о чем она в тебе говорит? – задала мучивший меня вопрос. – И вообще, видишь, что происходит снаружи?

- Слышу. Вижу. Но издалека, будто кино.

- А сам что-то делать можешь? Ну, телом командовать... с ней напрямую общаться?

- М-м... не знаю.

– А ты попробуй. Обещаешь? И еще. Я – хочу – тебя – слышать. Понял? – потрянула его окаменевшее тело.

– Зачем дерешься? – ответила Наталья. Я сразу поняла, что это она вернулась, а Леха уплыл в глубины сознания.

- Учись, давай, с ним разговаривать! – предложила ей вежливо.

- Сама знаю! – окрысилась она. – Умные собрались... я стараюсь! Вас бы на мое место...

Я смолчала. Если честно, то перспективы хреновые у нас обеих.

Ночь на 6 августа

Ночью мы пошли штурмовать стену.

К позиции подобралась нормально – тихо и незамеченными. И влезла я тоже нормально, даже не особо поранилась, раздвигая колючку – руки были замотаны рукавами от кожанки. Но на том нормальность и кончилась.

Сразу за забором расстилалась вспаханная защитная полоса, сплошь усеянная проволокой; опоясывала институт на всем протяжении, что видел глаз в щедро разлитом свете луны. И повсюду натканы датчики – движения и инфракрасные. Нет, сама-то я, если буду одна, возможно, ее и преодолею, если придумаю верную тактику. Но вместе с голодными обессиленными спутниками – не пройдем. Да если б сытые и в силе – все равно не пройдем. И когда возвести успели, раньше этого безобразия не было! То-то вояки на территории не чешутся, передвигаются вальяжно, без спешки.

Расстроенная, спустилась и доложила. И мы потихоньку вернулись в свой коллектор. Бесславно завершился наш штурм. Расползлись по углам и молчали, чего тут скажешь...

Обнаженные, ребята вскоре замерзли. Охватив себя руками, дружно тряслись от холода. «Зато синюшным оттенком кожи приблизились к моему внешнему колориту, ха!» – озвучила шутку. В ответ получила недружелюбное вязкое молчание – не приняли моего юмора.

- Поприседайте, теплее станет! – не унималась я изгаляться.

Но они совету не вняли, сбились в кучу, еще и веревкой обвились. Согревшись, уснули, а я осталась на шухере.

6 августа

Военные, в отличие от нас, свою задачу выполнили – на рассвете заняли корпус биологов. Тихой сапой, без взрывов и видимых усилий. Я разбудила группу и сообщила неприятную новость.

Близится неутешительная развязка – скоро ребятки поймут, что в здании нас нет, и организуют проверку остальной территории. Да, собак использовать не могут, но возьмут численностью – столько народу нагнали... и обнаружат быстро, надо признать. Обидно. Нет, сама уйду запросто – но я не хочу одна. Не хочу! Так прямо им и сказала.

– Кончай соплю лить! – ответил Леха.

Вернулся! Научился пробиваться без ухода Натальи в транс!

Послала напарнику воздушный поцелуй и выжала из себя улыбку.

– Без тебя не хочу и не пойду, – заявила. Чтоб сразу знал и даже не думал... тем более не выстраивал воздушные замки.

– А с ним – не получится! – влезла Наталья.

Кажется, начинаю понимать, кто из них в данный момент говорит – прогресс!

– Проигрывать тоже надо уметь. – Хотела произнести важно, с достоинством, а вышло – будто лягушка квакнула. Пропади все пропадом! Танька в порядке – остальное пусть. В носу засвербило.

– Ба-а, никак наша железная леди плачет? – вскинулся Женька. – Слушай, у тебя ж слезы! Ты понимаешь, что это значит?

– И что? – с надрывом квакнула еще раз.

– А то! Тебя можно оживить!

Где-то я это уже слышала. Да не единожды. Одни слова, и нуль дела.

– Тем более надо сдава-аться! – всхлипнула за компанию и Наталья, которая в Лехе.

– Тогда все будет зря! – не согласился Леха. – Все – зря...

– Скажите честно – меня потом, когда и если оживят, выпустят на свободу? – обратилась я с вопросом к биологу и Ботанику.

– Честно? Вряд ли. А совсем честно – нет, – ответил биолог.

– Согласен с Евгением! – поддержал Ботаник.

– В том-то и дело! – невпопад произнес Леха. Или впопад? – В этой связи слушайте план.

Наташенька, прошу, потерпи, не высывайся, дай сказать...

План оказался простым, как пробка: мы захватим ТЭП.

– Дежавю! – загоготал Ботаник. – А-а, дежавю!

– Слышь, ты! – цыкнула я на него. – Не нравится? Предложи другое!

Он не предложил.

А Леха убедительно доказал, почему мы должны захватить ТЭП: в наших руках окажется стратегический объект и мы сможем ставить условия. И потом, он обещает недели за две восстановить программу, наладить процесс телепорта человека. Как только мы продемонстрируем реальную работу, ценность объекта возрастет в сотни раз. И тогда мы потребуем больше – вплоть до руководства объектом.

Ботаник икнул... но смолчал.

– Александра Давидовича сделаем главным хранителем, – хлопнул его по плечу Леха. – Женьку – главным биологом, ну а меня – главным конструктором.

– А меня? – обиделась я.

– Тебя? А кем захочешь, сама выберешь.

Гляжу – а он указательный палец сжал-разжал. И еще разок. И взгляд отвел.

Не дура, поняла: Наталья мне сигнализирует, что все – туфта. Знак из детства, когда я увлекалась шпионскими штучками. Кроме нас... в смысле, меня... никто не знает: про свое детство не распространялась, слишком вспоминать больно.

Сосредоточилась, собрала мысли в кучку. Что на самом деле Леха задумал? Почему ведет двойную игру – ясно: Ботанику Наталья не верит, а биолог – хоть и верный, и хороший, но слабый.

– Ну что, Александр Давидыч, согласны? – обратился Леха к Ботанику с официальным видом.

– Почему нет? – хохотнул он. – Тогда был не против, и сейчас тем более – при таких-то бонусах.

– Ваши люди смогут осуществить захват?

– Да запросто, опыт имеется. У меня человек в охране. И она, – кивок в мою сторону, – поможет.

– На нее не рассчитываем.

– Почему?

– Они с Женей пойдут в хранилище – за моей копией. Ее надо уничтожить. Мы должны единолично владеть формулой линзы, а в копии скрыта прямая на формулу информация.

– А-а... логично. Лады, обойдемся своими силами.

До полудня утрясали детали. Сложно стыковать действия двух групп, между которыми не будет связи, предусмотреть надо многое. Пришли к соглашению: назначили конкретное время встречи – седьмого в полдень, именно от него и будем плясать. То есть завтра.

Пора расставаться.

Мужички глядятся комично в одних портках. Мне еще и до смеха? Обвитый веревкой Жека смахивает на Робинзона Крузо. С веревкой его идея – сказал, пригодится, нас всего двое, мало ли... Наша пара пойдет первой, чтобы не пересечься с людьми Ботаника, которых он известит сразу после нашего ухода – лишние свидетели ни к чему. Жека сказал – переждем в одном надежном местечке, а ночью пойдем в хранилище.

Мы с Лехой отходим в сторонку – прощаться. Обнимаемся. Ботаник с биологом целомудренно отворачиваются. Вот тут Леха и шепчет мне на ухо настоящий план.

Задумка бесподобная – он решил тоже телепнуться. Чтобы стать как я, быть всегда вместе. Вот так, да... сердечко мое трепыхнулось. Седьмого в полдень он телепортируется на плацдарм номер два. А я должна обеспечить закачку в его тело копии.

Четко и ясно, как всегда у Лехи. Насчет невыполнимости и авантюристности стонать не буду, его планы, бывает, осуществляются, к моему безмерному удивлению, он же гений. Просто спрашиваю:

– Ты уверен?

– Я так хочу! – берет меня за руку, сжимает... Полутьма не мешает мне разглядеть его пляшущие губы. – Хочу больше жизни...

– А Наталья?

– Слушай, не мучь меня... иди уже, телепнутая.

Господи, бедная девочка...

Ухожу – и сердце рвется напополам.

Через казематы с подопытными крысами проникаем в здание.

Я сосредоточенна, собранна. Передо мной стоит сумасшедшая задача. Добыть копию – лишь ее малая часть. Еще надо Жеку как-то выгнать за территорию и доставить на плацдарм, до которого 150 км. И на все про все – сутки.

Проблемы начались сразу – «надежное» местечко оказалось запертым. Пошли вперед – не назад же. Ну и наткнулись на охранников...

В общем, до хранилища добрались много ранее запланированного, солнце только начало выходить из зенита. За нами следовала рота солдат. Мы едва успели забаррикадироваться в мрачном, холодном, без окон помещении, похожем на могилу.

– Новое цэу: копию вручишь мне, уничтожение отменяется! – известила его.

– Не сомневался! – усмехнулся он. И нырнул в анналы.

Ишь, не сомневался... подозревает об истинном плане, что ль?

Дверь тряслась под ударами. Как же их остановить? Десяток бойцов мои кулаки испробовали – и впятеро больше нарывались. Всех не окулачить при всем желании, ха! Только смеяться и остается, не плакать же.

Кажется, наш план летит к черту – Женьку мне не вывести. Да и самой уйти сложно... но возможно. Откроется дверь, ворвутся первые – тогда и нырять в коридор, обрушившись с потолка.

Наконец явился Евгений. В руках держал небольшую коробку.

– Такая маленькая? – удивилась я. – Давай сюда.

– погоди, запакую. Учти, срок хранения – двое суток. Копировать надо в первые два часа после телепортации – не позже! Усекла? Упаковка водонепроницаемая, смело можешь плыть даже в трубах канализации. Где люк – помнишь?

Я согласно кивала на его вопросы.

– Инструкция по закачке есть? – задала принципиально важный для меня вопрос.

– Конечно! – Он полез за пазуху и достал файл с бумагами. И потрепанную тетрадь. – А это – дневник. Подробные мои действия с тобой.

– Ага.

Других слов не нашлось. Да и чего говорить... дверь вот-вот вылетит.

Он размотал с себя веревку, протянул.

– Возьми.

– Давай. Еще нож, кусачки! – попросила вдобавок.

Он кинулся к шкафу, порылся и принес кусачки. Отлично, будет чем рвать решетки.

Упакованная, взметнулась к потолку, зацепила за крюк веревку, наладила петлю – смогу продержаться какое-то время. Словно паук.

– Спасибо, Жень! – с чувством благодарю его сверху.

– И тебе не хворать. Знаешь, я...

Договорить не успел. Дверь грохнулась навзничь, и ворвался ОМОН. Или не ОМОН, кто их разберет, главное – в бронежилетах и с пушками.

Женька бросился внутрь хранилища, уводя от меня первых, самых борзых...

Пора, мой выход. А Женек – вовсе и не слабак, зря я о нем плохо думала. Э-эй – ухнем... пошла, родимая, пошла!

7 августа

На сушу выбралась глухой ночью.

Не сразу, но довольно скоро преследователи догадались, что ушла я по трубам. И наглухо перекрыли все выходы и коллекторы. Но я и не думала выходить на поверхность. Втекла в реку сквозь слив. По канализации. Гадость, а что поделаешь...

Берега тоже поставили под контроль. Но, думается, они не до конца понимали, с кем имеют дело. Я ж как рыба, и все их заслоны-ловушки – детские для меня игрушки. Переживала лишь за груз – как бы не порвалась защита, потому двигалась аккуратно. И выбралась бог знает где, но зато в одиночестве, без солдат и соглядатаев.

По звездам определила стороны света, учла направление, откуда приплыла. Получалось, плацдарм от меня – на северо-восток, километрах в двухстах. Ужас, не успею! Испугалась было: до полудня оставалось десять часов. Но начала движение – и успокоилась: получилось держать крейсерскую скорость. Ветки и корни цепляли – но, во-первых, я их видела и уклонялась, а во-вторых, мне ж не больно.

И успела! Прибыла за час до назначенного срока – в одиннадцать. Не выходя из лесу, подрубленным деревом брякнулась в овражек и судорожно открыла бумаги – мне ж еще изучить их надо!

Энергометры должны регулярно включаться и производить залп, иначе застоятся и что-то там в них закислится. В среднем рекомендуют стрелять раз в неделю – не чаще, во избежание износа, но и не реже. В день стрельбы персонал и открывает бокс, заходит внутрь. А в другое время и в окошко-то не заглядывает. Есть надежда забрать Леху по-тихому. Проблемы начнутся после...

Как в воду глядела. «По-тихому» и вышло тихо, но небыстро: много времени ушло на поиск кода, отворяющего дверь в бокс. Силой воздействовать на персонал не хотелось, ни к чему заранее будоражить. Искала бумажку с кодом... она всегда есть, бумажка, сотрудники везде – раззявы. Нашла вверху на полочке, молодчинка!

Лешка валялся недвижно, как мертвый. В защитного цвета хэбэ-рубашке и брюках – приодели коллеги, а то ведь мог и в одних портках прибыть... Это я пыталась шутить, чтоб изгнать панику. Все нормально, нормально... Взвалила его на плечо, перенесла в медкабинет. Там и кресло под перекачку стояло, с виду совсем новое, ни разу не юзанное. Приемные площадки обязаны иметь его в комплекте – значит, на самом деле имеют, дисциплина в этом смысле военная, и особо я не переживала, но все равно – камень с души, как увидела.

Заперла дверь на швабру. Перво-наперво – реанимация. Пункт за пунктом, как в Женском дневнике. И тут в дверь поскреблись.

– Тихо! Идет операция! – оповестила нежеланного гостя.

– Доктор Цаплин у вас? – спросил женский голос.

– Сказано – не мешать! – проорала я злобно, включив интонацию уверенного в себе хирурга. Именно так, по моему мнению, ответил бы настоящий доктор. Подействовало! Меня оставили в покое.

И я приступила. Распахнула рубаху, чтоб не мешала делать массаж – и давай жать на ребра.

«Цзынь, цзыть!» – тренькало при каждом нажатии. Что такое? А-а, в кармане у Лехи железки какие-то о стальную ножку стола бьются! Расстегнула замок кармана – оттуда выпали пульт и желтая флэшка. Раз напарник с собой их взял – значит, штуки нужные, не забыть потом назад их засунуть!

Целый час проводила реанимационные процедуры – искусственное дыхание, фибриллятор, уколы. Вынуждена была разбить стеклянный шкаф, чтобы достать нужный препарат.

Наконец Леха всхрапнул – пошло дыхание! Ура! Ожил! В сознание не вернулся – так это и нормально, я тоже не возвращалась.

Теперь – в кресло! Полтора часа прошло с момента телепортации, надвигается критическая точка, в темпе, Наталья, в темпе!

В дверь опять постучали. И уже мужской голос спросил, кто я такая.

– Я врач! Непредвиденный случай, срочная операция! – ответила, вновь настроившись на ту же интонацию хирурга.

– А ну дверь открой, врач! – взревели из коридора.

– Пшел вон, коллега! – не менее хамски проорала я.

Мне нужен еще час как минимум. Сколько проводков, мамочки! Я ж читала инструкцию и сама в кресле сидела, а ну, напрягаем мозг, Наташка...

...К моменту, когда копия закачалась и я с величайшим облегчением вырубил кресло – дверь трещала под ударами. Выглянула в окно – там тоже стояли. В черной униформе – ясно, охранники, а в гражданской какой ни попадя – их добровольные гражданские помощники. Усмехнулась – тоже мне, препятствие. Однако надо спешить, скоро придут другие, опасные. Обвязала Леху веревкой, скрученной из белых халатов, их на стуле лежал целый ворох. Спустила и сразу сама спрыгнула. Раскидала народ, стараясь махать не сильно, все-таки люди ни при чем. Взвалила напарника на закорки, как есть коромысло – и дернула к лесу. Летела и пела, орала в небо – у нас получилось! Получилось! Я теперь не одна! Ура!

Бодро трусил по тайге, удаляясь все дальше от преследователей. В болота. Туда, где человек не пройдет. Там, в трясине, найду местечко и оставлю Леху одного – по моему опыту, без сознания он пролежит две недели. За это время организую ложный след, уведу преследователей куда подальше, чтобы у них не возникло ни малейшего подозрения об истинном местонахождении Лехи. На всякий случай оставлю ему дневник Жени и записку от меня. Чтобы не паниковал, если вдруг очнется один, ведь события он помнит лишь до 4 июля.

Спустя два месяца

Самой от себя дурно, стараюсь не смотреть на собственное тело. Леха же сохранился намного лучше, даже схватка с медведем его не особо изуродовала.

Я всхлипнула. И тихонько завывала. Потому что хотела к Таньке и знала – нельзя. А дочь ждет и верит. А я... И не надо меня убеждать, понимаю – лучше без матери, чем с зо... Бабой Ягой. Понимаю, да! Так надо, так надо... Но хотя бы глазочком, издали... может, ей помощь нужна!

Лешка прижал меня к груди, а я продолжала сотрясаться в конвульсиях, лить слезы. Опять эти слезы... Эх, Жека... Ну почему так? Зачем?

Без Жени надежда ожить померла.

Вызволить же его из цепких рученок военных представлялось невозможным. Да и, даже выпив, что дальше? Нужна лаборатория, материалы и прочее, прочее... Обеспечить человеку сносную жизнь и работу мы никак не могли. Не гонять же ему с нами по просторам и водам, мы на месте практически не сидели.

Не приду же я, допустим, к врачу поликлиники и не скажу: «А оживите-ка вы меня, ребята!» А если к академику? К шефу? О-о, те будут счастливы... иметь подопытного всегда под рукой и исследовать его, исследовать, копии чужих мозгов закачивать, закачивать...

Стоп. Меняю ход мыслей, хватит. Кончаю себя бередить, Леху расстраивать, отвратительное настроение – к черту!

Солнышко светит, небо голубеет, цветочки пахнут... тьфу. Не пахнут. Цветочки у нас цветут! Какое цветут, осень в расцвете сил, лучше так: ковер из опавших листьев... м-м... шуршит!

И вдруг взгляд мой, блуждающий поверх Лехино плеча, уперся в чужеродное тело. Большая черная собака стояла недвижно и глядела на нас.

Я давно уже не пугаюсь, про страх забыла. Но тут екнуло. Собаки должны лаять и зверски на нас бросаться! А не стоять и глядеть!

– Лех, обернись. Только медленно! – прошептала.

Он обернулся – и тоже завис.

– Кис-кис! – сказала я псу приветливо.

Пес двинул к нам маленькими неуверенными шажочками.

Через минуту я трепала собачью холку, чесала пузо... Обалдеть – живой, здоровый – и не лает! Ластится... Что за мистика? Случаем, не кот ли в него закачали? Здесь как раз площадка № 3 неподалеку, какая-то сотня-две километров...

– Смотри! – Леха показал мне такое... такое... Я вздрогнула.

За ухом пса был вытатуировано клеймо! Очень знакомое клеймо...

– Гаврила! – прошептала я. Голос просел.

Пес, услышав свое имя, заскулил. И лизнул меня в лицо. Меня! В лицо!

Я растерянно выпрямилась. Почему, как? Он же сбежал три года назад – и с концами. Никто его, телепортированного, не лечил, не восстанавливал, не оживлял. Он САМ! Из монстра превратился в нормального – с виду хотя бы. И вернул свою добрую изначально сущность.

– Понимаешь, что это значит? – прохрипел Леха.

Я кивнула. Чего тут понимать... Он смог – и мы сможем.

Ноги перестали держать, я осела на землю. Гаврила улегся рядом.

– В принципе, логично, – продолжал рыть Леха. – Тело со здоровыми мозгами в свободной среде приходит к единому знаменателю. До – была личность, и после – почему бы не стать прежней, основа-то не изменилась, просто нужно время. С другой стороны, теперь ты не зажат тисками тысячелетнего прошлого, вырасти может что угодно. Если поливать правильно, то...

– Леш... – прерываю его. Смотрю снизу вверх, очень стараюсь не разрыдаться. – Лешенька... Это значит – настанет время – и я! Обниму! Таньку!

Эпилог

Военный суд наивысшей формы секретности проходил на удивление буднично. Охранники ввели обвиняемого, сняли наручники и вышли, оставив наедине с тремя судьями. Бывший полковник Александр Давидович окинул взглядом неказистую обстановку помещения.

– Присаживайтесь! – пригласил убеленный сединами старец.

Кто таков этот старец? Ни фамилии, ни чина не знает. Зато двое других – известные генералы.

Потер запястья, восстанавливая кровообращение, синяки будь здоров останутся. Н-да, о синяках страдает... а что еще остается, не о расстреле же думать, который реально светит.

– Слушаем вас! – вскинулся бритоголовый.

– Бумагу и ручку можно? – попросил обвиняемый.

Поправив очки и откашлявшись, он заговорил. Начал совсем не с того, чего от него ждали, – начал с науки. В процессе чертил графики, схемы, разъясняя суть процессов. И лишь после перешел, собственно, к объяснению своих действий, квалифицированных обвинением как измена Родине.

В довершение добавил:

– В курс дела меня не посвящают, но почему-то мне кажется... нет, я уверен – их не поймали. Ведь так? – Бритоголовый согласно кивнул на его вопросительный взгляд. – Вот видите... И не поймают. Они не будут на нас работать. Но. Но если в нашу страну придет беда – они встанут на защиту, вот здесь я уверен на сто процентов. И будут биться. Представьте себе отряд, в котором такие бойцы... Представили? Вот и я представил. А возникнет необходимость – в их силах увеличить число себе подобных, раскрыв секрет линзы. Как я понимаю, формулы по-прежнему нет, не помогли доктора-академики...

Он помолчал, собираясь с духом на финальный аккорд.

– В соответствии со своим пониманием я и действовал. Оправдываться не собираюсь. Повторись ситуация – действовал бы ровно так же. Уверен – с ними можно только так. Все. Я закончил.

Вошли охранники, заковали обвиняемого в наручники и вывели в предбанник, где обвиняемые ждут приговора.

Он прислонился к стене и закрыл глаза. Его потряхивало. Непросто донести верно и убедительно свое последнее слово, выстраданное долгими ночами одиночного заключения, если знаешь – оно действительно последнее. Сказал что думал, и будь что будет.

Видением перед ним промелькнули события его последних проведенных на свободе суток...

План, предложенный Алексеем, пришелся Александру Давидовичу по душе. Вот он, шанс, протягивай руку и бери! И шанс не обманул, явился во всей своей безграничной мощи. А он, полковник, прошляпил. Опять и снова она его переиграла. Женщина, на этот раз в образе мужика. Тандем.

Свою часть плана полковник выполнил: обеспечил проникновение на ТЭП. А тандем с самого начала вел себя странно: потребовал заскочить в кабинет полковника. «За недостающими деталями и ноутбуком до кучи», – выразился туманно. Спокойно действовал, не спеша. Полсотни бойцов ожидали за дверью, а тандем в сортире расслабился! Н-да... как они там умещались, в одном-то теле...

А ведь он, прожженный и опытный полковник, поверил. Думал, Алексей и правда намерен воссоздать программу... не с нуля же мучиться, основа имеется – версия под собак. Месяц, предполагал, уйдет на написание, а обещанные автором две недели – блеф.

До последней секунды не понимал, даже в мыслях не держал, что программа уже установлена. Откуда она взялась вдруг, программа? Из его собственного ноутбука, больше неоткуда. Хоть специалисты и прочесывали девайс – но, видимо, недочесали, гребень оказался редким.

– Скоро двенадцать... Сейчас Наталья прибудет с копией, встречай! – сказал ему Алексей. – Я пока столб проверю.

И пройдоха пошел на площадку. Встал в полный рост и на него безотрывно глядит. Показалось? Мелькнула насмешка во взгляде! У Александра нехорошо засосало под ложечкой...

– Встречай в Африке, милый! – молвила она ему кротко, вытянутая в струнку. Полковнику представилась высокая тонкая девушка вместо коренастого мужика...

И тут до него дошли слова, ею сказанные.

– Стой! – прохрипел.

Хотел рвануть со всей возможной скоростью, вытолкнуть из столба... Но нет, не успеет, – осознал. Ноги ослабли, подогнулись в коленях. И он не двинулся с места.

– Обидно – два раза взлететь и ни разу не приземлиться... – сказала она грустно. – Прощай, Лешенька. Прощай и ты, Александр Давидович. Поехали, а-а!

Пшик! И облачко...

Волоча ногу за ногу и шатаясь, полковник побрел к туманному мерцанию. Пусто, естественно.

Был уверен – на этот раз она точно сбежала в Африку, потому и не дернулся организовывать встречу на остальных площадках. Это потом ему доложили – результативно сработал ТЭП на станции, что в сотне с лишком километров от города. Тело забрал монстр, раскидав местных вояк, как делать нечего.

Опять обманула. Ищи-свищи теперь их.

Вирус, конечно же, уничтожил программу на ТЭПе. Полковник прижимал к себе ноутбук и, наивный, радовался – думал, в нем-то программа осталась... Как же, выкуси!

Хороши, стервецы... к себе бы таких в команду.

... Не прошло и часа, как обвиняемого пригласили на оглашение приговора.

Александр стоял перед ними, по спине тек холодный пот. Наручники не сняли, плохой признак. И старец не встал, зачитывал приговор сидя. В голове забило набатом.

Сквозь ватный звон в ушах пробило главное:

– Признать невиновным, освободить, восстановить в звании.

Помотал головой, стремясь избавиться от застывшей пелены. С него сняли наручники – и он смог, наконец, отереть пот, сжать виски, стиснуть уши...

– Не волнуйтесь вы так. Все хорошо, что хорошо кончается! – подбодрил его старец.

А бритоголовый добавил:

– Командование посоветалось и решило предложить вам возглавить отряд «Зэт».

– Согласен! – не раздумывая, согласился полковник.

Игорь Вереснев

Уникальный чувственный опыт

Если сидишь на земле, то сквозь резные листья папоротника небо почти не видно. Ничего не видно, а толстая подстилка прелой листвы глушит звуки. Преследователи увидят и услышат не многим больше, но это слабое утешение – обоняние у орков собачье. Последняя надежда оставалась на то, что у ручья ей удалось оторваться и след они потеряли.

Айка еще раз огляделась по сторонам. Как и следовало ожидать, занятие бесполезное – вокруг только зеленый полумрак и частокол толстых стеблей. Она даже не смогла определить, с какой стороны прибежала, – умудрилась потерять направление. Оставалось пробираться далее наугад, уповая на удачу. Хуже всего – папоротники были не так уж и высоки, едва вровень с ее ростом. Если не хочешь выдать себя, идти приходится, согнувшись в три погибели. Айка сняла бесполезный колчан со стрелами – лук обронила, перебираясь по скользким валунам через ручей, – и двинулась в путь.

Очень скоро колени начали ныть, поясница затекла. Пришлось остановиться и присесть. Второй пройденный участок оказался короче первого, третий – еще короче, а лес все не начинался. В конце концов эльфийка рискнула: осторожно выпрямилась, развела громадные листья, привстала на цыпочки. До кромки леса рукой подать, если бы можно было бежать, она справилась бы с задачей за секунды. Но и на четвереньках доползти...

Папоротниковое море взорвалось. Орочки торсы вынырнули из него внезапно и молниеносно. Коричневая, задубевшая на солнцепеке и ветрах кожа, покатые лбы, оскаленные пасти, крохотные, горящие бешенством глазки. Они стояли, как вершины правильного треугольника, и центром его была маленькая эльфийка.

Первым порывом Айки было снова присесть, чтобы не видеть свиные рыла тварей перед собой. Но она понимала – теперь это глупо, ей не спрятаться. Потому выхватила из ножен мерцающий синеватым светом клинок и бросилась на молодого самца, оказавшегося у нее на пути. Она почти достала его...

Хрясс... Боевой топор вожака, неосмотрительно оставленного за спиной, вошел глубоко в поясницу, разом перерубив позвонки, и ноги Айки исчезли, словно их и не было. Она врезалась грудью в широкие листья, в стебли, в прелую подстилку, и тут же самка-орчиха прыгнула всей своей тяжестью на руку, сжимавшую меч. Кости предплечья хрустнули, перебитые твердыми, как дерево, пятками, пальцы разжались от дикой боли. Айка закусила губу, попыталась дотянуться до меча левой. Но вожак взмахнул топором второй раз, и кисть, уже коснувшаяся кончиками пальцев рукояти, отлетела в сторону. Все, бой проигран. Айка застонала от бессилия и ужаса перед неизбежным.

Вожак пнул ее в бок, перекатил на спину. Бесцеремонно сорвал перевязь с ножами, следом – холщовую куртку. Выпрямился, не отводя взгляда от жертвы.

Молчание затягивалось, и орчиха решила нарушить его.

– Мясо! – рыкнула она. – Парное. Мягко зубам, вкусно языку.

– Убери тряпку, – приказал ей вожак.

Орчиха проворно присела, вцепилась в лосины из мягкой замши, принялась их стаскивать. Делала она это нарочито грубо, распарывая кожу эльфийки когтями, но боли в нижней части тела Айка все равно не чувствовала. Тогда раздосадованная орчиха крутанула ее левую ногу, выворачивая кости из суставов. Захрустело громко и мерзко.

– Ну ты и дрянь, Рогнина, – просипела Айка, – садистка...

На миг все замерли, растерявшись. И сильнее всех удивилась сама Айка. Это что – ненависть? Интересно, нужно зафиксировать.

– Мясо, – объявил вожак, возвращая всех в действие. – Еда!

Показывая пример, наклонился, вонзил когти в живот, разорвал брюшину. Айка взвыла от боли. Все прежнее было прелюдией, настоящие муки начались только теперь. Мир вокруг съезжился, собрался в фокус. Антишоковые предохранители позволяли наслаждаться болью во всей ее полноте, но ее интересовало иное чувство. И как раз оно уже пропало. Продолжать действие смысла не было. К сожалению, прекратить его, умереть по собственному желанию Айка не могла.

– Хватит, – просипела она. – Сквелл, добивай меня!

Вожак и ухом не повел. Будто в каком-то трансе, он продолжал ковыряться в ее внутренностях. Айка попыталась крикнуть, чтобы прекратил, но кровь хлынула горлом, и получилось лишь бульканье.

– Сквелл, она же попросила! – недовольно прорычала орчиха.

Обошла жожака, схватила эльфийку за виски. Резко провернула голову. В шее хрустнуло, Айка зарылась носом в прелый лист папоротника. Успела удивиться, что ощущение тела исчезает мгновенно, но боль в нем остается. Потом на затылок обрушился тяжелый обух, проломил кость, размозжил шарик дубль-мозга, и Айка наконец умерла.

Гравилет завис над поляной, сплошь заросшей гигантскими папоротниками. Медленно снизился в юго-западном ее углу, где среди изломанных, втоптаных в землю и забрызганных кровью листьев и обглоданных костей сидело три безобразных существа – полулюди-полузвери, некогда жившие только в буйной фантазии мифотворцев. Самый крупный держал в руках отделенную от торса голову маленькой эльфийки, задумчиво разглядывал ее, словно силился что-то вспомнить.

Впрочем, Айка сейчас ничем не отличалась от тварей – вторую аву она приготовила загодя. Разве что ее лицо и руки не были измазаны кровью. Она спрыгнула с верткой платформы, подошла к друзьям, присела рядом.

– Рассказывайте, – потребовала.

– Это ты рассказывай, – парировала Рогнина, – твои впечатления самые интересные. Страшно было?

Разумеется, дубль-мозг фиксировал ощущения для дальнейшей обработки в Сети. Но перейдя в волновое состояние, они станут на много порядков умнее, напрочь утратят незамутненную первобытную непосредственность восприятия. Потому обмен впечатлениями был обязательной частью действия.

– Немного, когда вы меня загнали. И когда Сквелл топором меня рубанул. Как вспышка: «Ой-ой-ой, я пропала!» После еще был страх, но не смерти, а боли. Это не то, яркость иная. В своем аспекте я скорее разочарована.

– А я в своем нет, – растянул губастый рот в улыбке Миенн. – Ты была вкусная. Жаль, маленькая, быстро закончилась.

– Хочешь сказать, других ощущений ты не испытал? Не ври. Когда я тебя чуть мечом не ударила, ты остолбенел. Почему? Чего-то испугался? Забыл, что бессмертен? И потом ты первым делом отрубил и съел мою руку, державшую меч, словно мстил ей за страх. Проведешь подробный анализ ассоциативных связей. Теперь ты, – Айка повернулась к Рогнине. – Ты специально отрывала мою ногу. Не отрубила, не отрезала, а выкручивала из сустава, ощущая, как рвутся сухожилия, слушая треск костей. Ты наслаждалась этим, верно? Значит, мне нужна подробная карта выброса дофамина. – Айка посмотрела на Сквелла, не принимавшего участия в обсуждении: – А что скажет наш консультант?

Сквелл пожал плечами, аккуратно положил отрезанную голову на изуродованный торс.

– Я не специалист по ощущениям. Моя забота – достоверность происходящего. Согласно мифологии, эльфы были бессмертны, как и мы. Потому испугаться смерти твоя инкарнация не могла. Страх перед болью, унижением, бессилием, но не страх смерти. Все достоверно.

Айка фыркнула.

– Раньше не мог предупредить? Знаешь ли, я не разновидности смертей коллекционирую, мне важен чувственный опыт. Нда, полагаю, воссоздать весь эмоциональный спектр наших смертных предков не получится.

Эксперименты по квантовой телепортации человечество начало проводить еще на заре третьего тысячелетия. Но интеллектуальные шоры долго мешали осознать по-настоящему, что сулит эта технология. Ведь если перемещается не материя, а только ее квантовое состояние, чистая информация, то материальное воплощение приемника никак не зависит от источника, лишь бы сложность структуры его была достаточна, чтобы не потерять ни кубита. Например, человеческое сознание можно телепортировать в волны гравимагнитного поля Земли. В конце второго тысячелетия фантасты грезил о разумных планетах. В середине пятого – саму Землю окутывала и пронизывала разумная Сеть, оболочка, состоящая из триллиона человеческих сознаний, слитых в одно целое и вместе с тем вполне индивидуальных. Вездесущих, всемогущих, практически бессмертных.

И все же люди желали оставаться людьми. Хотели получать то, что волновая обыденность не могла им предоставить, – ощущения. Не наведенные информационными потоками Сети, а собственные, первобытные, доставляемые одним из пяти базовых чувств. Ради этого они на время ограничивали память и интеллект, обрезали информационную пуповину и уходили назад в тело. Потому геноконструкторы разрабатывали модели для воплощения, потому в кувезах инкубаториев вырастали авы – биологические оболочки в форме людей, животных, а то и существ, обитавших лишь в мифах прошедших эпох или фантазиях сочинителей. Вживленный в органику синтетический мозг-дубль служил приемником для телепортации, решая проблемы совместимости. И он же обеспечивал обратный телепорт в случае преждевременной гибели авы. Кому-то достаточно было выбраться в тело раз в столетие, кто-то проделывал это едва ли не ежегодно, жаждая достоверных ощущений, включаясь в новые перформансы. И миллионы перформеров готовили для них развлечения. Самым лучшим развлечением, конечно же, была смерть. Своя и чужая.

Сквелл застал Айку врасплох:

– Мне нужна телесная встреча с тобой. Индивидуальный контакт.

– О... ты приглашаешь меня на свидание? Где встречаемся? Когда? Формат?

– Телатор Си-бемоль перламутровый-тринадцатый, «гавайи-стандарт» вполне подойдет. Время назначь сама.

– И правда, интимное свидание! Ты меня заинтриговал. Сто лет не ходила на свидания. Хорошо, я заказываю аву.

Производство «стандартов» было поставлено на поток, потому уже через час Айка вышла из телатора. Теперь она была в облике молоденькой, загоревшей до шоколадного цвета блондинки. Сквелл поджидал ее в транспорт-ангаре: кубоподобный качок в закрытом синем комбинезоне из эластика, грудь крест-накрест перетягивает жесткая упряжь, на спине приторочен рюкзак. Айка невольно смутилась собственной наготы.

– Ты не сказал, что нужна одежда...

– Тебе – не нужна. Поехали!

Прозрачный пузырь гравилета пронзил водную толщу, вначале темную, почти черную, затем синюю, аквамариновую, зеленоватую. Прорвал пленку поверхности, взлетел в воздух в гейзере брызг, помчал над медленными волнами к растущему навстречу островку с золотым пляжем, зеленой пальмовой рощей и куполообразной горой посередине.

Айка ожидала, что они высадятся на краю пляжа, там, где волны длинными ласковыми языками лижут белоснежный песок. Но гравилет донес их до подножия холма и лишь там сбросил скорость, распался лепестками, превратился в плоскую платформу, снизился.

– И что делаем дальше? – Айка первая прыгнула в тень пальм. Голяком под полуденным солнцем было жарковато.

Сквелл последовал за ней. Заговорил, когда гравилет вновь поднялся над пальмовыми веерами и, набирая скорость, унесся к горизонту:

– В прошлую нашу встречу ты рассуждала о страхе смерти. Ты правда хочешь его испытать? Испугаться по-настоящему?

– Разумеется. Ты же знаешь, перформансы смерти – моя специализация. Но испугаться по-настоящему невозможно, бессмертие – фундаментальный постулат нашего бытия. Животные инстинкты позволяют забыть о нем на мгновение, но...

– Мы бессмертны в пределах гравимагнитного поля Земли, – внезапно перебил ее Сквелл.

– Что ты этим хочешь сказать? – удивилась Айка. – Сеть-2? Но она же...

Фраза спутника звучала тавтологией. Именно запутанность дубль-мозга с гравимагнитным полем планеты обеспечивала бессмертие и неуязвимость: как только телесное существование человека прекращалось – по той или иной причине, – возобновлялось существование волновое. Но платой за бесконечность во времени становилось ограничение в пространстве. Квантовая составляющая телепортации происходила мгновенно, но релятивистскую ограничивала скорость света. Пока люди заселяли одну планету, этот временной разрыв был незаметен. Однако на космических расстояниях все менялось. Когда к середине четвертого тысячелетия население Сети приблизилось к двумстам миллиардам, человечество попыталось расселиться по Галактике – интересных планет обнаружено было немало, а изготовить подходящие тела труда не составляло. Идеологи экспансии не учли ограничения психологические. Принять, что необходимый для декогеренции сознания информационный пакет сотни лет будет нестись сквозь межзвездную пустоту, а ты на все это время станешь «котом Шредингера», – задача для человека непреодолимая. Люди оказались не готовы к галактической экспансии. Тысяча лет – недостаточный возраст, чтобы осознать себя бессмертными, перестать дорожить временем. Сеть-2 осталась не заселена, если не считать немногочисленных добровольцев, строивших ее.

Сквелл это знал прекрасно. Тем не менее он смотрел на Айку насмешливо.

– Нет, Сеть-2 находится слишком далеко для экскурсии. А что ты скажешь о Сети-3? Ладно, не морщи лоб, эта информация не входит в базовый комплект, потому в твоей голове ее нет. Второй корабль-семя вернули с полпути, когда стало ясно, что проект «Прайд-секунда» потерпел фиаско и галактическое расселение откладывается на неопределенное время. Но то ли космический полет, то ли сам корабль повлиял на сознание экипажа. В итоге на Землю вернулся только командир экспедиции, остальные предпочли отправиться на Сеть-2 – в виде информационных пакетов, разумеется. После этого «Прайд-терцию» законсервировали и оставили на внешней границе пояса Койпера. Корабль и сейчас там. Пошли, посмотрим, что на нем творится?

Сквелл, неожиданно схватив ее за руку, потянул к каменному холму. Айка хотела спросить, что он затеял. Не успела. Потому что никакой это был не холм! Каменный купол посреди острова имел явно искусственное происхождение. И полноте, каменный ли? Гладкая, словно полированная поверхность его вдруг лопнула, открывая проход. Сквелл, не останавливаясь, втянул спутницу внутрь. А через минуту Айка догадалась, что это такое. Станция космической связи и телепортации! Информация об их существовании входила в базовый комплект. О местонахождении – нет. Тем более она не подозревала, что хотя бы одна такая станция функционирует и поныне.

После жаркого тропического полдня внутри купола было зябко и сумрачно. Теперь Айка по-настоящему пожалела, что не озаботилась хоть какой-то одеждой. Обхватила себя руками, стараясь унять озноб, поспешила за уверенно выбирающим направление Сквеллом. Коридор, дверь, поворот, еще дверь, еще поворот. Она возмутилась, увидев в очередном помещении, куда они вошли, знакомые емкости кувезов:

– И для чего этот цирк с гравилетами и свиданием? Проще было добираться сюда в волне. Главное – информативнее!

– Никак невозможно. – Сквелл вновь насмешливо посмотрел на нее. Подошел к примитивному старинному пульту, активировал его, заставив вспыхнуть посреди зала голографический управляющий кокон. – По соображениям безопасности станция полностью изолирована от Сети. Войти в нее – и, главное, выйти! – возможно исключительно в теле. Мы привыкли, что контролируем абсолютно все на Земле. Но там, за пределами планеты, – неизвестность, из которой может явиться самая непредсказуемая информация. Так как, ты готова заглянуть за край? Ощутить по-настоящему смертельную опасность: нанести визит «Прайд-терции»? Это недалеко и недолго.

– Каким образом?! – вскинула брови Айка. – Ты сказал, что даже это место изолировано от Сети, а...

– Телепортация с передачей декогерирующей информации фотонным лучом. Автоматика корабля-семени примет луч, декогерирует твоё сознание в дежурную аву, и ты сможешь вернуться обратно тем же способом. Нынешняя ава будет ждать тебя на станции. Они специально для этого здесь поставлены, – Сквелл кивнул на кувезы.

Айка наконец осознала, что ей предлагают. «Прогуляться» сквозь космос, сквозь ничто, на заброшенный тысячу лет назад корабль. Да полноте, автоматика давно вышла из строя, связи с кораблем скорее всего не существует, а то и самого корабля... Нет, неправда. Раз квантовый канал открыт, значит, приемник на корабле работает. Но из этого отнюдь не следует, что все прочее там тоже работоспособно! Например, телатор. В какого монстра этот музейный экспонат впихнет её сознание? А главное, жизнеспособным ли тот окажется? Если нет, если она умрет на корабле, в миллиардах километров от Земли, как она попадет в Сеть?!

Из холода Айку бросило в жар. Она вытерла выступившую на лбу испарину, шумно выдохнула. Таких сильных ощущений она не испытывала ни разу за свою почти четырехсотлетнюю жизнь. И это от одной мысли о реальной опасности! А что же будет на самой «Прайд-терции»?!

– Мог бы предупредить, – упрекнула она. – Ты хочешь, чтобы я приняла решение на одних эмоциях, без достаточной информации, без...

– Ты бы отказалась. Сеть контролирует наши поступки, пока мы в волне, подсказывает безопасные решения. Но в теле мы предоставлены сами себе, мы по-настоящему свободны. Сети нет дела, где мы находимся и чем занимаемся. Ведь как только тело умрет, мы вернемся в нее со всей собранной за время отсутствия информацией.

– Хочешь сказать, если я сейчас покину Землю, Сеть об этом не узнает? Вообще никто не узнает?

– Я знаю. Тебе мало? Или ты не готова рискнуть ради достоверности?

Айка облизнула пересохшие губы, покосилась на заполненные биораствором кувезы. Под взглядом Сквелла она ощущала себя не только голой, а выпотрошенной и освеженной. Однако это единственный шанс. Тысяча испробованных смертей не стоят одной, к которой она готова сейчас прикоснуться. Готова ли? «Риск наверняка минимален», – постаралась убедить себя Айка. Иначе Сквелл не стал бы предлагать ей такого. Будь она в волне, вмиг рассчитала бы вероятность неблагоприятного исхода. Но она не в волне. Ей предлагают сделать выбор, как первобытному человеку. Но у тех была хотя бы некая «интуиция», если верить историкам.

Айка посмотрела на спутника, пытаясь пробудить в себе проблеск давно атрофированной способности. Тщетно. А улыбка Сквелла становилась все насмешливей. Да он подтрунивает над ней, вдруг сообразила девушка. Сколько перформансов они подготовили вместе? Двадцать? Тридцать? Больше? И все это время Сквелл искал способ высмеять Айкины поиски достоверных ощущений. Нашел. Наверняка он фиксирует происходящее на внешнюю камеру. Он все предусмотрел: даже без одежды оставил ее не случайно. И гравилет отослал не случайно. Он собирается выставить ее на посмешище перед всей Сетью. Айка вспомнила, как дрожала от холода, попав в купол. Скажут – от страха! Искательница смертельного ужаса испугалась одной мысли о смерти – в самом деле, смешно. Но этот эксперт по достоверности ошибся, выбирая объект для насмешек!

– Нет, я готова! – выпалила она. – Что мне нужно делать?

Усмешка сошла с лица Сквелла. Но отступать он пока не собирался.

– Ложись в ванну и закрой глаза.

Обычно Айка выходила из телатора медленно, осваиваясь в очередном теле, смакуя ощущения. В этот раз она вскочила, едва включилось сознание. Сквелл стоял в двух шагах от ванны, все такой же кубоподобный, в синем лоснящемся комбинезоне. И она по-прежнему была в облике «гавайской беби».

– Что, телепорт не сработал? – язвительно поинтересовалась Айка.

– Почему ты так решила? – мужчина пожал плечами. – Все прошло штатно. Но не могу я отправить тебя одну в опасное путешествие? Добро пожаловать на «Прайд-терцию»!

И Айка увидела. Нет, это была не та комната, где она закрыла глаза мгновение назад. Низкий потолок из рифленого серого металла, шкафы с такими же серыми дверцами у стен, полоса бестеневых светильников по периметру потолка. Даже конструкция куветов была иная!

Ноги подкосились от слабости, и она вынуждена была опять сесть в ванну, в теплую, чуть маслянистую жидкость. Горло вмиг пересохло. Ощущения? Куда там анализировать – они утопили ее!

– Назад... назад... – только и сумела прохрипеть.

– Так быстро? – Сквелл приподнял бровь, и губы его опять дрогнули в ухмылке. – Такое нетривиальное путешествие, и сразу обратно? Ты не хочешь посмотреть, где оказалась? Что ж, как пожелаешь.

Впрочем, он не спешил развернуть управляющий кокон, или что там вместо него есть на этой рухляди. Давал спутнице время свыкнуться с реальностью происходящего. Айке понадобилось пять минут, чтобы немного успокоиться и начать думать. Судя по всему, непосредственная опасность ей не угрожает, автоматика старинного корабля работает без сбоев. Она сжала и разжала кулаки, согнула ногу в колене, пошевелила пальцами. Ава была здорова и послушна.

– Может, объяснишь этот маскарад? – спросила она наконец.

Сквелл пожал плечами.

– Я знал, какие тела нас здесь ждут, поэтому постарался, чтобы мы освоились в них заранее.

– Знал?! Так ты здесь бывал прежде?

– Разумеется. Я ведь тебе сказал, что командир «Прайд-терции» вернулся на Землю. Если бы ты больше интересовалась историей, то знала бы, что его имя – Сквелл Оддин. Пошли, тебе понравится мой корабль!

Он протянул руку, приглашая выбираться из ванны. Поколебавшись, Айка приняла приглашение.

В ближайшем шкафу ее поджидали комбинезоны разных размеров, фасонов, расцветок. Айка выбрала алый с зелеными вставками на груди и бедрах. Пока она одевалась, Сквелл не отводил от нее взгляда. И взгляд его был странным.

- Что-то не так? – не удержалась девушка.
- Наоборот. Мне нравится твой выбор.

Сквозь межзвездное пространство корабль шел на субсветовой скорости, его экипаж все путешествие должен был провести в волновом состоянии. Каюты предназначались уже для орбитального полета, потому остались необжитыми. Айке хватило часа, чтобы обследовать эту секцию корабля. Все прочее его пространство составляли бесконечные трюмы, забитые оборудованием, необходимым для колонизации. Перформеру там делать было нечего. От прежнего страха уцелели разве что воспоминания, и Айке становилось скучно. Но Сквелл не собирался отпускать ее так легко.

- погоди, ты не видела самое интересное!
- Что интересного в этом допотопном гробу?
- Именно в гробу. В Сети этой информации нет, но время от времени возвращаясь на корабль, я обнаруживаю, что сюда наведывались любопытные. И далеко не все они возвращаются на Землю. Никто не знает, куда исчезают невернувшиеся. Может быть, они решились отправиться на Сеть-2? Или этот корабль населяют призраки?

– Что за чушь, какие еще призраки? – возмутилась Айка. – Никаких призраков не существует!

– Не все так однозначно. Объяснить не получится, нужно увидеть самой. И почувствовать. Ты ведь хочешь почувствовать?

Сквелл смотрел на нее, прищурившись. Да, это был тот самый эксперт по достоверности, знакомый ей много лет. И вместе с тем – кто-то еще. И этот кто-то знал куда больше о «Прайд-терции», чем вся Сеть, вместе взятая. Айку вновь пробрал озноб. О призраках – это он так шутит? Проверяет ее? Насмехается? Если бы предупредил об экспедиции заранее, она бы выудила всю подноготную этого корабля и проекта «Сеть-3». Она бы скопировала в дубли-мозг всю необходимую информацию!

Айка понимала, что самым правильным сейчас будет закончить приключение и вернуться на Землю. Но другая часть ее сознания хотела продолжения. Страх смерти, который она пережила, попав сюда, действовал как наркотик. Еще одну дозу, пусть самую крохотную, но она должна получить, прежде чем вернется в безопасное лоно Сети.

Она кивнула.

– Ладно, пошли, посмотрим на твоих призраков. Но предупреждаю: если ты надеешься уговорить меня отправиться на Сеть-2 – не получится! Хватит с меня и твоей «Терции»!

– Хорошо.

Путешествовать по громадному кораблю-семени в теле – то еще удовольствие! Они шли бесконечными коридорами, спускались в кабинах лифтов, таких просторных, что уместили бы и небольшой телатор, снова шли, снова спускались. Ясное дело, здесь не было никаких призраков. Только серый рифленый металл, пустота и слой пыли на полу.

А затем Айка увидела в пыли отпечатки ног. Кто-то прошел им навстречу недавно. Скорее, пробежал. Не Сквелл – след был явно меньше стопы его громадного тела. Но на размер больше, чем у Айки. Впрочем, пыль на корабле собирается очень медленно, так что от «недавно» до сегодняшнего дня наверняка прошли годы.

– След, – тихо произнесла она.

Сквелл остановился. Присел на корточки, провел пальцем по контуру следа. Ковырнул темное пятнышко рядом.

– Да, – согласился. – Должно быть, Джефа.

– Что за Джефа?

– Призрак, – улыбнулся Сквелл. – Я показал ей корабль восемь лет назад.

Он поднялся и кивнул на узкий боковой коридор, откуда и вел след:

– Мы почти пришли.

Коридор заканчивался тупиком. Однако стоило Сквеллу приложить ладонь к торцевой стене, как в ней образовалась дверь, скользнула в паз, освобождая проход. Мужчина посторонился, пропуская спутницу внутрь, и Айка увидела.

Это было длинное и узкое помещение. Пустое, если не считать щитов из черного пластика, украшающих правую стену. Каждый щит по нижнему краю обрамляла золотая надпись, выполненная старинным каллиграфическим шрифтом. Выше надписи закреплена была голова. Человеческая.

Айка рот раскрыла от изумления.

– Они... что, настоящие?!

– Настоящие. Обработанная консервантом плоть. Жилище призраков. Я же говорил – не все так просто.

Он обогнал спутницу и пошел вдоль стены-мемориала. Айка, как замороженная, поплелась следом, не в силах оторвать взгляд от зрелища. Имена на щитах ей ничего не говорили, лица мертвецов – и подавно. Ближние к входу головы были изрядно припорошены пылью, волосы утратили природный блеск, кожа, хоть и тщательно забальзамированная, начала усыхать. Но чем дальше, тем головы становились свежее. Видимо, коллекцию собирали не одно столетие.

– Ты думаешь, этих людей убили?

– А что подсказывают твои ощущения? – вопросом на вопрос ответил Сквелл.

В голосе его звучала привычная насмешка, но Айка пропустила ее между ушей. Если голову человека отделяют от тела, то оно неминуемо умирает. И сознание тут же телепортируется в волну. Но то на Земле, внутри ее гравимагнитного поля, внутри Сети. А куда девается сознание умершего здесь? Айка знала ответ, но боялась произнести его даже мысленно.

На предпоследнем щите значилось: «Джефа Деммонд». Молодая женщина с густыми каштановыми прядями смотрела на Айку растерянно, словно не могла поверить в то, что с ней стряслось. И Айка не могла поверить.

– Так эти люди... экипаж корабля и прочие... они улетели на Сеть-2 или?..

– Я думаю, Сети-2 давно уже не существует, – пожал плечами Сквелл. – Но кто решится проверить? Ко мне на корабль и то редко заглядывают.

На последнем щите головы не было. «Айка Амри-Сати» – сообщали золотые, не успевшие потускнеть буквы. Ноги девушки вновь сделались ватными, как там, в ванной кувеза. А Сквелл меж тем прошел дальше. Снял со стены инкрустированный деревом и костью, несомненно старинный, арбалет. Покачал в руках, примериваясь к тяжести, повернулся, приложил к плечу, прицелился. Айка попяtilась. Страх не было. Опасность оказалась слишком велика, чтобы ее осознать, мозг впал в ступор.

– Ты не можешь меня...

«Бзинь!» Тетива звонко пропела, и правую руку обожгло болью. Айка взвизгнула, схватилась ладонью за горячее и липкое. Болт пробил руку выше локтя, по пути сломав кость и, кажется, порвав артерию.

Но боль выдернула сознание из летаргии. Нет, это не сон, не иллюзия! Она и правда может умереть насовсем! И единственный шанс спастись – добраться до узла дальней связи. Первой!

Айка развернулась и бросилась к спасительной двери, на счастье, не закрытой охотником. «Бзинь!» Тетива опять пропела, когда она была у выхода. Болт звякнул о переборку, сри-

кошетил, больно ударил в плечо, разорвал комбинезон и кожу. Но эта боль показалась незначительной.

В коридоре Айка свернула в первый же проход, еще раз, еще. Выскочила на площадку узкой служебной лестницы, покарабкалась вверх. Она не задумывалась, куда бежит. Главное, спастись, оторваться от погони, спрятаться от злых кусков металла, целящих в спину. Остановилась, когда ноги подкосились, отказываясь повиноваться. Рухнула на пол. Перед глазами плавали кровавые пятна, гул в ушах заглушал внешние звуки.

Долго лежать она себе не позволила: следовало спешить, если хочет успеть. Она встала и вновь пошла – сил бежать не было. Затем Айка поняла, что не знает, куда идет. Она давно потеряла направление, не понимала, на каком ярусе находится. И вряд ли стоило рассчитывать найти здесь схему корабля и коммуникатор бортового компьютера. Трюмные палубы корабля-семени рассчитаны, чтобы работать в теле механорга, а не шляться в человеческом.

От усталости и потери крови Айку пошатывало, голова начала кружиться. На миг пришел страх, что она заблудится здесь навсегда. Но стоило оглянуться, чтобы понять – такая опасность ей не грозит. Цепочка следов, украшенных жирными каплями крови, четко отпечаталась в вековой пыли. Вот так же и Джефа убегала когда-то. И остальные.

Потом Айка услышала голоса. «Куда ты идешь? Оставайся, стань одной из нас. Смерть – это не страшно».

– Ну уж нет! – отмахнулась она от голосов. – Не собираюсь я умирать. Я бессмертная! Я вернусь на Землю, в Сеть, в волну!

«На Земле бессмертие – это иллюзия. О настоящем бессмертии там забыли тысячи лет назад. Оно есть только у нас, здесь».

– Чушь! Здесь смерть, а не бессмертие!

«Это одно и то же. Чтобы стать бессмертным, нужно умереть».

Потом Айка нашла лифт, поднялась на самую верхнюю палубу. Кровь еще сочилась из раны, но уже не так обильно. Правда, идти получалось, лишь цепляясь за стены. Дважды Айка падала.

У входа в жилую секцию ее ждала Джефа Деммонд.

– Зачем тебе возвращаться в Сеть? Оставайся! Видишь, я осталась.

– Тебя нет, ты призрак, – возразила Айка. – Твою голову отрезали и приклеили к стене. А тело растворили в телаторе.

– Подумаешь, тело! Разве мало твоих собственных тел утилизировали? Зато душа – бессмертна.

– Нет никакой души, только сознание. Посторонись, дай пройти!

Айка тряхнула головой, стараясь прогнать наваждение, и от этого резкого движения опять съехала на пол. Фигура перед ней не растаяла, но, ясное дело, это была не Джефа. Дверь в секцию загораживал Сквелл. Арбалета при нем не было, зато на поясе висел внушительных размеров тесак.

На миг Айку пронзил ужас, она попыталась привстать. Но сил бояться чего бы то ни было – даже смерти! – не осталось, и она безвольно привалилась к переборке.

Сквелл неторопливо подошел к ней, наклонился. Большая сильная рука его приподняла Айкин подбородок.

– И как ощущения, достоверные? Ты довольна?

Она не ответила. Тогда Сквелл сломал ей шею. Хруст позвонков – последнее, что Айка услышала.

Она проснулась в волне мгновенно и не удивилась этому – так и должно быть. Зато воспоминаний о закончившемся телесном существовании оказалось столько, что ушло изрядно времени на их анализ и упорядочивание. И только после этого Айка изучила свое окружение.

И поняла – она не в Сети. Ее сознание занимало блок памяти бортового компьютера «Прайд-терции». Что ж, это логично. Не понравилось Айке другое открытие – блок был изолирован от систем корабля. Такая себе цифровая тюрьма.

Она пыталась найти лазейку, когда внешний информационный канал открылся сам собой. Сквелл возлежал в кресле-ложементе командной рубки. Перед ним на большом блюде покоилась аккуратно отделенная от тела голова молодой смуглокожей женщины. На лице ее застыла маска безмерной усталости.

– И как ощущения, достоверные? – повторил он вопрос. – Ты довольна?

Айка хмыкнула.

– Да уж, достоверные. Ты лучший эксперт, какого я знаю. Правду сказать, я поверила, что ты меня убиваешь по-настоящему. Совсем упустила из виду, что на корабле находится зародыш Сети-3, с которой и завязан дубль-мозг авы. Что ж, я твоя должница на веки вечные. Что ты хочешь взамен?

Сквелл улыбнулся довольно, кивнул. Положил руку на голову женщины, погладил короткие светлые волосы.

– Если не возражаешь, я тебя убью.

Айка засмеялась.

– Ты меня уже убил. Вон, моя голова на блюде. Повесишь на стену, рядом с этой Джефой Деммонд? Кстати, как вернемся в Сеть, нужно будет ее найти, расспросить. Надеюсь, она не забыла свои ощущения.

– Увы, Джефы в Сети нет. Она превратилась в призрак «Прайд-терции», как многие до нее. Но тебя это не должно волновать. Ты не поняла? В качестве платы я тебя убью.

Айка внезапно осознала, что он не подтрунивает, не испытывает ее. Что именно так он и собирается поступить. Но она не поверила.

– Нет, ты не можешь этого сделать! Как ты объяснишь мое отсутствие в Сети?

– Почему не могу? Обнулить блок памяти – тривиальная операция. И нет нужды тащить в Сеть информацию, что в этом блоке хранилось. Она подождет здесь до моего следующего возвращения. На Земле я буду недоумевать о твоём исчезновении, как и все остальные. В древние времена существовала специальная профессия для того, чтобы раскрывать убийства. Она давным-давно забыта – в мире бессмертных убийства невозможны, верно? Так что о твоей судьбе никто не узнает.

Его слова были полны беспощадной логики, Айка не могла этого не признать.

– Но зачем тебе это надо?!

– Ты до сих пор не поняла? Я тоже хотел получить уникальный чувственный опыт – как и ты. Я летел за ним к звездам! Но нашел значительно ближе. Я сумел стать настоящим серийным убийцей, не хуже древних. Да что там, я превзошел их всех. Я – единственный убийца в мире бессмертных!

Он засмеялся, выудил из воздуха светящийся пульт и коротко взмахнул рукой. На виртуальном экране перед ним замигала, отсчитывая проценты, полоска индикатора заполнения памяти. 100, 50, 20, 10 ...

– Прощай, дорогая, твои перформансы были прекрасны. Хотя нет, честно говоря, они были дрянными, так что искусство ничего не потеряет, лишившись тебя.

В волновом состоянии человеку недоступны телесные ощущения. Но тем не менее Айка почувствовала, как стены тюрьмы сжимаются. И за мгновение перед тем, как они схлопнулись окончательно, стирая сознание, стирая ее личность, Айка вдруг увидела за спиной Сквелла эфемерный силуэт.

Затем фигура призрака сделалась четкой и яркой. Джефа Деммонд улыбнулась, протянула руки. Айка улыбнулась в ответ. Потому что с ней равным счетом ничего не случилось. Просто командная рубка, кресло, развалившийся в нем человек в синем комбинезоне и вме-

сте с ним все бессмертное человечество перестали существовать. Смерть и бессмертие – одно и то же.

Юлиана Лебединская Тень и Элиза

– Она спит?
– Не беспокойся, лекарство крепкое.
Хотелось обнять сестру, но тени не умеют обниматься.
– Тебе она никогда не нравилась, верно?
– Почему же, вначале...

...Вначале.

Вначале был призыв. Мауи-9 подверглась нападению. Об этом сообщили по всем рекомендованным каналам. Каждый день начинался и заканчивался посланием на чип: «Особо рекомендовано! Свежая новость. Усвойте без замедления!»

И он усваивал.

И миллионы других усваивали.

«Маленькой слаборазвитой планете, что не так давно стала частью Союза Шести, грозит опасность. Справка: Мауи-9 находится в двух световых годах от Новой Земли, к Союзу Шести присоединилась 38 лет назад...»

«Космолет Федерации зафиксирован на орбите Мауи-9».

«Федералы так и не простили Мауи-9 их выбора. Союз Шести выступает на защиту своей планеты...»

«Нас опередили. Боевики Федерации высадились в главном космопорту Мауи-9. Космопорт уничтожен. Это был красивейший космопорт во всем Союзе Шести планет, построен в честь присоединения к нему Мауи-9. Старый космопорт все еще наш».

«Федералы рассеялись по планете и бесчинствуют – регулярно обстреливают города планеты, грабят магазины, убивают женщин. Жители Мауи-9 создают отряды сопротивления, однако их сил и военного вооружения не хватает, чтобы дать достойный отпор».

И огонь. Голограммка перед глазами. Пламя, везде пламя! Изувеченные тела «девярых» – так похожих на людей, только со странным золотистым оттенком кожи. Крики, разрушенные стены зданий, разбитое ти-ви на асфальте перед двухэтажным домом с выбитыми стеклами.

Сволочи!

Эдик напился. А почему, черт возьми, и нет? Друзья закатили прощальную вечеринку – ему и товарищам, которые тоже вошли в состав седьмого космодесанта боевого корабля «Глаз стрекозы». С девочками вечеринка, как положено. У многих уже от одежды одни каблуки остались, хотя нет, это не каблук, это генмодификация ноги. К черту!

Он ткнулся носом в пышные женские груди, и тут же в ушах пикнуло, перед глазами вспыхнула голограмма.

Огонь!

«Особо рекомендовано! Усвойте немедленно! Свежайшая информация! Усвойте! Усвойте! Усвойте!»

Пятилетнюю девочку разорвало на части, по асфальту размазало золотистые внутренности. Над изувеченным телом рыдает мать со спутанными седыми волосами. Мрази-федералы, не видят, куда палят. Им, сволочам, все равно, что противник с допотопным автоматом, что мирный житель.

Ничего, ничего! Мы идем, встречайте нас!

К нему подошла Элиза, поднесла отрезвляющую смесь. Во девка, а! Он в чужие сиськи мордой тычется, а она его лекарствами поит. Друзья говорят: повезло! Мол, такую сговорчивую бабу попробуй найди. Вроде оно и так, но Эдика никогда не привлекала серая покорность.

Вот Наташка, снайпер их, другое дело. Эдик поискал глазами высокую ладную фигуру с красноватым водопадом волос, завязанных в хвост. Огонь-девка. Хорошо, что с ними летит.

И Сашка – тоже. Кореш его. Сколько любовных подвигов на пару совершили, пришла пора подвигов новых.

Повоюем. Зададим жару. Век нас помнить будут.

Он взял стакан из рук Элизы. В ее глазах читалась любовь и беспокойство. За него. За всех них.

– Она словно сошла со страниц романов. Только вначале я считала ее Мелани Гамильтон. Все обычно любят Скарлетт, а я всегда восхищалась Мелани, правда, думала, что в жизни таких людей не бывает. Первое впечатление от Элизы: надо же, она существует!

– Вечно ты со своими древними книгами... – тень театрально вскинул руку, ладонь прошла сквозь сестру.

Ника усмехнулась и продолжила:

– Но потом я поняла, что она – не Мелани. Она – Мизери Стивена Кинга.

– Ты сообразила это гораздо раньше меня.

– А потом... – Ника вздохнула, прикрыла ладонью рот.

– Потом я умер.

Но умер он раньше.

В старом космопорту Мауи-9 их встретили. Свои. Военные с Новой Земли, с Лазурной Гавани, с Первого Причала, даже одно существо с Фиолетового Рассвета выползло. Но ни единого «девятого».

«Усвойте! Жители пострадавшей планеты приветствуют своих спасителей!» – улыбающиеся лица, слезы радости на глазах, золотистый ребенок на руках у новоземского воина с улыбкой а-ля «реклама зубного импланта».

Эдик моргнул, отгоняя усвоенное. Посмотрел на реальность.

Дорога на военную базу была безлюдна, золотистые человечки разбежались, едва завидев их аэромобили – черные плоские ромбы в небе. Аборигены поспешно запирали двери, захлопывали окна убогих домишек – одно-, двух-, реже трехэтажных. И так – весь путь. Некоторые дома были полуразрушены, некоторые – лишь с выбитыми стеклами, иногда встречались и сгоревшие дотла. Но больше все же целых, хоть и убогих, низеньких – высоток здесь, похоже, совсем не водилось. И везде одинаково перепуганные «золотистые», спешащие убраться подальше от бронированных аэромобилей. Да и сами аэромобили, как и редкие серебристые аэробусы – подарки Союза Шести, – странно смотрелись на улицах аутентичных городков.

– Чего это они? – Эдик кивнул на стайку детишек, что испуганно сжались в кучку при их появлении.

– Союзников боятся, – пожала плечами Наташа.

– Здесь чипы не работают, вот запахло! – вставил Сашка. – А нас и не предупредили. Как же теперь информацию выбирать без рекомендации?

– Отставить разговоры, – рявкнул капитан Радоев. – Здесь у вас будет только один выбор: стрелять или подыхать.

– «Девятые» так и не согласились на установку на планете Системы Рекомендации Информации, хотя это и входило в условие присоединения к Союзу Шести, – красивым грудным голосом сообщила Наташа.

Она была единственная, кто мог безнаказанно говорить после команды «Отставить разговоры». Эдику, как и прочим, подобного не позволялось, даже несмотря на близкое знакомство капитана с его матерью, Селеной Лапиной.

– Я это перед отлетом усвоила, – продолжила Наташа. – Им федералы мозги хорошо промыли. Страшилок про СРИ нарасказывали. Они и испугались.

Эдик моргнул. Из заявлений Наташи не было понятно – чего же все-таки боятся «золотистые»? Федералов или их рассказов о СРИ? Но уточнять не решился.

Он умер в первый же месяц на Мауи-9. Если душа мертва, кому нужна физическая оболочка, верно? Он стрелял, в него стреляли, он расставлял мины и минные растяжки – был лучший в этом деле, нюхом чуял, куда именно ступит неприятель. Интуит. Вот где дар, обнаруженный еще в детстве, раскрылся. Сколько он пытался найти ему применение – все тщетно было. Странные ощущения, смутные предчувствия не выливались ни во что осознанное и оставались лишь невнятными образами. Здесь же – четкое понимание: мину надо ставить именно в этой точке, ни сантиметром дальше, ни миллиметром ближе.

Потом случались короткие передышки – и снова бои. Вроде все просто и понятно: вот враг, вот цель, но одна вещь, над которой поначалу не задумывался, не давала покоя...

– Наташа, послушай, – он прижался к женщине под жестким одеялом, – я одного не могу понять. Спросил Радоева, он матом выругался, трибуналом пригрозил. А я ведь только хотел... Среди федералов же нет золотокожих. Жители Мауи-9 – единственные, кого мы знаем с таким оттенком кожи.

– И что?

– Но с нами воюют они! «Девятые». Золотокожие. Других здесь нет! Только мы и они. Друг против друга. Где же отряды сопротивления, которые на нашей стороне? И где бойцы Федерации?

Снайпер взглянула на него, словно на неразумное существо с Фиолетового Рассвета.

– Маскируются, конечно.

И повернулась на другой бок.

А он открыл почту – на допотопном планшете, прихваченном предусмотрительной Наташей вместо временно бездействующих чипов. Прочел послания от матери и Элизы. Обе переживают. Обeim он рассказал про Наташу, с которой делил койку, едва корабль вышел из гиперпрыжка, а они – из анабиоза. Все равно больше не о чем рассказывать – письма с описанием военных действий не проходили, хоть ты тресни. Оно и правильно – враг не дремлет. Но что, вы думаете, ответила Элиза на известие о его фронтовом романе? «Как я рада, что о тебе есть кому позаботиться». Что у нее в голове?.. Или так сильно любит, или дура. Впрочем, на дуру не похожа. Пишет вот о новой своей разработке. «Тени умерших». Что за ерунда? Такое впечатление, что полписьма стерто. Какие-то новаторские изобретения в генетике и информационных технологиях.

Ничего не понятно. Спать.

А на следующий день был аэробус. Жители разрушенного за неделю городка с жизнерадостным названием Ясно-Утро спешили прочь от пылающих домов. Кто – в соседние, пока нетронутые города, кто – в космопорт, мечтая обратиться подальше от ставшей адом планеты.

– Расставь «кузнечиков», рядовой.

На пропускной пункт они приехали за час до прибытия аэробуса. Вокруг – чисто поле... Хотя не такое уж чистое – большую часть сам заминировал. Груда бульжников, изображающих защитную стену, усталые бойцы Союза Шести, молодые пацанята, в основном не новоземские, в потрепанном камуфляже. И персональная переносная палатка капитана. Туда его Радоев и вызвал.

– «Кузнечиков»? – мотнул головой Эдик. – Где? Ожидается нападение на беженцев?

– На трассе, в секторе А. Выполнять!

– Но...

Он похолодел. Прикрыл глаза, вызывая картинку трассы, прикинул расположение мин вертикально направленного действия, больше известных как «кузнечики» – взлетающих на шесть-семь метров вверх. Стандартный пассажирский аэробус летит на высоте десять метров.

– Но... В этом секторе аэробус идет на снижение...

– Рядовой Эдуард Лапин. Вы получили приказ. Выполнять!

– Я не понимаю, господин капитан.

Радоев приблизился вплотную.

Черные усы, черные глаза и нелепая татуировка с многоглазой стрекозой на лбу. Отличительный знак их космодесанта. Эдуард Лапин внезапно порадовался, что себе не успел такую сделать, и тут же отмахнулся от неуместной мысли.

– Разве вам, рядовой, обязательно понимать приказы, чтобы выполнять их? – прошипел в лицо капитан.

Рядовой Эдуард Лапин вспотел. Взглянул в лицо командиру, облизал пересохшие губы и все-таки выдавил:

– Погибнут люди.

– «Девятки», ты хотел сказать, рядовой, – презрительно фыркнул капитан и вдруг схватил Эдуарда за грудки. – Ты думаешь, мне легко? «Золотистых», говоришь, среди союзников нет? Люди от «кузнечиков» погибли? Мы Союз Шести должны спасти, понимаешь? Что значит несколько жизней по сравнению с безопасностью двадцати с лишним планет?! Выполнять приказ! Иначе самого посажу на «кузнечика». Пошел!

Он вышел прочь на ватных ногах. У одинокого булыжника распустился цветок с неприспособленным названием и крупными мясистыми лепестками разных оттенков синего – от фиалкового до бирюзового. Только на Мауи-9 такие растут. Рядом стояла Наташа. Красноватые волосы собраны в неизменный хвост, кепка защитного цвета, золотистые глаза. Почти такие же, как кожа тех, с кем мы воюем.

– Наташа...

Она стремительно подошла, положила руки ему на плечи.словно в рекомендованном ти-ви-шоу.

– Знаю. Ты получил приказ. Так надо – чтобы спасти Союз Шести.

– От кого?

Он сам испугался своего вопроса, а Наташа и вовсе отшатнулась.

– Федералы напали на Мауи-9, на Союз Шести, на нас. Но все оказалось еще хуже, чем мы думали. Среди «девяток» много предателей. Они воюют против Союза Шести, вот и ответ на твой вопрос о золотокожих солдатах. Ты должен выполнить приказ.

– В этом автобусе нет солдат!

Тяжелая рука легла на плечо. Он обернулся. Сашка. Рядовой Александр Снегирь. И с ним еще двое бойцов из их десанта.

– Идем, друг, – оскалился рядовой Снегирь. – Приказано помочь тебе с установкой мин.

– И ты... Да что с вами?

– Приказ есть приказ, – холодно сказала Наташа.

И он выполнил.

Дальнейшее помнил смутно. Мины сработали точно, когда серебристый эллипсоид аэробуса пошел на снижение – он, как всегда, не ошибся. Часть людей – «девяток»! «девяток»! – погибла на месте, кто-то выскочил из окна, сломал руки-ноги, кто-то умудрился выжить при падении аэробуса, выскочить, избежать осколков «кузнечиков», броситься в поле и нарваться на мину... Тех, кто долго не нарывался, добивала Наташа из снайперской винтовки.

А потом он увидел глаза. Черные глаза перепуганного золотистого мальчонки, выглядывавшего из облезлых кустов при дороге. Как остался живым и незамеченным в этом аду, непонятно. Рядовой Эдуард Лапин даже подумать ничего не успел, а тело уже кинулось вперед,

схватило мальчугана и помчалось прочь, через поле. Он знал, что поле заминировано, но также помнил – чувствовал – расположение каждой мины, ведь ставил их сам. И был уверен – погони не будет. Стрелять в спину? Возможно. Но не сразу. Пока опомнятся...

Боль обожгла ногу, потом вторую, острое жало впилося в позвоночник, он рухнул в метре от собственной растяжки, глаза заслонила красная пелена. Темноглазый золотокожий мальчонка прижался к нему и заскулил. Кажется, его не задело. Темно, как же темно, теплое у бока, детские глаза, где его глаза? Смотреть в глаза.

– Иди, – прохрипел рядовой Эдуард Лапин, нащупав взгляд. – Видишь... тропка... трава слегка... примята... Различаешь? Ступай... по ней... Не сворачивай... Четко... Ступай.

Дошел или нет – он уже не увидел.

– Как надоели смерти. Нелепые, никому не нужные, – Ника вскочила, зашагала по комнате.

Маленькая, хрупкая, со смешной короткой стрижкой. Отважная.

– Я на все пойду. Сама умру, лишь бы остановить это безумие.

– Не умирай. Живи. Должен ведь жить кто-то, кто понимает...

Рядовой Эдуард Лапин пришел в себя на больничной койке, в лазарете на базе. И пожалел, что не умер – он не мог пошевелить ни ногой, ни рукой, позвоночник перебит качественно. Наташа – меткий стрелок, профессионал в своем деле, как и он. На этом их сходство заканчивалось.

– Ты трус! – процедила ему Наташа в единственный свой визит. – Жалкий трусливый раб. Ты предал наше дело, пожалел врага. Видеть тебя не желаю.

– Тебе повезло, – сказал рядовой Александр Снегирь, – ПВС у тебя признали, а иначе – сразу бы под трибунал. А еще капитан сказал, что на тебе репортаж хороший сделали для усваивания. Так что – повезло вдвойне. Чего смотришь, будто не узнаешь? Это же я, Сашка...

Он отвернулся. А вскоре его отправили домой.

– Не вздумай высовываться, рядовой, – отрезал напоследок капитан Радоев, и стрекоза на его лбу нервно дернулась. – Дома для всех ты герой. Пока еще – живой, а не тень героя, понял? О матери подумай и о сестре, усвоил? Селене скажи, я все, что мог, сделал.

Чип заработал, едва он ступил на Новую Землю. Ха-ха, «ступил» – это громко сказано. Его – парализованного, привязанного ремнями к каталке – выкатил электронный медбрат корабля. И тут же...

«У вас одна тысяча двадцать четыре неувоенного материала. Отсортировано по свежести и важности. Особо рекомендовано! Усвойте!»

Лицо. Его собственное перекошенное лицо, и черноглазый мальчишка, прижатый к груди. «Отважный боец Союза Шести спасает ребенка Мауи-9 от захватчиков Федерации, несколькими минутами ранее расстрелявших автобус с беженцами. Все беженцы погибли».

Он корчится на минном поле, глаза навывкате, горло хрипит.

«Боевики Федерации едва не убили нашего героя, спасителя мальчика-беженца. Вражеский снайпер прятался в кустах...»

Мальчик. Спаситель... Спасся! Спасся!.. Сюжет закончился, начался новый.

«Особо рекомендовано! Усвойте!»

«Новое изобретение генетического отдела Корпорации, возглавляемого Элизой Хорни, поможет пережить горечь внезапной утраты. Проект «Тень» вернет вам дорогого человека хотя бы на время, позволит попрощаться с теми, кого отобрала у вас Федерация, сказать все, что не успели, и медленно свыкнуться с мыслью о потере».

Эдуард с трудом вынырнул из информационного потока, мотнул головой. Ну и бред. Одно бредовее другого. «Хорошо, что лежу, а то бы упал...»

И бросил сообщение Элизе: «Забери меня».

– Я не мог показаться матери в том состоянии. Это убило бы ее на месте. Я... так думал тогда.

Сестра взяла его ладонь в свои. Она приловчилась складывать ладони так, что получалось почти настоящее прикосновение. Невесело усмехнулась.

– Знаешь, мама никогда не хотела делать тебя тенью. Говорила: если Эдичек вдруг погибнет, я буду помнить его живым, а не непонятно каким, полупрозрачным. Другие матери смотрели на нее, словно на говорящее существо с Фиолетового Рассвета.

Он вздохнул. Мать спокойно пережила известие о его ранении, не впала в истерику – как он боялся – при виде сына, распростертого на кровати, уже, правда, прооперированного и с действующими руками. Ника рассказывала, что и известие о его смерти она перенесла стоически. Но когда увидела тень...

– Кто же знал, что мой спаситель станет моим палачом? И не только моим. Всей семьи.

Элиза бросила на его лечение все силы. Как ведущий врач Корпорации и руководитель отдела генетики, задействовала все доступные ей средства, привлекала лучших специалистов. Под ее чутким руководством ему сделали три операции, но до конца он так и не восстановился – выращенные специально для него нервные волокна повели себя непредсказуемо. К рукам и верхней части тела чувствительность постепенно возвращалась, а ноги по-прежнему оставались бесполезными отростками. И боли в позвоночнике до конца не прошли. Но по крайней мере он жил.

Из госпиталя Элиза забрала его в свою квартиру – просторную, в центре главного Мегалополиса Новой Земли. Она отказалась от мысли нанять медсестру, а уж тем более – подключить сиделку-автомат. Вместо этого взяла бессрочный отпуск, чтобы ухаживать за ним сама – благо ее сбережений и его «бонусов героя» хватало минимум года на три спокойной жизни. Она вставала к нему ночью, когда он орал от болей, делала уколы, каждые два-три часа переворачивала с боку на бок, обтирала вспотевшее тело влажными салфетками, кормила с ложечки, меняла под ним простыни-памперсы, пока его руки достаточно не окрепли, чтобы делать все это самому...

И любила. Каждый ее взгляд, каждый вздох говорил о том, что Элиза беззаветно его любила. В итоге они оформили брак, сделав Элизу официальным его опекуном. Мать с сестрой, к его удивлению, навестили Эдуарда лишь раз – в госпитале.

Со временем молодожены даже сексом заниматься приловчились, благо интим-индустрия во все века процветала.

Впрочем, было нечто, что волновало Эдуарда Лапина больше, чем брак и личная жизнь, и даже больше, чем уже редкие, но все еще сильные боли. Он научился отрешаться от бесконечно-лживого информационного потока: «Усвойте! Наши герои освободили очередной городок от злобных федералов-захватчиков», «Усвойте! Захватчики совместно с предателями-«девятками» расстреляли детскую больницу», – и плевать, что следы на стене больницы могли оставить только снаряды новейшего оружия Союза Шести...

Но отрешиться мало – он искал правду.

Никого из их десанта эта война не насторожила, все продолжали, как заведенные, талдычить усвоенное. Но ведь должен быть хоть кто-то, кроме него, кто понял... кто знает... кто может объяснить... Слегка оправившись, он рыскал по глубинам Сети, собирал крохи информации.

Вот, например («*рекомендация ниже среднего*») – среди бойцов пятого космодесанта участились случаи ПВС, которые закончились массовыми самоубийствами. А ему ведь тоже ПВС приписывали...

Или вот («*к усваиванию не рекомендуется*») – корабль с ветеранами, находившимися на Мауи-9 с первых дней военной операции, затерялся в глубинах космоса. Вылетел с «золотой» планеты и... растворился. Даже осколков не обнаружено. Конечно же, обвиняют Федерацию, но Эдуард понимал – не все так просто. Ветераны могли бы многое рассказать.

А вот...

«Внимание! Категорически не рекомендовано!»

...форум Вернувшихся с Мауи-9 ...

«Крайне ненужная информация! Вредная. Мусор!»

...«Зайти на форум».

Фонтан боли разрывает мозг, Эдуард хватается за виски, катится по кровати, падает на пол, стискивает зубы, царапает пальцами ковер, зеленый пушистый ковер Элизы.

Форум Вернувшихся захлопнулся. Боль отступила.

«Рекомендовано! Для снижения стресса прослушайте расслабляющую песенку: «Вот-те раз, вот-те раз – тебя смыло в унитаз!»

«Рекомендовано! Позитивные новости из зоны боевых действий на Мауи-9. Наши герои одержали очередную победу. Усвойте!»

«Рекомендовано!...»

К чер-р-рту!

Ему нужна информация. Элизы дома нет – редкий случай, но он знает, где хранится морфий. Подтянуться на руках, отползти от кровати – к бару, в другой конец комнаты. Там аптечка. Подтянуться. Дотяну-у-уться! Пальцы цепляют полупрозрачный пластиковый бокс с лекарствами, тот падает на пол – Эдуард едва успевает откатиться, но бокс задевает щеку, обжигает огнем. Неважно. Шприц, ампула.

Он должен попасть на форум.

Второй раз боль была сильной, но терпимой. Интересно, остальные так же сюда попадают? Посредством морфия? Или – чего посильнее?

Архив форума.

«На Мауи-9 обнаружены залежи ценных пород, неизвестных науке...»

«Федерация или Союз Шести – к кому присоединится Мауи-9?»

«Жителям Мауи-9 обещана полная автономия в составе Союза Шести планет».

«Почему – планет 20 с лишним, а Союз по-прежнему «Шести планет»?»

«Правительство Мауи-9 отказалось от введения повсеместной Системы Рекомендации Информации».

«Жители «золотой» планеты отказываются переезжать из своих городов, что затрудняет добычу породы. Из-за отказа от СРИ их практически невозможно переубедить...»

«Накануне 4-го юбилея Мауи-9 хочет выйти из состава Союза Шести».

«Правительство Федерации беспокоится за безопасность золотокожих...»

– Милый! Милый, что с тобой?

Зажужжали, закрываясь, двери, посыпались на пол магнитные карточки-ключи. Элиза бросилась к нему, опустилась рядом.

– Как ты здесь очутился? – она взглянула на осколки ампулы. – Морфий? Что произошло? Я же на пару часов всего вышла...

Она подхватила его под мышки, шелковистые черные волосы скользнули по лицу Эдуарда, обдали приятным запахом миндаля и первопричального тюльпана. Элиза дотащила его до кровати, уложила в постель.

– Элиза, все ложь, вокруг нас ложь. Нас одурачили, вдолбили в голову полную хрень, а мы пошли убивать. Недоумки. Котята слепые. Даже существа с Фиолетового Рассвета разумнее нас. Да послушай же!

Элиза слушала, кивала и улыбалась. Почти все их разговоры сводились к тому, что она слушала, кивала и улыбалась. Удобно – с одной стороны. Но сейчас ему нужен толковый собеседник, а не услужливое поддакивание. Он едва дождался, пока Элиза прекратит кудахтать, убедится, что с ним все в порядке, и оставит в покое.

А после кинулся рассылать сообщения всем подряд – боевым товарищам, знакомым по учебе, сестре. Мать беспокоить не стал. Многие контакты оказались заблокированы, другие – просто не ответили, от сестры пришла странная фраза: «Я уже не заноза в заднице?»

– Она нас к тебе не подпускала. С тобой невозможно было связаться...

– Она на какое-то время переключила все мои контакты на себя, говорила, так необходимо, пока я не восстановлюсь.

– А нам заявила, что ты не хочешь нас видеть. Я не поверила, приехала сюда, но она меня и на порог не пустила. Уверяла, это ты велел меня прогнать, назвал занозой в заднице. И улыбалась при этом... словно глыба ледяная, улыбнулась. Или – василиск древний. Я ей не поверила. Вернулась еще раз. Тогда меня не пустили даже в здание. Охранник сказал – твой приказ.

– Бред. Она всех так распугала. А я ничего не замечал. Сначала – из-за боли. Потом – весь ушел в поиски правды о войне. Я копал и копал, делился с ней, но Элизу это не интересовало. Ее вообще ни черта не интересовало, кроме проклятых теней и... меня. Впрочем, я тоже не слушал ее рассказов о проекте «Тени». А зря...

К тому дню, когда прикатила робо-медсестра, он уже многое выяснил. Союз Шести развязал эту войну даже не ради некой ценной породы, большей частью – чтобы спровоцировать Федерацию перед световым сообществом. Федерация же, несмотря на громкие обещания защитить жителей Мауи-9, реальную помощь оказывать не спешила, поддерживала золотокожих бойцов ровно настолько, чтобы их не смели с лица планеты. Два космогиганта решали свои проблемы, и не было им дела ни до разрушенной планетки, ни до поломанных судеб простых солдат, вроде него.

Он собрался поделиться размышлениями с Элизой – пусть хоть кивнет в ответ, и то хлеб, – но тут зажужжали двери, и в комнату вкатил зеленоватый цилиндр, сообщил что-то о плановом обследовании и велел дать руку. Он закатил рукав рубашки, все еще витая в своих мыслях. Рядом топталась сконфуженная Элиза. Эдуард вдруг взглянул на нее, как... как в первый раз. Бледная кожа, темные большие глаза, черные волосы разметались по плечам. Она выглядела такой юной. И уставшей.

«А ведь она, считай, похоронила себя в этой квартире».

Эдуард успел подумать, что надо бы хоть чем-то ее порадовать, как в вену впиалась игла. И он заснул.

А проснулся в аду.

У него больше не было тела. Но была память. Он избавился от боли, но вместе с ней ушла и жизнь. Он больше не был привязан к кровати, мог свободно передвигаться по комнате, по квартире, но толку с того? Он больше не был собой, он стал... тенью?

– Что ты сделала? Что! Ты! Со мной! Сделала?! – он бросился к Элизе, к своей жене, своему ангелу-хранителю, а та сидела в кресле и невозмутимо наблюдала за его метаниями.

Как он выглядит со стороны? Эдакий полупрозрачный призрак из тупого ти-ви? А в зеркале отразится? Метнулся в прихожую, к зеркальным дверцам гардероба. Ох! Лучше бы не отражался.

– Что ты сделала?!!

– Ты был мертв, – глухо заговорила Элиза. – Твое ранение... Мы так и не вылечили его до конца. А я не смогла бы без тебя.

Он взвыл. Заметался по квартире, пролетая сквозь стены. А можно на улицу? Вдохнуть свежего воздуха впервые за... Ладно, не вдохнуть. Просто ощутить свободное пространство. Он кинулся к балкону, но нарвался на невидимую преграду.

– Ты не можешь выйти без меня. Ты завязан на мне, на мой чип. Все тени...

Тени... Тени! Оу-у-у-у-ы-ы-ы!

– Замолчи! Не хочу ничего слышать. Оставь меня.

Он метнулся к потолку, забился в угол, за навесным горшком с модифицированной лианой, растение шевелилось и расплзлось по комнате. Гадость. Так. Успокоиться. Вспомнить все, что он слышал о проекте «Тени». Создан из-за внезапно большого количества погибших на Мауи-9. Первым бойцам обещали, что они едут едва ли не на курорт, вернутся скоро, с легкой победой и вечной славой. «Тень умершего» – синтез новейших информационных и генетических технологий. В зависимости от глубины душевной травмы родных, тень создается на неделю тире шесть месяцев. Интересно, какой срок дали Элизе?

– Эй! Когда это закончится? Сколько мне здесь торчать? Неделю? Месяц? Полгода?

Элиза встала с кресла. Свела брови.

– Я не понимаю. Обычно тени ведут себя спокойно, облегчают участь родственникам и женам. Это прописано в программе.

– Ты не ответила на вопрос!

– Мне как ведущему разработчику проекта разрешили оставить тебя навсегда. Пока я жива, будешь существовать и ты. Мы будем вместе. До конца.

Казалось, его крик сотряс стены. Но Элиза даже не поморщилась.

Три дня он бесцельно метался по квартире на глазах у изумленной Элизы. Бился бы об стены головой, если б мог. Завывал бы ночами, не будь это так пошло – воющий призрак.

Нет. Не выть и не биться. Успокоиться. Выход. Искать выход. Если он подключен к чипу Элизы, должен быть способ отключиться или хотя бы переключить, уменьшить срок... как-нибудь. Стояла глубокая ночь, Элиза спала. Он примостился рядом с ней на кровати и вдруг отчетливо услышал пульсацию. словно стучало его сердце, только находилось оно... в голове у Элизы. Чип! Он ощущал его как часть себя. Чип звал, манил его, как Источник жизни. И он услышал бы его раньше, не бейся в истерике. Он сосредоточился, нащупал невидимую «пуговину» и нырнул сквозь мириады нейронов к Источнику.

Информация навалилась на него сотней разнообразнейших образов. Понадобилось немалое усилие, чтобы вычленил из них один – «Эдуард».

«быть с ним быть с ним быть с ним...»

«восстановление позвоночного столба с помощью генетических технологий, частичное восстановление, дефект выращенных волокон... запрограммировать дефект...»

«он мой он мой он мой...»

«никто к нам не войдет – покоя не испортит – никто не нужен нам – он мой он мой он мой...»

«хотят забрать его – куда не надо влез – отдать его? – но он уйдет без боли – хотя бы так – потом ко мне вернется – навсегда – он мой он мой он мой»

«что-то не так, я где-то просчиталась, он мыслит, и много, в программе ошибка, коррекции не поддается – на такой долгий срок теней еще не делали, но разве я могла иначе?»

«что я наделала? неважно, я их умнее, никто не узнает, отчет будет чистым, главное – мы вместе, навсегда, он мой, и он – привыкнет...»

Он вынырнул из Источника, отпрянул от кровати, где спало... это существо. Если бы тень могло стошнить, его бы вырвало. Метнулся к ненавистной лиане, затрясая всем призрачным телом. Он сможет скинуть горшок ей на башку? На вид тяжелый. Бах – и все закончится. Для обоих. Сосредоточиться и... Нет, лучше не так. Он вытрясет из нее признание, расскажет обо всем, что увидел в ее чипе и... Нет, не так. Он не скажет ничего. Не выдаст такой козырь. Он поступит иначе.

Днем он потребовал свидание с родными. Так и сказал: «Свидание». И захохотал в ответ на ледяное: «Ты не в тюрьме».

«Значит, выпусти меня». – «Ты – аномалия. Все остальные были благодарны за лишние дни жизни». – «Что ж, отключи меня». – «Ты отключишься с моей смертью».

Она не врала.

– Бедная мама. Когда она увидела тебя...

– Я жалею, что позвал вас обеих, а не тебя одну. Но жалею и о многом другом. Об убитых на Мауи-9. Кого мы убивали? Тех, кто нам доверился. Это не у них – «девятая планета», это все мы – в девятом круге.

Ника печально улыбнулась.

– Еще одна древняя книга.

– А здесь – моя персональная льдина, в которую я вмерз.

Мягкий толчок сообщил о завершении передачи данных – с чипа Элизы на Никин чип, в особую «незримую» секцию.

– Готово, – Ника поднялась, тронула рукою полупрозрачное плечо. – А за ней, судя по всему, скоро придут...

– Тогда тебе пора уходить. Из этой квартиры, из Мегалополиса...

– Без нее и тебя не станет.

– Мы это уже обсуждали.

– И все-таки, если ты передумал, я ведь теперь знаю, как это делается. Только скажи.

– Не передумал. За свою жизнь я натворил многое – и плохое, и, надеюсь, хорошее. За последние полгода благодаря доступу к чипу Элизы мы узнали и научились стольким вещам, что теперь тебе и нашим друзьям из Вернувшихся не составит труда донести правду до людей – и о войне, и о Союзе Шести.

Он помолчал, мотнул головой.

– Она ведь знала. С ее уровнем доступа к информации, она знала все про эту войну и молчала. А самое страшное – ей было все равно. Ее это просто не интересовало. Потому она и не поняла ничего о природе моей аномалии.

Ника закусила губу и ничего не сказала. Молчал и он. Все слова прощания казались пустыми и глупыми.

– Как бы там ни было, за свое равнодушие она заплатит, – заговорила вновь сестра. – Ее считают чуть ли не главой ополчения, а она и не в курсе даже. Никому так и не пришло в голову, что сливать важнейшую информацию и спланировать сопротивление способна тень... Может, ее и не убьют сразу?

– Чип в любом случае вырубят. Как на Мауи-9. А если нет, побуду еще немного в личном аду. Днем больше, днем меньше. Главное, дело свое сделал. Все, что мог в своем положении.

И могу уйти. Наконец-то уйти...

Март, 2015

Сергей Битюцкий Унесенные снами

Быстрыми хрупкими снами
Плыл я по призрачным Летам.
Тонкой материи пламя
Тлело под солнечным светом.

Ответ пришел из белесого ниоткуда:

– Потому что память в этой фазе существования недоступна. Накопление информации не происходит.

– А на тебя, что ли, запрет не распространяется? Ты где?

– Да здесь я... И не один. Нас тут несколько сотен греется.

Перезвон смешков прокатился по пустоте.

– Греется? Холода не чувствую...

– А как это назвать? Пользуем как внешнюю память то, до чего можем дотянуться в материальной фазе. Мыслим если не полноценно, то сносно...

В незримую беседу влились другие голоса:

– Без памяти загробная жизнь – не фунт изюма. Плынешь по течению, рефлекслируешь слепком личности, но не помнишь, что с тобой было секунду назад. Сон такой – без конца, без начала...

– Ага. Загробная... О как.

– Ну, не обессудь, мил человек, за дурную весть.

Звонница смешков.

– Хотя сюда и живой народ часто заплывает. Кто, когда спит. Кто в бреду или бухим. Наркоманы тут тоже пузырятся. Парапланеристы хреновы.

– А вы, нетленные души, почему думаете, что я именно того... ласты склеил? Может, я тоже сплю, и мне снится ваш рой мотыльков... Кстати, блин, жрущий ресурс моего «винчестера»!

– Гляди-ка, жаба душить начала! Поздно жадничать, чувак!

– Вот заснет кто-нить неподалеку, сам разницу поймешь.

– Новенький, ты бы при жизни мог попутать морковку, растущую из грядки, с лежащей в кастрюле?..

– Эй, граждане, а ведь точно, это хозяин компа, у которого мы греемся!

– Да и впрямь, похоже, что он! Следователь же ответил на письмо в скайпе, что Павел у компа инсульт получил... В результате злоупотребления... Собеседник не поверил, решил, что это ты спьяну ахинею несешь...

– Угу, меня зарезало трамваем, приезжай на похороны...

Смех, перезвон сосуллек...

– Понимаешь, в чем фокус... Милиционер сейчас по твоим запасам порнофильмов шарится. Надоело ему. Дело, видимо, будничное, никакого криминала. Так вот, как он комп твой, Паша, выключит, так память у всех нас разом и отшибет. Мы там, на твоём «винтике», по шесть соток нарезали, ты уж не обессудь. Да ты и сам сейчас от него же, от «винта» своего, существуешь. Когитишь свое эрго. Обесточат комп – и поплывем мы по волнам нашего беспамятства. Унесет нас астральным, понимаешь, ветром... Мы ведь уже не сможем запомнить, что память вернется, когда комп включат. Что уходить нельзя. Да и комп ведь теперь могут раздербанить или продать...

– Нет, Паша, тебе реальное спасибо, что держал комп всегда включенным. Твои страсти по торрентам нам дали несколько лет неплохой синекуры...

– Эй, народ! А как долго... после жизни... такие сны продолжаются?

– Дружище, а мы-то откуда можем знать? До того, как на твой комп наткнулись и присосались, откель мы знаем – кто мы и сколько порхали?

– Ну вот, мент, волчина позорный, жмет выключение. Прощаться надо, пока при памяти...

– Эй, народ! Кому он в скайпе отвечал, скажите, мне нужно знать!

– Колокольчик-83.

– Она все-таки написала! Написала мне! Что же делать-то?!

Смех. Ледяные колокольчики. Хрустальный звон. Я лечу...

Что-то новое во времени

(по итогам мастер-класса Ярослава Верова и Игоря Минакова)

Ярослав Веров, Игорь Минаков

Как он был от нас далёк

(повесть)

1

Таню фашисты застали врасплох. Остолбенева, она стояла посреди улицы, когда черные мотоциклы окружили ее и ражие парни с запыленными лицами, скаля зубы, заорали: «Фройляйн! Гут!.. Рюский девушка. Карош!» Баба Маша, как заполошенная, выскочила из калитки, но подойти не решилась. Не стало бы хуже. Может, чужие солдаты полупают зенками на красавицу Таню да и покатают дальше? Но немцы никуда не спешили. Село удалось занять без боя, и можно было позволить минуту передышки.

Войска вермахта наступали. Наступали стремительно, опрокидывая, отесняя разрозненные, слабо связанные между собой красноармейские части. В знойном июльском небе, как пришитые, висели немецкие самолеты, высевая в русскую землю смертоносные семена бомб и щедро поливая ее пулеметными очередями. Через поля рано созревшей пшеницы беспрестанно ползли пятнистые машины, почти не встречаясь с огнем артиллерии. Под прикрытием танков шагала в полный рост пехота. Катили по проселкам мотоциклетные роты, первыми врываясь в деревни и села. Неудивительно, что военная удача кружила головы. Солдатам хотелось как-то отметить ее, но командование не поощряло пьянства, а вот покуражиться с первой встречной русской, да еще молоденькой, да еще хорошенькой...

Таня все прочитала в серых веселых глазах «истинных арийцев» и готова была впиться ногтями в эти самые глаза первому, кто сунется. Первым решился молодой белобрысый парень. Он медленно, с ленцой, слез с мотоцикла, передал автомат напарнику и двинулся, загребая сапогами горячую пыль, к девушке. Другие одобрительно залопотали, подбадривая его, судя по тону, шутливыми возгласами. Солдат вытащил из петлицы увядшую ромашку, с дурашливым поклоном протянул ее Тане. Коротким хлестким ударом она выбила из фашистских пальцев издевательское подношение.

Сослуживцы неудачливого ухажера обидно захохотали. Старший, похоже, фельдфебель, отпустил в его адрес длинное ироничное замечание. Глаза у белобрысого сделались вовсе не веселые – сузились, как у кота, оледенели, он отступил на шаг, пробормотал сквозь зубы неразборчивое, замахнулся. В голове у Тани жарко сверкнуло, потом еще раз. Она рухнула, как подкошенная. Истошно завопила баба Маша. Чужие, ненасытные руки рванули на груди Тани сарафан...

И вдруг сверху – гул двигателей. С трудом разлепив веки разбитого глаза, Таня увидела, как заходят против солнца, сверкая винтами, два «ишачка».

«Наши! Родные!..»

Затрещали пулеметы. Зло заорал фельдфебель. Взбили горячую пыль солдатские сапоги. «Ухажер» замешкался. Качнулся вперед, словно хотел заслонить Таню от выстрелов с неба. И вдруг нелепо взмахнул руками, повалился ничком. Таня едва успела откатиться в сторону. Сумела подняться, но что-то горячо и остро ударило ее в живот, заставив взвыть, скорчиться в три погибели и провалиться в темноту беспамятства...

Округлая тень накрыла улицу. Настолько плотная, что полуденная жара сменилась внезапной прохладой. Заплаканная баба Маша оторвалась от внучки, замертво лежащей рядом с убитым немцем, с изумлением глянула сперва на свои окровавленные руки, лишь потом задрала голову – и попятилась. Овальное днище неизвестного летательного аппарата, что висел в нескольких метрах от земли, источало прохладу и мягкую, но необоримую силу. В днище

стремительно разошлась многолепестковая диафрагма, невидимый вихрь подхватил девушку и втянул внутрь.

Баба Маша, ни жива ни мертва, отползла к забора, беззвучно шепча молитву. Она бы с радостью и перекрестилась, но руки было не поднять. По представлениям внучатой племянницы, которая как раз закончила радиотехникум, баба Маша была женщиной темной, не избавившейся от религиозного дурмана, поэтому искренне и горячо благодарила Господа, который послал ангела спасти неверующую комсомолку. И пусть ангел выглядел не так, как изображают вестников Господних на иконах, но сияние, от него исходившее, не оставляло в душе пожилой крестьянки ни малейшего сомнения, кто и куда забрал ее Танюшу...

Прохладный утренний ветер ворвался в приоткрытую дверь, всколыхнул занавеску, взъерошил пшеничные пряди волос спящей девушки и выскочил наружу. Почувствовав его дыхание на щеке, Таня проснулась. Повернулась на другой бок, сонным взглядом обвела комнату. Четыре стены, обклеенные желтовато-пестрыми и уже слегка выцветшими обоями. Большое окно с видом на озеро. Круглый стол, накрытый малиновой, с кистями скатертью, простая стеклянная ваза с подувядшими маками. Красиво... Придвинутые к столу стулья с гнутыми спинками. Массивный шкаф с резными дверцами... Вроде ничего особенного. Почти такую же комнату Таня снимала в Луге, где проходила летнюю практику с начала войны. И все-таки что-то неуловимо странное было в этой самой обычной с виду комнате. Вдруг Таню осенило. Уж очень гладкие стены, а рама идеально чистого окна ровная, будто и не из дерева. Таких просто не бывает. Добротный, крепкий дом бабы Маши, например, построили сравнительно недавно, во времена НЭПа, а он уже как-то весь осел, оконные рамы покрылись трещинами, дверные коробки перекошились, под штукатуркой все время что-то шуршало, словно там сновали мыши. А может быть – и сновали. Мышей Таня боялась. А здесь... Не похоже, чтобы они здесь водились. Таня свесилась с кровати – самой обычной с виду кровати с панцирной сеткой и никелированными шарами на спинках, – провела пальцем по полу, поднесла к глазам: ни пылинки.

Сон стремительно улетучивался, и на его место приходило недоумение. Таня откинула одеяло. Ахнула. Где она? Почему совсем голая? Даже любимой ночной сорочки с вышитым воротом нет. Провела ладонью по животу. Встала, придирчиво огляделась: в дверце шкапа имелось мутноватое зеркало. Что-что, а цену своей красоте Таня знала. Недаром – отличница ГТО и в ОСАВИАХИМе на хорошем счету. Еще раз погладила себя по животу, словно что-то беспокоило. Так и есть! Вмятины. Одна, вторая... пятая. Откуда?

Воспоминание, острое как бритва, швырнуло ее обратно на койку, заставило закутаться в тонкое одеяло. Серые наглые глаза... жадные пальцы... омерзительный гогот... солнечный блеск на винтах родных «ястребков»... выстрелы и... боль, тягучая, вездесущая, черной воронкой затягивающая в глубь себя боль. Так. Спокойно, комсомолка. Перевести дух. Ты сейчас целая и здоровая. А там посмотрим, куда это тебя занесло...

Перевести дух не вышло. Новый сюрприз возник в распахнувшихся дверях комнаты. Женщина. Такой красавицы Таня не видела даже в кино. Стройная, светловолосая, сероглазая, с длинными ресницами и яркими губами. Женщина приветливо улыбнулась и произнесла глубоким грудным голосом:

– Доброе утро!

– Здравствуй, – пролепетала Таня, таращась на ее белое, до пола, платье, оттененное ниткой черного жемчуга вокруг длинной шеи. Неудивительно, что на полу ни пылинки. В таком платье по грязи не ходят.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.